Z 103
136

Z 103/136

КАТОЛИЧЕСКІЙ СВЯЩЕННИКЪ

СЕРБЪ (ХОРВАТЪ)

ЮРІЙ КРИЖАНИЧЬ,

НЕБЛЮШСКІЙ, ЯВКАНИЦА,

РЕВНИТЕЛЬ ВОЗСОЕДИНЕНІЯ ЦЕРКВЕЙ И ВСЕГО СЛАВЯНСТВА
ВЪ XVII ВѢКѢ.

(По вновь открытымъ свѣдѣніямъ объ немъ).

П. БЕЗСОНОВА.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1870.

Изъ журнала *Православное Обозрѣніе* 1870 года.

Печатать позволяется. Москва, декабря 23 дня 1870 года.
Цензоръ Протоіерей *С. Зерновъ*.

2007050543

ВСЕСОЮЗНАЯ
КНИГА
64478-44

ЮРІЙ КРИЖАНИЧЬ,

РЕВНИТЕЛЬ ВОЗСОЕДИНЕНІЯ ЦЕРКВЕЙ

И

ВСЕГО СЛАВЯНСТВА ВЪ XVII ВѢКѢ.

(По вновь открытымъ свѣдѣніямъ объ немъ).

III.

Своимъ свѣтлымъ взоромъ и любящимъ сердцемъ остановившись разъ на Россіи, Крижаничь уже готовъ былъ для нея съ той самой минуты на всѣ возможныя жертвы, какія были только подъ силу его страстной природѣ. Говоря собственно, все было враждебно задуманному предпріятію: вѣковая въ прошедшемъ и многовѣковая въ будущемъ, росла той порою ненависть къ Россіи въ окрестныхъ государствахъ Европы, не одна ненависть—безсильная зависть, и вѣроломная льстивость въ глаза небывалой развившейся силѣ, и заочная злая насмѣшка надъ собратомъ нѣкогда отставшимъ, хотя бы теперь и спѣшилъ онъ догнать упредившую цивилизацію. Силою вещей, суровое разочарованіе не щадило самыхъ горячихъ надеждъ, съ каждымъ шагомъ приближенія къ возлюбленному существу: по мѣрѣ того, какъ всматривался и вслушивался въ него грядущій поклонникъ, какъ, заслоняя сіявшій вдали образъ, возставали вблизи всѣ внѣшнія обстоятельства, обыденныя случайности, нагіе и грубые будни. Но ни вкрадчивые, ни наглые навѣты зла, какъ всего случайнаго, не имѣли уже силы надъ душею странника: отданный задачамъ существеннымъ, онъ собирался,—зналъ это,—не на прогулку и прохладу, на подвигъ серьезный. Не то, чтобъ не ви-

далъ, не то, чтобъ не слыхалъ онъ зловѣщаго: онъ видѣлъ и слышалъ далѣе другихъ, выше, до того предѣла, гдѣ въ судьбахъ исторіи добромъ побѣждается зло, правдою кривда, красотою безобразіе, истиною существа ложь случайности. Русское дѣло созналь Юрій дѣломъ уже своимъ и присвымъ: онъ ревновалъ по его имени, чести и славѣ. Знакомое ли намъ упрямство въ личномъ характерѣ поддерживало стойкость его намѣреній: самое упрямство сложилось не даромъ, — какъ внѣшнее видоизмѣненіе, какъ наружная оболочка высокой прямоты духа. Безъискусственной ли рѣчью народной Былины хотимъ мы изобразить всѣ испытанія и всю испытанную вѣрность этого исполина вѣры, мысли и слова: мы вспомнимъ тѣхъ богатырей нашей древности, преданность которыхъ Русь испытывала тяжелыми ударами, — стоитъ ли онъ, не тряхнется ли. Ступимъ ли съ народной почвы въ высшую область Христіанскаго взгляда: скорбь, хотѣвшая одолѣть сердце путника, оскорблявшая его всѣми житейскими скорбями, была для него не тѣмъ, что у прочихъ — скорбью по Богѣ, по Церкви, по Славянству, Народу. Эта скорбь содѣлываетъ терпѣніе, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ,—такъ убѣжденъ былъ Крижаничь.

—

На дружескія сношенія вызвала Русскихъ впервые сама Венеція, когда въ 1656 году просила о свободѣ торговыхъ сношеній и особенно о нападеніи на Турокъ, исконныхъ враговъ Республики. Въ концѣ того же года, въ отвѣтъ, прямо изъ Архангельска моремъ обогнувъ полъ-Европы, явились подъ благодатнымъ небомъ Италіи стольникъ нашь Иванъ Ивановичь Чемодановъ и дьякъ Алексѣй Постниковъ съ посольствомъ [1]). Почтенная сѣди-

[1]) Всѣмъ, что здѣсь и ниже касается нашихъ дипломатическихъ сношеній, играющихъ важную роль и въ сочиненіяхъ, и въ личной судьбѣ Крижанича, обязаны мы въ подробностяхъ просвѣщенному содѣйствію *Кн. М. А. Оболенскаго*, который занятъ самъ любопытными открытіями сего рода и радушно доставилъ намъ доступъ къ бумагамъ подвѣдомаго ему Главнаго Архива Министерства Ин. Дѣлъ. Отпечатанныя же дѣла въ «Памятникахъ дипломат. сношеній» томы III—VI.

на цивилизаціи и новость невиданныхъ дотолѣ мѣстныхъ плодовъ ея, въ союзѣ съ красотами Юга, особенно же политическая любезность герцога Фердинанда Медичи во Флоренціи и привлекательная жизнь Венеціи, гдѣ по болѣзни Дожа послы наши долго пользовались услужливымъ пріемомъ и встрѣчали начало 1657 года, — все это, какъ въ близкомъ послѣдствіи, такъ преимущественно на первый разъ подѣйствовало обаятельно на Русскихъ, склонило ихъ къ повторенію и поддержкѣ сношеній, отозвалось въ самомъ языкѣ нашей дипломатіи, статейныхъ списковъ и посольскихъ дѣлъ: какъ всегда въ другихъ подобныхъ случаяхъ, и здѣсь въ оффиціальныхъ выраженіяхъ проглядываетъ наша наивная радость и, въ простотѣ сердца, гордость національнаго чувства, удовлетвореннаго новымъ союзомъ. Правда, Флоренція оказалась намъ безполезна и остановилась внимательнѣе всего на нашихъ мѣхахъ, испросивши горностаевъ и бѣлокъ для семьи княжеской, а Венеція, въ благодарность за объявленную свободу торговли черезъ Архангельскъ, отказала однакоже, въ чемъ мы тогда наиболѣе нуждались, въ деньгахъ: но гости, какъ небывалая диковинка, гордились тѣмъ, что служили предметомъ всѣхъ любопытныхъ взоровъ, и пресыщенной зрѣлищами Венеціанской знати, и бывалаго торговаго люда. Были здѣсь минуты и по истинѣ трогательныя: пословъ, какъ ангеловъ благой вѣсти, встрѣтили тамошніе Греки и вообще всѣ православные; въ Греческой церкви проливали умилительныя слезы, произносили восторженныя рѣчи. Въ толпѣ явилось слишкомъ полсотни Русскихъ, свободившихся изъ Турецкаго полона. Масса Славянъ, уже знакомыхъ намъ обитателей и пришельцевъ южнаго края, должна была дополнить собою торжество радостнаго свиданія. Въ числѣ ихъ, мы помнимъ, того же 1657 года, былъ одинъ, тогда еще безвѣстный: и его строки, начертанныя черезъ нѣсколько лѣтъ въ Сибири, развернули намъ—увы—обратную сторону заманчивой картины. Съ глубокою скорбію замѣчаетъ Крижаничъ, что насъ Русскихъ обаяла приманка далекихъ, блестящихъ, но безплодныхъ сношеній. «Замѣтили даже иностранцы, что изъ сего царства въ старину отправлялись весьма многія и даже нынѣ безпрестанно отправляются посольства, отъ которыхъ нѣтъ государству сему никакой пользы, ни репутаціи, но скорѣе величайшій вредъ, безполезныя издержки, осмѣяніе и глубочайшее презрѣніе. Именно,

посылаются отсюда частые послы къ государямъ отдаленнѣйшимъ, къ Французу, къ Венеціанамъ, ко князю Флорентійскому, къ царю Китайскому и къ другимъ, съ которыми намъ нѣтъ никакихъ взаимныхъ оборотовъ и быть не можетъ. Дѣло это послужило причиною значительныхъ потѣхъ, а государству сему сильно убавило, почти подорвало репутацію [2]).» По горячимъ слѣдамъ собралъ Юрій впечатлѣнія, оставленныя нашими послами въ Венеціи и Флоренціи. «Въ Венеціи, въ гостинницу пословъ, ко времени купанья сходилось множество Венеціанскихъ Нобилей, всѣ замаскированные, чтобъ не узнали ихъ: тамъ они глядѣли и хохотали на обычаи нашихъ людей за столомъ; сколько было тутъ позора, никому и не высказать. Кромѣ сего, въ тѣхъ мѣстахъ дешево вино и потому наши почти всѣ постоянно были пьяны. Часто посѣщали ихъ и пользовались у нихъ разнообразнымъ пріемомъ женщины дурнаго поведенія: мѣстнымъ жителямъ внушало это сильный смѣхъ и презрѣніе къ нашему народу. Какъ только послы наши выбыли изъ Венеціи, тотчасъ Венеціанская печать провозгласила, что у нихъ заключенъ какой-то великій союзъ съ государемъ. Въ газетахъ разсказывали, что имъ обѣщано набирать по всей Россіи войско, до 100 тысячъ и болѣе, противъ Турокъ, а великій государь хочетъ собственными силами воевать съ Турками. Растревоженные симъ Турки умертвили Цареградскаго патріарха и Сербскаго (по той же, если не ошибаюсь, причинѣ), какъ сообщниковъ помянутаго союза, а что бы ни было отсюда, только Татары рѣшительно и серьезно постановили, не принимать больше никакихъ даровъ отъ государя, напротивъ всѣми силами устремиться съ войной на Россію. И Татары исполнили рѣшеніе свое вѣрно: внесли въ Русь то опустошеніе, которое нынѣ (о горе!) созерцаемъ мы со слезами. Вотъ намъ плоды посольства въ Венецію. — Въ бытность пословъ нашихъ во Флоренціи, по газетамъ писались объ нихъ тамъ и сямъ гнусные пасквили: о толстыхъ рукахъ, о зловоніи, нечистоплотности, способахъ купанья, о скаредствѣ и бѣдности, о распущенности, пьянствѣ

---

[2]) Изъ «Русскаго Государства,» не напечатанныхъ отдѣловъ; оттуда же и дальнѣйшее, стр. 485—507, «Ересь Политическая 10-я, о Посольствахъ и о Посредникахъ.»

и т. д. Между прочимъ писано: какое бы вино ни посылали Московитамъ въ подарокъ, бѣлое или красное, сладкое или крѣпкое, все это сливали они въ одинъ боченокъ. Когда заходили они въ какую ни будь лавку ради товаровъ, послѣ ухода ихъ, будто бы, цѣлый часъ не могъ никто войти туда или простоять тамъ, по причинѣ отвратительнаго зловонія, которое послѣ себя они оставляли, одни собственнымъ запахомъ, а то принесенными мѣхами. Такого рода вещи казались просто невыносимы деликатнымъ ноздрямъ Итальянскимъ.» Наконецъ, «отъ посла, отправленнаго въ Венецію, въ Аугсбургѣ (на возвратѣ) убѣжалъ (православный Русскій) священникъ, человѣкъ невоздержнѣйшій: Нѣмцы сочинили, будто онъ умеръ; но что послѣ было съ нимъ, неизвѣстно.» Много горечи въ этихъ строкахъ: но не для смѣха, и писалъ такъ не врагъ нашъ [3]).

Между тѣмъ, послѣ Вестфальскаго мира, взоры всей Южной Европы невольно и прежде всего останавливались на Австріи, Австріи Нѣмецкой; въ особенности, мы знаемъ уже, къ половинѣ столѣтія Славянамъ не оставалось ничего искать въ прежнихъ центрахъ Италіи; кто хотѣлъ изъ нихъ дѣйствовать, нужно было итти въ Вѣну. Въ самомъ дѣлѣ, Тридцатилѣтняя война, съ которою родился и съ которой прожилъ всю свою молодость нашъ Крижаничъ, никому собственно не принесла столько пользы, на доброе здоровье, какъ Австріи: это было первымъ предвѣстіемъ, что съ тѣхъ поръ всѣ великіе перевороты Европы имѣли клониться въ концѣ концовъ къ единому торжеству Нѣмецкому. Если же взять весь отрѣзокъ годовъ, обреченныхъ судьбою для личной жизни Юрія, то періодъ сей былъ чистѣйшимъ пророческимъ первообразомъ того, что должно было повториться лѣтъ черезъ двѣсти: только вмѣсто Пруссіи созерцаемъ Австрію, вмѣсто Берлина Вѣну, и, чего еще не довершила одна, то на свою долю выполнила историческая Австрія XVII вѣка. Пусть лежала въ развалинахъ истощенная Германія: силы ея пошли на величіе тогдашней Имперіи, имперскія знамена могли гордиться именами

---

[3]) Подробности о Венеціи, обличающія человѣка, довольно времени тамъ жившаго, можно найти еще въ печатныхъ отдѣлахъ «Русскаго Государства,» т. II, 325 — 330 и др.; о вредномъ дѣйствіи нашего Венеціанскаго посольства т. I, 210; о зловоніи по описанію Венеціанскихъ газетъ т. I, 149.

Максимиліана Баварскаго, Карла Лотарингскаго, Людвика Баденскаго, Евгенія Савойскаго. Рядъ Фердинандовъ упрочилъ бытіе разросшейся быстро Австріи и въ теченіе долголѣтняго царствія Леопольду оставалось только пользоваться плодами кровавыхъ войнъ, сосѣднихъ раздоровъ, религіозной, теперь уже опредѣлившейся, смуты и сложившейся мѣстной тактики. Сцены, развернутыя для свѣта далеко за Нѣмецкіе предѣлы усердіемъ Тилли и Валленштейна, были если еще не послѣдними, если еще пророчили повторенія, то по крайности были первыми для Европы извѣдавшей «реформацію:» онѣ могли въ свою пору сравниться развѣ только съ тѣми, которыя, помнимъ мы, выполнили съ точностію подражанія, въ угоду своимъ повелителямъ, Хорватскіе баны на другомъ концѣ Австріи противъ Турокъ. Впервые тогда для изумленной политики представился возможнымъ и знаменательнымъ сердечный союзъ Англіи съ возросшей Нѣмецкой Имперіей. Въ преддверіи къ симъ успѣхамъ разбитая и проученная Данія на долго была нейтрализована—то указательнымъ перстомъ на опасную Швецію, то въ другой разъ нечаяннымъ миромъ Нѣмцовъ съ престоломъ Густава Адольфа. Голландскіе Штаты поставлены во враждебное или по крайности осторожное нейтральное отношеніе къ Франціи и Вильгельмъ Оранскій явился звѣномъ связи между ними, Англіей и Габсбургскою державой. Во Франціи царилъ «роскошный и властолюбивый» Людовикъ XIV: отъ его опасныхъ замысловъ стерегла миръ Европы та же бдительная Австрія, отъ него спасала Австрія независимость Германскихъ интересовъ; къ нему адресовали обличительныя письма великіе дѣятели Нѣмецкой мысли съ представителемъ своимъ знаменитымъ Лейбницемъ. Рейнскія области, какъ въ другую иную пору, являлись поприщемъ дѣйствій и привлекали всеобщее вниманіе: громкія имена Меца, Туля, Вердёна, Эльзаса, Страсбурга будили повсюду чуткое ухо. Какъ будто спокойный за свою свѣтскую власть, которой ничто не угрожало, имѣя подъ бокомъ возобладавшаго государя католическаго, Папа, однако, мы видѣли, строилъ и чинилъ крѣпости: по видимому уже чувствовалъ онъ то подозрѣніе, которое въ слухъ нашъ раздалось недавно изъ Ватикана на всѣхъ Нѣмецкихъ епископовъ; кажется словно помнилъ онъ, что Императоръ, если онъ не императоръ Французскій, титулуется еще Римскимъ, наслѣдникомъ Карла; словно зналъ онъ, что Импера-

торъ Нѣмецкій, если онъ и глава католичества, то столько же можетъ быть главою протестантства, не переставая быть Императоромъ и даже Римскимъ. Съ другой стороны, къ немалому собственному удивленію, Первосвященникъ Римскій извѣдалъ впервые небывалую роль: ему случалось являться посредникомъ между державами католическими и протестантскими; опасаясь сосѣда католика, встрѣчалъ онъ въ то же время еще пущую странность,— дочь передоваго бойца мысли протестантской и заклятаго врага церкви, королева Христина пріютилась на вѣки при папскомъ колѣнѣ подъ сѣнью первосвященства. Сколько ни было здѣсь правды и противорѣчій, подозрѣнія папы все-таки были *преждевременно* настроены противъ Австріи: политическая идея, созданная ею для Европы, состояла именно въ покровительствѣ государства господствующему культу, какъ офиціальному, почти чиновническому учрежденію; Фердинанды и ихъ наслѣдники не любили шутить съ некатоликами и, допуская ихъ въ трактатахъ, успѣшно принимали ихъ къ стѣнѣ внутри своего дома, по домашнему и патріархальному; не-католики бѣжали или стравливались въ общей травлѣ «своихъ,» «несоединенныхъ» и «отчужденныхъ» вѣроисповѣданій. И вотъ особенность, которую уже прошлый разъ отмѣтили мы видимъ образомъ въ Крижаничѣ, вотъ что̀, если не безотносительно на всѣ времена, то относительно его эпохи ставило далеко впередъ и неизмѣримо выше всѣ его воззрѣнія: это—извѣстный *разрывъ* ихъ со всѣмъ облежавшимъ и обстоявшимъ. Въ эпоху полнаго воцаренія Германизма среди отечественнаго государства, когда все къ нему подлаживалось, одинъ Юрій, и соотечественникъ, и подданный, всею силою таланта и сердца, горячо и открыто повелъ рать мысли и слова противу всего Нѣмецкаго, ни разу не выдѣлившись отсюда свою Австрію. Въ пору принудительнаго папизма, торжествовавшаго въ Имперіи, продолжалъ онъ бороться противъ всѣхъ Нѣмцовъ безъ исключенія, какъ еретиковъ, безбожниковъ и развратителей, ни разу не оговорившись въ своихъ сочиненіяхъ, что есть Нѣмцы Австрійскіе, догматическіе, вѣрующіе и благочестивые. Въ счастливые годы «реставрированнаго» католицизма шелъ Юрій отъ него прочь, въ иныя области Церкви.

Если кому либо, то Славянамъ недавно оставалось тянуться въ Вѣну. Послѣ несчастной судьбы, постигшей разъ за разомъ, вѣкъ

за вѣкомъ, первичныя государства и самостоятельную политическую организацію Моравіи, Болгаріи, Сербіи, Словенцевъ, Хорватовъ, Поморянъ съ вольными городами, Шлёнска (Силезіи) и Лужицъ (Лузаціи), передовой оплотъ тогдашняго Славянства — и по религіозной настроенности интересовъ, и по просвѣщенію въ Европейскій уровень, и по народному направленію, обрушилось наконецъ политическое зданіе Чеховъ. Не спасли ихъ ни крайнее напряженіе силъ въ агоніи, ни слабая поддержка вспомнившей былое Моравіи и Силезіи: послѣ Бѣлогорской битвы, праздованной жестокимъ дѣдомъ Леопольда какъ вѣнецъ въ торжествѣ Габсбурговъ, тысячами потянулись изъ Чешскаго края семейства, сломлена сила дворянства, въ католическую плоскость нивелировано религіозное единство, подорвано просвѣтительное значеніе Праги, попранъ мѣстный языкъ Нѣмчизной. Это былъ вмѣстѣ и оплотъ послѣдній по тому времени: ибо за нимъ стояли только уже Польша и Россія, судьбою соблюдаемыя къ будущему. Но Польша соблюдалась развѣ только для того, чтобы въ скоромъ времени сослужить службу, завѣщанную Славянамъ,—спасти отъ гибели Вѣну, свободивъ ее отъ Турокъ. Горделивая на взглядъ чужой и великая лишь на собственный; опасная одному развѣ Московскому сосѣду, и лишь на столько, на сколько она упреждала роль послѣдняго Славянскаго государства Россіи, какъ всякій предшественникъ загораживаетъ собою задняго, поспѣшающаго на встрѣчу событій: но, раздранная внутри и религіознымъ раздоромъ, и самоволіемъ политическихъ слоевъ своего состава, и вторгнувшейся давно иноземщиною съ надеждой господства, Польша всякому опытному взору, не взору казенной политики и газетной молвы, а взору славянской народности представлялась въ истинномъ, то есть въ отчаянномъ видѣ. «Немного уже остается ей, особенно въ городахъ, чтобы Нѣмцы совсѣмъ не освоили ее въ собственность,»—такъ говорилъ нашъ Крижаничъ и кончилъ только задумчивымъ словомъ—«Что-то будетъ съ Россіей [4])?» Не умѣвши на пользу свою спаяться съ надежной Литвою, Польша давала Австріи только одну любопытную задачу, — помирить ее съ Россіей. Вся долгая жизнь Леопольда

---

[4]. См. 1-й нашъ очеркъ.

посвящена была одному священному служенію въ этомъ дѣлѣ: посредствовать между царемъ Алексіемъ и его королемъ сосѣдомъ. Какъ вездѣ, Крижаничъ и тутъ уразумѣлъ подлинный смыслъ событій, написалъ нѣсколько горячихъ страницъ о дипломатическомъ посредствѣ въ дѣлѣ Славянъ и отгадалъ конецъ концовъ его [5]). «Въ переговорахъ и договорахъ своихъ Нѣмцы ведутъ всѣ дѣла свои посредничествомъ.—Въ особенности тогда, какъ мы заняты какой ни будь войною, Нѣмцы умѣютъ насъ такъ напугать и свести съ ума, что вовлекаютъ насъ или въ отчаяніе, или въ суетную надежду получить отъ нихъ помощь. Симъ способомъ дѣлаютъ изъ насъ, что̀ хотятъ. А между тѣмъ, какъ мы заняты другою войною, они всегда бодрствуютъ и при случаѣ что ни будь захватываютъ. Такъ въ сентябрѣ 1581 года, когда король Стефанъ (Баторій) осаждалъ Псковъ, Нѣмцы захватили Нарву и нѣсколько еще мѣстъ. Стефанъ произнесъ: «Я стерегу сѣти, а Нѣмцы ловятъ звѣря,» «Я бригу мрижь, а Нимци ловетъ звири.» «Въ 1655 году, если не ошибаюсь, прислалъ сюда Цесарь посла своего, одного священника, нареченнаго Епископомъ, Аллегрета (это было извѣстное недавнее посольство), подъ видомъ посредничества, чтобы склонить къ миру. Ничего онъ другаго не сдѣлалъ и не надѣялся сдѣлать, какъ только увеличить смятеніе дѣлъ и посѣять новыя плевела [6]). *Ибо надъятся Австрійцы и всегда на то лишь зіяютъ, какъ бы завладѣть Ляхами. Всего легче чаютъ этого достичь по смерти короля Казиміра (Яна), если возникнетъ у Ляховъ война съ Русскимъ царствомъ.* Мы съ усмѣхомъ и открыто заявляемъ нашу неразумность, если надѣемся, что какой ни будь государь захочетъ быть для насъ добрымъ поручителемъ и посредникомъ... Дѣло постыдное и прискорбное: сами никогда еще до сихъ поръ не пригласили они ни насъ, ни Поляковъ, къ какимъ ни будь дѣламъ своимъ въ поручители и посредники; а мы до того дѣти и простяки, что во великомъ дѣлѣ приглашаемъ ихъ, столь гордыхъ нашихъ презрителей.—*Не вижу я, какимъ образомъ ссоры наши съ Ляхами относиться могутъ*

---

[5]) Въ не печатанныхъ отдѣлахъ «Русск. Госуд.»

[6]) Это дословно совпадаетъ съ отзывами нашихъ совѣщавшихся пословъ объ Аллегретѣ: Одоевскій говорилъ, что онъ «имѣетъ посредничества царскому дѣлу только помѣшку чинить.»

къ Нѣмцамъ, Французамъ или Англичанамъ. Одно только вѣрно: эти всѣ хищническіе народы Русскимъ и Полякамъ суть заклятые и неумолимые враги, не лучше самихъ демоновъ; а Русскимъ еще больше, чѣмъ Лахамъ и какимъ ни будь инымъ народамъ. Ничего другаго столько они не желаютъ намъ, какъ только того, чтобы мы оба взаимно другъ друга истребили до конца.—*Нѣмцы ревниво настоятъ удерживать за собою эти ссылки и посредничества: ибо надѣются симъ воспользоваться къ обладанію королевствомъ Лядскимъ.* Надеждою своей они уже поглотили и пожрали его: зіютъ также точно и на Русское царство; уже при Ѳедорѣ Ивановичѣ искали къ тому способовъ.» Юрій какъ будто видитъ передъ собою кандидатуру, предложенную Леопольдомъ на престолъ Польскій; какъ будто слышитъ желанія—увы – своихъ соотчичей Хорватовъ, которыя вскорѣ мы встрѣтимъ и которыя самую Москву готовились положить къ подножію престола Цесарскаго.—Такъ, говоримъ, въ дѣйствительности, Чехи были ближайшимъ и послѣднимъ павшимъ въ то время, оплотомъ Славянства: всѣ попытки съ тѣхъ поръ воротить утраченное были сколько естественны, столько же пзлишни и безплодны. Напрасно, какъ за соломинку, схватились Австрійскіе Славяне за мысль о союзѣ съ Венграми, также въ первый разъ тогда, также пророчески не въ послѣдній: имена Ракоци и Текели не спасли позора ихъ неудачи и самъ благодушный нашъ Алексѣй Михайловичъ, и наши господствующіе доселѣ учебники исторіи, клеймили и клеймятъ тѣ дѣла прозвищемъ «бунта,» за отчизну, за Славянство, противу Нѣмцевъ! Душею самаго смѣлаго движенія въ этомъ родѣ былъ знаменитый Хорватскій банъ Петръ Зринскій, братъ знакомаго намъ Николая и ближайшій родичъ-землякъ Крижанича. Больше чѣмъ извѣстно, между Славянами почетно предпріятіе, задуманное имъ по смерти брата съ зятемъ Францомъ Ракоци, съ шурномъ Франкапаномъ, Словенскимъ вождемъ, любимцемъ Катерины Зринской, Таттенбахомъ и палатиномъ Венгерскимъ. Увы. Юрій прибылъ въ Вѣну не задолго до того, какъ земля обагрилась кровью казненныхъ за неудачу славныхъ его соотчичей, а Загребъ, Чаковецъ и всѣ родные края, свидѣтели дѣтскихъ лѣтъ Юрія, имѣнья его рода и потомъ Зринскихъ, опустошены были Нѣмецкими завладѣвшими руками.

Въ Европейской исторіи, неизмѣнно повторяясь, успѣли уже

опредѣлиться нѣкоторые признаки или симптомы, по которымъ можно на вѣрное судить о событіяхъ и даже ихъ отчасти предсказывать. Такъ, на примѣръ, быстрое появленіе и усиленное расположеніе Евреевъ въ центрѣ извѣстнаго государства свидѣтельствуетъ постоянно о наступающемъ неотвратимомъ его разложеніи. Подобнымъ образомъ, примѣнительно къ Славянамъ, сгущеніе ихъ съ разныхъ сторонъ въ извѣстныхъ родныхъ городахъ изъза вопросовъ вѣры или науки указывали всегда на процвѣтаніе Славянскаго края: эту роль, извѣстно, выполняли по очереди Прага, Краковъ, Вильна, Львовъ, Кіевъ, Москва. Но, совсѣмъ напротивъ, столпленіе Славянъ въ столицѣ иноземной всегда было признакомъ порабощенія ихъ, въ сферѣ политической и нравственной: пензмѣнное явленіе сего рода имѣло мѣсто въ Царьградѣ, потомъ въ Венеціи, въ Болоніи и Римѣ, далѣе— именно теперь— въ Вѣнѣ на первый для нея разъ, а послѣ, на нашихъ глазахъ, въ Парижѣ и, вѣроятно, скоро послѣдуетъ въ Берлинѣ, куда передовые Славяне, ученые и образованные, успѣли уже проложить путь землякамъ своимъ. Въ Вѣнѣ тогда могъ встрѣтить Крижаничъ все, что было отборнѣйшаго въ образованномъ и искательномъ Славянскомъ мірѣ: тамъ, съ помощію интригъ придворныхъ, препирались за мѣста и поддержку католическіе и православные епископы изъ земель Славянскихъ; тамъ, среди вліятельныхъ людей, легко было видѣться путнику съ обоими родичами, знаменитыми Зринскими, и всѣми крупными лицами Хорватовъ; тамъ, на ступеняхъ уже иноземнаго трона, стояли Чешскіе вельможи, и канцлеръ Постицъ, и этотъ, вліятельнѣйшій на Леопольда, Лобковицъ, родня помянутому прежде Карамуелю, знакомый хорошо посламъ Русскимъ и тогда не успѣвшій еще, подобно Зринскимъ, обрушить на себя кару подозрительнаго Императора; тамъ же находился придворный канцлеръ, близкій Леваковичу и Крижаничу, Славянинъ; наконецъ постоянный приставъ, провожатый и переводчикъ пословъ Русскихъ, чешскій герольдъ Лаврентій Кириловичъ Куроличъ (Кураличъ) и т. д. Вѣна впервые сдѣлалась «почти» Славянскою,—характеръ, который поддерживаетъ она доселѣ, съ тѣмъ впрочемъ условіемъ, что во главѣ всего возвышались Нѣмцы, а надъ ними недавній Чешскій и Венгерскій король, только что провозглашенный Императоромъ, юный Леопольдъ: флегматическій и неторопливый; предназначавшійся когда-

то къ духовному званію и потому присно богобоязненный; среди потоковъ крови, смутъ, козней и предательствъ съ вѣчнымъ именемъ Божества на устахъ; очаровавшій нашего благочестиваго Алексѣя Михайловича; ревностный попечитель о бѣдныхъ, больныхъ и раненыхъ—Нѣмцахъ. Но, какъ прежде въ Болоніи, Венеціи и Римѣ, такъ и здѣсь, ни Славяне, ни привлекательный благочестіемъ Леопольдъ не вызвали у Крижанича ни воспоминанія, ни черты, ни слова и звука. Все его вниманіе поглощено было однимъ: онъ видѣлъ въ Вѣнѣ только *Нѣмцовъ* и *Русскихъ*, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ между собою.

Отчасти старше другихъ, а особенно всѣхъ податливѣе на дипломатическія сношенія съ нами были, какъ и слѣдовало ожидать, представители тогдашнихъ Нѣмцовъ, то есть Цесари, именно Австрійскіе: а изъ всѣхъ ихъ счастливѣе, настоятельнѣе и вліятельнѣе былъ Леопольдъ, съ самыхъ первыхъ дней его императорства. Добродушный Алексѣй Михайловичъ всю жизнь до кончины былъ глубоко убѣжденъ, что имѣетъ въ немъ самаго искренняго и пріязненнаго друга: думалъ и выражалъ то словами, а слова о взаимной тѣсной пріязни вторились на языкѣ обоюдной дипломатіи. Дружбу свою къ Россіи императоръ простеръ и за гробъ Алексія, до первыхъ лѣтъ возмужавшаго Петра. Правда, всѣ многочисленныя, чуть не ежегодно совершавшіяся пересылки и ссылки сосредоточивались на немногихъ предметахъ: на умаленіи нашего царскаго титула, которому Леопольдъ упорно, почти до конца, не уступалъ «Величества;» на вызовѣ насъ къ союзу и вѣчному миру съ Польшей, чего однако не послѣдовало при семъ посредничествѣ; на общемъ ополченіи противу Турокъ, отъ чего долго въ кривь и въ кось на дѣлѣ уклонялся Императоръ вопреки нашему приглашенію; на всемѣрномъ отвлеченіи Руси отъ союза съ Франціей, въ чемъ много успѣвалъ глава Германіи; на стараніи распространить у насъ вліяніе и власть іезуитовъ, что не совсѣмъ удалось, и на естественномъ приливѣ въ нашу службу, въ слѣдъ за послами, пришельцевъ Нѣмцовъ, что удалось какъ нельзя болѣе; наконецъ, при пышныхъ встрѣчахъ и пріемахъ, на успѣшномъ вымаганьѣ нашей казны и подарковъ, особенно соболиныхъ, и на сравнительно-скромныхъ отвѣтныхъ дарахъ скупой Вѣны. То есть, все это если не было намъ вредно, то по крайности безполезно: а сколько при этомъ было поводовъ къ

величанію Нѣмцовъ и нашему ложному положенію, неблаговидному оказательству нашихъ слабыхъ сторонъ и промаховъ, — излишне распространяться. Только по смерти увлеченнаго Алексія, даровитости князя В. В. Голицына,— имя, какъ знаемъ, связанное съ успѣхами дѣла Крижанича, — удалось наконецъ громко разоблачить передъ цесарскими послами тщету подобныхъ связей упрекнуть Императора въ уклончивыхъ поступкахъ; помимо Вѣнскаго посредничества, въ рѣшительныя минуты, добиться выгоднаго союза съ Польшей и предоставить Яну Собесскому безъ насъ спасти Вѣну, за отсутствіемъ перепуганнаго и бѣжавшаго Императора. Но, за долго еще до сего конца изобличительнаго, Крижаничъ рѣшился первый подробно изложить суть дѣла и подлинный смыслъ его на нѣсколькихъ страницахъ «Русскаго Государства [7]).» Онъ доказалъ всю безполезность длинныхъ споровъ о титулѣ передъ тѣми, кто не могъ ни дать, ни подтвердить ихъ по совершенному безправію; всю лживость Цесарской политики въ дѣлѣ Польскомъ и Турецкомъ; преимущество Франціи и другихъ католическихъ державъ въ сношеніи съ нами; вредъ водворенія іезуитовъ; внутреннее растлѣніе отъ вторгшихся Нѣмцовъ; громадность потерь нашихъ въ Сибирской мѣновой казнѣ черезъ подарки [8]); излишество посольской нашей пышности, презрѣнной или осмѣянной у Цесаря; ловкость и находчивость иностранныхъ, ошибки—по слабости или невѣжеству—пословъ нашихъ собственныхъ. Онъ отсюда вывелъ даже и предлагалъ Царю утвердить правила: о сокращеніи числа, состава, срока, рѣчей и дѣлъ въ нашихъ взаимныхъ посольствахъ съ Нѣмцами; о настоятельной потребности выбирать въ послы наши достойнѣйшихъ, уклоняться имъ отъ многоплодія рѣчи, избѣгать случая пиршествъ по несчастной нашей склонности упиваться; о предотвращеніи повода къ иностраннымъ пасквилямъ; о составленіи дорожниковъ и статейныхъ списковъ нашего посольства безъ лжи—обычной и т. д. Далеко провидя будущность, его оправдавшую, имѣлъ ли однако Крижаничъ достаточное основаніе къ сужденіямъ своимъ въ ближайшихъ данныхъ, не довольно извѣстныхъ ему среди Сибири

---

[7]) Большею частію въ не печатанныхъ отдѣлахъ.

[8]) Ср. т. I, 164.

1663—64 года и оказавшихся предъ очами его по прибытіи въ Вѣну? То было первое наше посольство къ Леопольду *Императору*, обязанное поздравлять съ недавнимъ коронованіемъ, весьма мало занятое дѣлами серьезными и всего больше споривше за титулъ въ дипломатическихъ тонкостяхъ. Вопросовъ сихъ Крижаничъ не коснулся. Тѣмъ не менѣе, присутствуя тогда въ Вѣнѣ и подготовленный еще въ Венеціи, нашъ Юрій, въ разладъ съ окружавшимъ спокойствіемъ, дошелъ до того, что, въ собственномъ смыслѣ и по собственнымъ словамъ, «скрежеталъ зубами.» «Ссылки наши съ Нѣмцами ни на какую намъ славу и корысть не служатъ; только изъ нихъ раждаются, намъ и всему свѣту видимые, разнообразные обманы, славы и достоинства нашего умаленіе, пословъ и народа нашего осмѣяніе. *Хорошо я знаю, и очами своими глядѣлъ я, и скрежеталъ зубами, какъ тамъ послы наши ни во что бываютъ поставлены и надменно презрѣны* [*]).» Гдѣ же былъ поводъ къ такому крайнему раздраженію?

Посольство Русское, явившееся въ Вѣну, пробыло тамъ *съ Сентября 18-го по 2-е Декабря 1658 года:* вотъ промежутокъ времени, когда присутствовалъ тамъ и былъ у пословъ нашъ Крижаничъ. Главный составъ былъ слѣдующій: стольникъ *Яковъ Никитичъ Лихаревъ*, бывшій приставомъ при посольствѣ къ намъ Аллегрета и послѣ проходившій подобныя должности, человѣкъ по видимому довольно опытный въ службѣ сего рода, дѣльный и степенный, но также по всему видно—крайне ограниченный; дьякъ *Иванъ Песковъ*, сварливый, причудливый и задорный; *Тимовей Аплеръ*, изъ прижившихся иностранцевъ, свѣдущій и долговременный нашъ переводчикъ; священникъ *Михайло Артемоновъ* и т. д. Посольство они отправили добропорядочно, тѣмъ болѣе, что не имѣли дѣлъ важныхъ, ни въ чемъ на пріемъ не жаловались и при возвратѣ составили свой статейный списокъ (докладъ объ исполненномъ порученіи) весьма обстоятельно. Люди они были въ уровень своему вѣку, не хуже большинства: а тѣмъ не менѣе трудно было подобрать составъ болѣе неудачный для возстановленія спо-

---

[*]) «Добро бо вимъ, и очима есемъ гледилъ, и зубми скрипалъ: како тамо ни за ничтоже наши посли бываютъ почтени, и охоло возгоржени.» Тамъ же, въ не напечатанныхъ отдѣлахъ.

шеній съ Австрійцами и проѣзда черезъ многія страны Европы. Прежде отзыва объ нихъ изъ устъ Крижанича, выслушаемъ собственное ихъ признаніе. Какъ бывало у насъ по большей части, дьякъ ссорился съ главою посольства: но тутъ они по возвратѣ рѣшительно повздорили, подали обличительныя другъ на друга жалобы, вызвали свидѣтелей,—и дѣло предстало во всей наготѣ. Какъ истые Русскіе люди, въ путешествіи своемъ не могли они разстаться съ бѣлужиной и осетриной, которую взяли и возили съ собою, а еще обычнѣе, припросили съ собою въ провожатые, пользуясь случаемъ, дѣтей и родственниковъ: между тѣмъ сынъ Пескова завелъ въ Вѣнѣ неприличныя связи, при чемъ въ гудки и въ музыку играли и плясали. Прислуга у нихъ была пьяная, воровала за границей, попадалась тамъ, разбѣгалась къ Полякамъ. Господа людей своихъ жгли и пытали; собственныхъ, провожавшихъ, солдатъ били батогами. Дьякъ ругалъ присланныхъ къ нимъ въ Вѣнѣ Нѣмцовъ, заявилъ недовольство на подарокъ Леопольда—серебряную лохань, называя ее рѣшетомъ. и таскалъ пристава Курелича по лавкамъ выбирать лохань получше. Самъ Лихаревъ не могъ одолѣть завѣтныхъ Русскихъ привычекъ: ѣздилъ въ Вѣнскую торговую баню и, воротившись, давая себѣ на отдыхъ извѣстную Русскую льготу, на распашку, принималъ у себя цесарскихъ людей, къ немалому ихъ смущенію и смѣху, въ однихъ ферезяхъ и въ туфляхъ на босу ногу; любилъ и картишки, а на веселѣ при случаѣ затягивалъ съ родными своими веселую «Берёзу,» «Во полѣ берёзынька стояла.» Посольскій священникъ также точно курилъ табакъ, игралъ въ карты и зернь, ссылаясь, что выучилъ его сему стольникъ, и самъ послѣ на Москвѣ показывалъ, что дьякъ напаивалъ его пьянымъ. Сцены за границей дошли разъ до того, что Песковъ на крестоваго отца духовнаго натравилъ Нѣмчина для потѣхи и тотъ гонялся за нимъ съ саблею, грозясь посѣчь, а какъ послѣ отнеслись о посольскомъ священникѣ къ Вологодскому архіепископу, получили отзывъ, «что де тотъ попъ воръ, ушелъ у него изъ чепи (эпархіальнаго управленія) и священствовать не благословленъ.» Впечатлѣніе, ожидавшее Юрія, какъ видите, не совсѣмъ было благопріятно. Однако онъ нигдѣ не заикнулся объ этихъ Русскихъ людяхъ въ дурную сторону: не могъ только вынести одного—нечистоплотности нашей и зловонія; это было уже невыгладимое, тѣмъ больше, что

первое впечатлѣніе. Дурное онъ видѣлъ лишь на столько, на сколько оно вредило репутаціи Русскихъ: и тутъ объяснилъ все интригою Нѣмцовъ, окончательно остановившися на томъ, что Нѣмцы нарочно стараются всячески осрамить насъ. Такъ повѣствуетъ онъ въ одномъ параграфѣ «Русскаго Государства (не напечатанномъ доселѣ),» озаглавивъ его: «Нѣмцы предлагаютъ намъ хлѣвъ вмѣсто гостинницы.» «Оставимъ уже то, говоритъ онъ, чего я не видалъ: могу по крайности утверждать то, что̀ я самъ видѣлъ. Именно, *въ 1658 году, въ Вѣнѣ, приходилъ я въ гостинницу Золотаго Быка, гдѣ стоялъ нашъ* (Русскій) *посолъ:* меня поразило здѣсь такое зловоніе, что, полагаю, пуще и гнуснѣе въ мірѣ нельзя найти [10]). Я не приписываю всей вины этой нашимъ людямъ: ибо невозможно, чтобы отъ немногихъ людей въ короткое время могло наплодиться такое отвратительное зловоніе. Напротивъ, самый домъ недостаточно былъ просторенъ и на дворѣ шелъ потокъ нечистотъ въ родѣ клоаки: отсюда-то понялъ я дерзость и негодяйство Нѣмцовъ,—отвели стоять людей нашихъ въ такомъ вонючемъ помѣщеніи. И обыкновенно, почти всегда, тутъ стояли послы Русскаго царства. А посламъ Турецкимъ назначаютъ гостинницу за городомъ, просторную, красивѣйшую, съ самымъ свободнымъ воздухомъ.»

Нужно было владѣть твердою рѣшимостью, чтобы при такой встрѣчѣ и обстановкѣ не оставить задуманнаго путешествія въ Россію. Крижаничъ могъ бы отправиться съ самимъ посольствомъ, тѣмъ больше, что Песковъ, на примѣръ, тащилъ съ собою всякого рода людей и охотно по дорогѣ сводилъ близкую дружбу съ Нѣмцами или Поляками, съ Краковскими попами Егупомъ (Ев-

---

[10]) Стр. 506. Quiquid sit de istis, quae ego non vidi: hoc porro assertari possum quod vidi ipse. Nempe anno 1658, Viennae fui apud aureum bovem, ubi hospitabatur noster legatus: et tantus me ibi offendit fetor, quod puto maiorem et fediorem in mundo inveniri non posse. — То же подтверждаетъ онъ въ напечатанномъ I томѣ «Р. Гос.» стр. 149: «А въ нѣкоемъ граду, въ гостинницѣ названной «при Златомъ Волу,» становаху наши послы: и смрадъ тамо бяше и нестерпѣнъ скаредъ на подивленіе, въ чистой инако обители (въ покоѣ однако же чистомъ; сообразивши, онъ догадался, что виною больше нечистый дворъ).» А между тѣмъ Аллегретъ жаловался въ Москвѣ на посольскую квартиру и выставлялъ на видъ отличные пріемы посламъ нашимъ въ Вѣнѣ!

иломъ) и Михайломъ, даже съ Виленскими студентами: кромѣ уклоненія отъ всего оффиціальнаго, въ чемъ убѣдимся еще ниже, не могло быть привлекательно въ дорогѣ нашему подвижнику подобное сотоварищество. И хорошо онъ сдѣлалъ: какъ на Вѣну обходили послы наши долгимъ путемъ, отыскивая, гдѣ бы застать Яна Казиміра и Леопольда, такъ еще больше въ собственномъ смыслѣ проплутали они при возвратѣ, по причинѣ разоренія отъ Шведовъ, дурнаго обращенія съ Русью въ нѣкоторыхъ земляхъ, интригъ и угрозъ Польскихъ, даже голода и холода; они вернулись изъ Гамбурга на кораблѣ черезъ Архангельскъ и прибыли въ Москву только въ Августѣ 1659 года. А Крижаничъ до сего срока успѣлъ уже тѣмъ временемъ много пройти и даже написать: обстоятельство, обратно убѣждающее, что онъ вышелъ изъ Вѣны скоро въ слѣдъ за нашимъ посольствомъ. Больше не могъ онъ терпѣть ни Нѣмецкаго лицезрѣнія, ни ревностнаго своего желанія видѣть Русь и Москву.

Путь Крижанича, который узнаемъ изъ собственныхъ его показаній и сочиненій, не сходится съ обычнымъ, такъ сказать оффиціальнымъ или дипломатическимъ, вообще «дѣловымъ» путемъ тогдашнихъ Русскихъ, а тѣмъ менѣе пословъ иностранныхъ. Наши отправлялись или моремъ, большею частію черезъ Ригу и вольные города, потомъ Нѣмецкими землями, на Вѣну, оттуда въ Италію и т. п.; или, держась, по самымъ дѣламъ своимъ, большихъ городовъ и столицъ, на Вильну, Варшаву или Краковъ, Шлёнскъ и Вратиславль, Прагу, Ольмюцъ, то есть черезъ Славянскія земли; иногда по обстоятельствамъ пользовались смѣшанно той и другою дорогой: но именно и нарочно избѣгали они — Польскихъ мѣстъ тревожныхъ, внѣ охраны большихъ городовъ; разоренныхъ въ послѣднее время и безпокойныхъ дорогъ Малорусскаго козачества; миновали, разумѣется, и Венгрію, а подавно не заходили во Львовъ, развѣ случалось искать тамъ высокія Польскія лица. Крижаничъ шелъ совсѣмъ иначе, тѣмъ путемъ, какимъ не ходили другіе: мы вѣримъ, что Промыслъ направляетъ пути исторіи, «склоняя» все внѣшнее, тѣмъ паче политическое и оффиціальное, къ ходу внутреннихъ началъ жизни; этому однако не противорѣчитъ законъ, который оказывается постояннымъ,—что пути мысли или вообще духа, управляющаго событіями, не зависимы, не обычны, не торны, пролагаются иначе, идутъ даже какъ

будто въ розвь отъ путей внѣшнихъ. — Соображая, съ конца 1658 года, скорость, съ какою появляется за тѣмъ Крижаничъ въ близкихъ намъ предѣлахъ, и уже съ выводами своихъ наблюденій, заключаемъ достовѣрно, что путь его сюда былъ кратчайшій и самый прямой, то есть отъ Вѣны *черезъ Венгрію* [11]): за симъ первая несомнѣнная точка въ направленіи его шаговъ есть *Львовъ*. Конечно не знаемъ мелкихъ обстоятельствъ, которыя могли располагать такимъ движеніемъ: но, въ виду этой первой точки и дальнѣйшаго отъ нея хода, убѣждаемся, что путь сей удовлетворялъ столь же извѣстному рвенію Крижанича—прямѣе, безъ отсрочки, сойтись съ Русью. Направленіе шло именно, всего больше, *черезъ Русь*: Угорскую, потомъ Галицкую, Малую и Украинскую, Великую и Общую. Таковъ фактъ; думаемъ, таково же было и задушевное желаніе: какъ можно скорѣе вступить въ Русь и сколь можно болѣе прослѣдовать дорогою черезъ Русское племя, хотя бы и по разнымъ государствамъ, но отвращаясь совершенно отъ Нѣмцовъ и весьма мало захватывая политическія области несимпатичныхъ Юрью Поляковъ. Въ Венгріи, на краткомъ пути, онъ не долженъ былъ ожидать затрудненій, какъ Хорватъ и съ его знаніемъ Мадьярскаго языка, свойственнымъ съ дѣтства, извѣстнымъ по его сочиненіямъ. Львовъ, мы знаемъ также, былъ по одну сторону тѣснѣе связанъ съ католицизмомъ и Римомъ: здѣсь бывали и предшественники Юріи, его родичи, на примѣръ Левакович. Съ Русскими вѣтви Галицкой и нашей Южной Малой былъ гораздо больше знакомъ, больше имѣлъ случаевъ сойтись Крижанич въ самой еще Италіи. Кромѣ того, черезъ Галицію и чрезъ Украйну,—это былъ совершенно естественный переходъ къ тогдашней Руси Московской, Великой или Общей, которая, правду сказать, безъ этой постепенности могла всякого озадачить съ разу еще болѣе, еще неожиданнѣе. Изъ Нѣмецкаго и вообще Западнаго государства, чрезъ Полу-нѣмецкую область, сквозь государство Славянское — но Западное, наконецъ черезъ страну, хотя отчасти еще подъ Польскимъ знаменемъ, но Русскую и потянувшую тогда къ

---

[11]) На это намекаетъ въ 1 т. «Р. Гос.» стр. 46 подробность, съ которою Крижанич описываетъ *въ Венгріи, подъ Будиномъ*, огромное пастбище скота, торговлю имъ занятія поселянъ.

Москвѣ; отъ Славянъ Западныхъ чрезъ Русь Юго-Западную къ Восточной; отъ средоточія Латинства къ католикамъ отдаленнымъ, потомъ уніатамъ, потомъ православнымъ; сверхъ того черезъ ступени нарѣчій Славянскихъ, и въ частности Русскихъ, какъ бы изъ класса въ классъ черезъ всю школу полнаго курса: подлинно, откуда бы ни истекъ планъ такого пути, онъ былъ вполнѣ раціоналенъ, наиболѣе пригоденъ Юрью, наименѣе невыгоденъ по впечатлѣнію въ преддверіи Москвы.

Какъ вообще въ дѣлѣ Славянскомъ, такъ въ особенности на переходѣ къ Россіи, во всѣхъ отношеніяхъ, по территоріи, жизни и быту, наукѣ и языку, Юрій не могъ миновать Польши: она стояла тогда вратами къ Руси Малой и Общей. Такъ знать и на основѣ знанія такъ вѣрно описывать Поляковъ, какъ это видимъ за Крижаничемъ, для этого довольно ему было только наблюдать собственнымъ взоромъ и чутко слушать ухомъ: отъ Рима и Вѣны, гдѣ было столько сихъ Славянъ, по пути южныхъ областей Польскаго государства, чрезъ всю Россію и Москву, столь занятую войнами съ сосѣдомъ и знавшую его отъ головы до пятокъ, а наконецъ въ самой Сибири, куда попало въ ту пору такое множество Литовцевъ, Ляховъ, Бѣлоруссовъ. Но есть одно еще здѣсь обстоятельство: какъ великій ученый своего времени, не могъ Крижаничъ обойтись безъ книгъ по своему любимому предмету и доказалъ, что уберегъ изъ нихъ до самаго Тобольска отличный выборъ. Онъ пользовался въ Сибири, мы знаемъ уже, переводами, сокращеніями или продолженіями извѣстнѣйшихъ Европейскихъ изданій, доходившихъ къ намъ черезъ Польскія руки, каковъ на примѣръ Баронія, рѣдкій «Compendium» Кромера и т. п. Обширнѣе онъ началъ изучать Кромера подлинникомъ также въ Тобольскѣ. Кромѣ того встрѣчаемъ постоянныя и частыя сноски на лучшія книги тогдашнихъ крупныхъ авторовъ Польскихъ. Ихъ не могли занести съ собою въ Тобольскъ товарищи его изгнанія, попадавшіе изъ Литвы и Польши: люди по большей части военные и лица не видныя, шляхта, мѣщане, случайно иногда іезуиты и ксендзы, но также изъ полковъ, воиноплѣнные. Изъ Москвы трудно было бы пріятелямъ отпустить на подержаніе подобныя дорогія и рѣдкія изданія въ Сибирь: трудно даже теперь, а тогда и подавно. Въ самой Москвѣ, мы помнимъ, имѣлись эти сокровища только въ библіотекахъ государевыхъ (какова Типо-

графская) да немногихъ частныхъ (Полоцкаго, Никифора, Медвѣдева); на рынкахъ конечно еще меньше: но и сюда они заходили вмѣстѣ съ нашими пришельцами, изъ Западной Руси и Польши. А Юрій самъ былъ въ тѣхъ краяхъ и разумѣется, прямѣе, самъ же принесъ оттуда книги съ собою. Между тѣмъ въ Малороссіи, потянувшей къ Москвѣ и въ ту пору по преимуществу военной или разоренной, не время было ни торжищамъ, ни коллекціямъ книжнымъ, ни наукамъ спокойнымъ: все это обновилось тамъ, даже въ Черниговѣ и Кіевѣ, нѣсколько позже, по замиреніи края. Съ другой стороны, кое-что Юрій могъ пріобрѣсти еще въ Италіи, особенно въ Римѣ и Венеціи, гдѣ въ его пору печаталось довольно произведеній Польскихъ: но, въ безвѣстности будущаго, тащить все это съ собою черезъ Вѣну, въ далекую Россію и прежде Россіи въ самую Польшу, гдѣ можно бы достать на мѣстѣ, совсѣмъ было нерасчетливо. А какъ только взялся Юрій за перо на Украйнѣ, онъ тотчасъ же цитуетъ слова—именно «Пясецкаго, епископа Перемышля:» ясно, что онъ принесъ книги съ собою и конечно оттуда, откуда только что прибылъ, то есть изо Львова. Итакъ *Львовъ*,—вотъ тотъ главный городъ, въ которомъ безъ сомнѣнія запасся Юрій лучшими произведеніями Польской литературы того времени, какъ источниками, и гдѣ конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ, всего дольше прожилъ въ короткій срокъ своего странствія съ декабря 1658-го по февраль 1659 года, на порядочно длинномъ пути отъ Вѣны до Украйны. Недавно передъ тѣмъ дважды обложенный войсками Хмельницкаго и откупившійся отъ разоренья, сильная крѣпость, богатое торговое мѣсто, Львовъ представлялъ замѣчательное разнообразіе въ своемъ цвѣтущемъ народонаселеніи, гдѣ господствовали Русскіе, Поляки и Нѣмцы, но гдѣ играли важную роль и Евреи, Армяне, даже Татары. Если прибавить сюда развитіе городскаго устройства, многочисленность зданій, обиліе монастырей, костеловъ и церквей, всякихъ братствъ и школъ, католическихъ, уніатскихъ и знаменитыхъ православныхъ, печатни Польскія и Русскія (гдѣ дѣйствовалъ нѣкогда нашъ Иванъ Ѳедоровъ), эти средства и пріюты жизни общественной и научной, близость къ за-границѣ и положеніе между Нѣмцами, Венгріей, Польшею, Русью: всѣмъ этимъ оправдывалось тогдашнее прозвище города, какъ «устья цѣлому государству,» «предмѣстья страны и всего христіанства,» особенно же «первостепеннаго укра-

шенія и памятника Россіи (ornamentum monumentumque primarium Russiæ).» Юрію Львовъ живо могъ напомнить недавніе центры Славянской жизни и науки на югѣ. Но еще замѣчательнѣе, что по своему мѣсту и населенію Львовъ представлялъ срединный пунктъ, гдѣ вырабатывались зрѣлые и солидные взгляды на облежащую исторію, безпристрастіе относительно идей Польскихъ, а вмѣстѣ оцѣнка трудамъ серьознымъ и строгое направленіе науки. Это значеніе отчасти удержалъ Львовъ доселѣ, а еще больше славился имъ въ ту пору, благодаря равновѣсію, которое вносилось Малорусскимъ, а вмѣстѣ Греческимъ элементомъ: подобно какъ Вильна обязана была нѣкогда тѣмъ же значеніемъ среди Литвы—вліянію Бѣлоруссовъ. Вотъ гдѣ, безъ сомнѣнія, по дѣламъ Польскимъ запасся всего богаче нашъ Крижаничъ безпристрастными взглядами исторіи и тѣми капитальными трудами науки, кои унесъ съ собою далѣе, а цитовалъ одинаково и на Украйнѣ, и въ Сибири.

Довѣріе его въ подобномъ случаѣ, мы знаемъ, могли снискать не иностранцы, не Нѣмцы, даже не Кромеры, а сами Поляки, но тѣ, кои не переставали быть Славянами, — степенные католики, безпристрастные мыслители, строгіе ученые и — въ авторахъ — честные, чистые люди. Таковы именно были, послѣ Вуйка, Кнапскій, Пясецкій, Старовольскій. — Знаменитаго іезуита *Якова Вуйка*, перваго издателя Библіи въ «канонизованномъ» Польскомъ переводѣ, принятомъ у Поляковъ доселѣ, Юрій въ «Обличеніи» цитуетъ съ лучшей стороны — «Бесѣдъ,» гдѣ проповѣдникъ далеко превзошелъ серьезностію страстнаго и увлекательнаго Скаргу [12]). — Ближайшій современникъ Вуйка, печатавшій также въ Краковѣ, *Григорій Кнапскій* (по Латыни Cnapius, у насъ съ Польскаго выговора *Кнапіусъ* или сокращенно *Кнапъ*), уважаемый между іезуитами и извѣстный не только въ краю своемъ, но и по цѣлой Европѣ вплоть до Москвы, не блестящій талантами, но ревностнѣйшій наблюдатель и трудолюбецъ, десятка-

---

[12]) Библія полная przez D. Iak. Wuyka w Krak. 1599, fol.; Нов. Зав. w Krak. 1622, 8: Postilla Catholiczna или Catholica w Krak. 1575—84; fol.; mnieysza (малая) Posnan. 1579—82; Юрій цитуетъ на недѣлю Мясопустную и Великій Четвергъ.

ми лѣтъ жизни своей составилъ изданный въ трехъ томахъ Словарь-сборникъ, «Скарбецъ,» Thesaurus, Польскихъ, Латинскихъ и Греческихъ реченій. Онъ указалъ всѣмъ на богатство Польскаго языка, невѣдомое дотолѣ, началъ и поддержалъ народное дѣло собравши пословицы и вообще любопытныя черты жизни народной, связалъ все это съ классическою основою древнихъ, а по богатству реальнаго содержанія, представленнаго въ извлеченіи выраженій, сдѣлался на долго настольной книгою для тогдашнихъ людей образованныхъ. Легко понять, какъ цѣнилось его дѣло во Львовѣ, при тамошнемъ вліяніи Греческихъ преданій, столь живыхъ, что даже первопечатною Львовскою книгою, какъ извѣстно, была Греческая Граматика, такъ называемая «Адельфотисъ,» Братская. Конечно не кто другой, какъ онъ вызвалъ къ труду и подражанію, хотя менѣе народнаго, болѣе кабинетнаго, нашего Малоруса старца Епифанія; поздно же примкнулъ къ нему Крижаничъ, начавшій тѣмъ же словаремъ и пословицами, но успѣвшій лишь отчасти выполнить задачу сего рода въ составѣ своей «Граматики.» Тѣмъ усерднѣе чтилъ онъ предшественника, Кнапскаго, и пользовался извлеченіями, особенно въ «Русскомъ Государствѣ[13]) » — Еще ближе къ Юрію, по самымъ годамъ жизни и поприщу дѣятельности, былъ *Павелъ Пясецкій:* воспитавшійся въ Академіи Краковской и Пражской, также точно странствовавшій, печатавшій и издававшій за границей, предшественникъ Крижанича въ Римѣ и Венеціи, въ послѣднее время епископъ Холмскій, а съ

---

[13]) Кнапскій умеръ въ 1638 г. и погребенъ въ Краковѣ. Thesaurus Polono-latino-graecus 1-ю частью начатъ въ Краковѣ 1621, fol., 2-й томъ 1626, въ 4, 3-й 1632 въ 4, кромѣ того имъ же исправленныя и послѣ его смерти вышедшія изданія въ разныхъ видахъ. У насъ, какъ знаемъ, былъ онъ любимѣйшимъ въ библіотекахъ и при Петрѣ хлопотали о полномъ изданіи для Русскихъ.—Съ нимъ связывалось у насъ сочиненіе другаго знаменитаго Славянина, сдѣлавшее переворотъ въ языкознаніи и воспитаніи Европы, Яна Амоса *Коменскаго*, «Ianua linguarum—s. seminarium linguarum et scientiarum omnium,» Leutsch. 1631, Данцигъ 1643 (потомъ «Orbis—pictus» 1659, «Didactica opera» 1627—1657, въ Москвѣ «Orbis visibilis,» 1768 и 1788) и т. д. Это и есть столь часто встрѣчающійся въ старинныхъ нашихъ библіотекахъ, прошедшій также черезъ Польскія руки, такъ называемый «*Каменъ* (Комень)» Его должны мы отличить отъ *Коммина*, которымъ пользовался Крижаничъ и котораго звалъ «Comineus, Коминовъ.»

1644 года Перемышльскій. Въ Пясецкомъ плѣнили нашего подвижника — строгость къ самому себѣ, извѣстная его личная скромность и мягкость, но прямизна намѣреній, высота мыслей, отважность рѣзкаго слова, безпристрастіе къ Полонизму, все то, что навлекало на него злобу іезуитовъ и за что его «Хронику,» громившую неспособность правителей, своеволіе вельможъ, заблужденія народа, грозились публично сжечь при Владиславѣ IV-мъ; а между тѣмъ ее всюду, и за границей, расхватывали съ жадностію, а на Руси сдѣлано ей было два перевода. Во Львовѣ живы еще были воспоминанія о Перемышльскомъ Владыкѣ, скончавшемся 1649 года, а его труды и воззрѣнія имѣли такой авторитетъ для благомыслія, что съ ними же вступилъ Юрій въ Украйну, и немедленно, въ первой же своей «Бесѣдѣ къ Черкасамъ,» напомнилъ, «какъ Пясецкій, епископъ Польскій, описываетъ въ своей Хроникѣ, жалуясь на дурные поступки своихъ Ляховъ и пророкая зло, имѣвшее изъ нихъ возникнуть [15])»—Но если съ кѣмъ вполнѣ почти сошелся Юрій въ убѣжденіяхъ, это особенно съ *Симономъ Старовольскимъ:* вступивши въ предѣлы Польши, два года лишь въ живыхъ не засталъ путникъ умершаго недавно (1656) блюстителя каѳедры Краковской; за то такъ успѣлъ проникнуться характеромъ его твореній, что сдѣлался какъ бы его преемникомъ и продолжателемъ, въ свободной, тѣмъ не менѣе прямой зависимости. Крижаничъ нашъ всегда шелъ далѣе, впередъ своего вѣка: тѣмъ больше ему чести, если нерѣдко начиналъ онъ шагъ свой съ послѣдняго слова современныхъ ему проницательныхъ умовъ. А жизнь и слово Старовольскаго входили именно въ число неотразимѣйшихъ вліяній той эпохи. Подобно лучшимъ старшимъ сверстникамъ и родичамъ Крижанича, счастливый Симонъ въ своей молодости принадлежалъ къ блестящему кружку Урбана VIII и Барберини, къ той, скоро исчезшей фалангѣ бод-

---

[15]) «Iako to i Piasecki Biskup Polski w' kronici opisuiet, narekaiuczi na lichie postupki swoich Liachow, i prorokoiuczi zlo, kotoroe se milo s' togo sstati.» О «Бесѣдѣ» см. дал.—Chronica gestorum, изд. въ Краковѣ 1645, начинается избраніемъ Баторія и во второмъ изданіи доходитъ до 1648 г. Рукописи русск. переводовъ въ И. П. Б.—Praxis episcopalis, собственно сжатое цѣлое церковное право, издано въ Венеціи 1611, десятое изданіе во Львовѣ.

рыхъ Славянскихъ дѣятелей разнаго племени, которые черпали свои обширныя познанія въ средѣ тогдашней Италіи, въ цвѣтущихъ академіяхъ и заграничныхъ библіотекахъ, а силы образованныя всецѣло приносили дорогой отчизнѣ, вопросамъ ея церкви, государству ея, обществу, народу, ея политикѣ и праву, исторіи, литературѣ. Подобно Леваковичу, не занимая первыхъ должностей, даже поздно посвятивши себя духовному званію, былъ онъ однакоже душею мѣстнаго церковнаго управленія, а вмѣстѣ и самой церкви, и всего современнаго ему движенія общественной мысли, какъ полигисторъ и энциклопедистъ, въ своихъ произведеніяхъ, превышавшихъ число шестидесяти, выразивши и двинувши сознаніе народное. Можно сказать на вѣрное, значительная часть трудовъ въ нашихъ тогдашнихъ, особенно южно-русскихъ школахъ, питалась Старовольскимъ: его переводили, передѣлывали, эксцерпировали, прелагали въ вирши; въ Москвѣ ученые и библіотеки руководились имъ въ теченіе XVII вѣка и дѣлали попытки цѣликомъ переводить его по Русски. Не отличался онъ однимъ только—изслѣдованіемъ языка: за то въ другихъ всѣхъ областяхъ предшествовалъ Крижаничу, отчасти къ пользамъ цѣлаго Славянства, а спеціальнѣе въ дѣлахъ своего края. Чего не могъ или не успѣлъ еще свершить нашъ Юрій, — Симонъ принесъ обильные плоды познаній юридическихъ въ вопросѣ правъ гражданскихъ и церковныхъ, особенно въ исторіи послѣднихъ, а въ сферѣ экономіи политической достигъ онъ до подробностей монетной системы, къ чему лишь только издалека подходилъ Крижаничъ. Въ дѣлахъ церковныхъ, также какъ нашъ Юрій заявилъ себя по поводу раскола, Старовольскій прославился братскими увѣщаніями къ диссидентамъ (самое его заглавіе «Напомпіе» Юрій повторилъ въ своемъ «Припомникѣ»). За одно съ Пясецкимъ, правдивою исторіею края и особенно эпохи Сигизмунда I-го ученый вызвалъ бурю ложнаго патріотизма. Черпая изъ одного источника съ Крижаничемъ, онъ предупредилъ его послѣдняго разъясненіемъ серьезныхъ задачъ исторіографіи въ своемъ сочиненіи о «Сущности исторіи» и первый обратился здѣсь къ значенію Бернарда, особенно же Линсія, котораго такъ уважалъ, съ котораго подобнымъ образомъ и началъ нашъ Крижаничъ. Географическія, статистическія, политическія обозрѣнія отчизны, по преимуществу классическое «Описаніе государства Польскаго» въ его

быломъ и современномъ состояніи, труды, снискавшіе извѣстность автору въ Европѣ, воздѣланные за границей въ нѣсколькихъ изданіяхъ отличныхъ,— вотъ первообразъ, за которымъ слѣдовало, какъ дальнѣйшій шагъ, «Русское Государство» Крижанича. Если присоединить сюда обличительныя сочиненія Старовольскаго на Польскую современность, носившія смѣлое названіе Плачей, Іереміадъ, особенно же рѣзкое изображеніе всѣхъ бѣдствій политическаго состоянія при Янѣ Казимірѣ («Вопль страдальческой матери, короны польской, вотъ — вотъ уже гибнущей, къ сынамъ выродкамъ, злобнымъ, невнимательнымъ до своей родительницы»), а вмѣстѣ подробныя черты разлагавшагося общественнаго быта и требованіе немедленныхъ преобразованій: мы здѣсь только поймемъ всѣ основанія, на коихъ Юрій произнесъ свой приговоръ о Польшѣ и отъ которыхъ онъ переходилъ къ краснорѣчивымъ предостереженіямъ Россіи. «Погибель отчизны—постои или военные кватеруики (квартиры),»—таково заглавіе и содержаніе самой меткой, хотя и безъименной статьи Польскаго публициста: Крижаничъ изложилъ ея существенныя выводы передъ лицемъ нашихъ козаковъ, страшая именно постоемъ Ляшскимъ и Нѣмецкимъ, хотя и не назвавши анонима, подобно какъ назвалъ Пясецкаго. Но этотъ рѣзкій тонъ неумолимыхъ обличеній противъ родины, хотя и растворенный теплою любовью къ ней, смолкалъ въ ревнивомъ авторѣ, когда вопросъ его переходилъ на иностранцевъ, особенно же Нѣмцовъ: на нихъ, какъ вину зла и дно той пропасти, которая грозила поглотить Поляковъ, никто не возставалъ такъ прямо до Старовольскаго, а послѣ него вскорѣ заговорилъ сильнѣе лишь Крижаничъ. Гордый Краковскій чичероне суроваго побѣдителя Карла Густава, отважной патріотической рѣчью заставившій поморщиться Шведскаго короля, Симонъ являлся первымъ ратоборцемъ противу иноземныхъ хулителей Польши, которымъ отчасти самъ подавалъ поводъ своими обличеніями: его «Возгласъ противу ругателей Польши» оставилъ по себѣ въ ближайшее время одного только вѣрнаго сотоварища – статьи Юрьевы противу «Лаятелей,» занявшія столь видное мѣсто въ историческихъ его работахъ и особенно въ «Русскомъ Государствѣ.» Вызывая въ землякахъ своихъ воспоминанія о той порѣ, когда столѣтними усиліями успѣли они выжить изъ края всеоружныхъ Нѣмцовъ, ревнитель, самъ сопровождавшій въ походахъ Ходке-

вича и крещенный въ дыму и крови великой Хотинской битвы, какъ знатокъ дѣла, въ нѣсколькихъ трудахъ разсмотрѣлъ Старовольскій подробно составъ и способъ вооруженія современнаго ему Польскаго войска, страдавшаго, по его мнѣнію, отъ Нѣмцовъ ратниковъ и перенятой у нихъ военной обстановки: Крижаничъ, нѣсколько разъ ссылаясь на знаменитаго предшественника, развилъ его мысли цѣлыми статьями «Русскаго Государства» и «Промысла,» сдѣлавши изъ «ратнаго строя» ту тайну, ту загадочную задачу, которую хотѣлъ раскрыть царю Московскому, раскрытіемъ сослужить службу за освобожденіе, службою спасти Россію. Это, мы знаемъ, считалъ онъ вѣнцомъ политической своей миссіи. Наконецъ, взирая на будущее, къ болѣе свѣтлымъ его идеаламъ, Старовольскій громко взывалъ «Къ Христіанскимъ властителямъ, да сложатся въ мирѣ на войну противъ Турокъ:» та цѣль, которую, крайнюю и высшую, представлялъ Алексію пашь Юрій и которую несъ въ лицѣ своемъ какъ посолъ страдавшихъ Славянъ Южныхъ, какъ Хорватъ, современникъ и родичъ побѣдоносныхъ Зринскихъ, то, что̀ назвалъ онъ въ «Русскомъ Государствѣ» «тайною думой,» но что̀ было такъ явно съ перваго разу въ его открытомъ, отважномъ образѣ. «Возбужденіе или совѣтъ на уничтоженіе Татаръ Перекопскихъ,»—вотъ чѣмъ, въ особомъ спеціальномъ сочиненіи, начиналъ Старовольскій предстоявшее Славянамъ дѣло: «о Перекопскихъ Татарахъ,» «какъ причину рати на нихъ добыть и Прекопцевъ дома (въ ихъ землѣ) наѣхать,»—такъ спеціализировалъ Крижаничъ ближайшій вопросъ Славянства и Россіи въ томъ же своемъ «Русскомъ Государствѣ,» указаніемъ предваряя, желаніемъ и словомъ ускоряя сбывшуюся для Россіи будущность [15]). Конечно, по обстоятельствамъ и личности, не

---

[15]) «Accessus ad juris utri sque cognitionem,» Римъ 1633 и дал., «Commentarius in IV libros institutionum juris civilis,» Крак. 1638, Римъ 1639.—«Dyskurs o monecie.»—«Monita legalia—in utroque jure,» Крак. 1652; «Breviarium juris pontificii,» Римъ 1653; «Epitome conciliorum—itemque vitarum Romanorum pontificum, epistolarum, decretalium et diversarum sanctionum eorum,» libris XXVI. — имъ 1643, fol.—«Braterskie Napomnienie ad dissidentes in Religione» 1644 и Объясненіе его 1646.—«De rebus Sigismundi I, 1616 и др.—«Penu historicum seu de dextra et fructuosa ratione historias legendi commentarius,» 1620 Венеція, 1653 Римъ.—«Polonia sive status regni Poloniæ

могло не быть глубокаго различія между двумя передовыми дѣятелями: Старовольскій не зналъ или не видалъ надобности вѣдать Славянъ Южныхъ; Юрій явился первымъ представителемъ ихъ жизни и мысли на сценѣ Европейской исторіи; одинъ печаловалъ за Славянъ гибнущихъ: другой былъ провозвѣстникомъ общеславянскаго возрожденія; одинъ заканчивалъ дѣло, возвращаясь изъ кругозора къ тому же родному средоточію, которое не могли уже спасти никакія усилія человѣческія: другой переходилъ отъ Польши къ Россіи; одинъ колкостію извѣстныхъ печатныхъ намековъ раздражилъ Россію и навлекъ, по крайности симъ поводомъ, грозную войну на отечество, но скрылся подъ его охраною и безъименнымъ авторствомъ [16]): другой открыто защищалъ Россію и понесъ за то страданія единственно на лицѣ своемъ; тотъ надѣялся еще «воспользоваться» силами Нѣмцовъ: Крижаничъ обличилъ сурово и насмѣшливо эту единственную непослѣдовательность Старовольскаго. Какъ бы то ни было, но прошелъ Крижаничъ черезъ государственныя области Польши, мы видимъ, не даромъ; не даромъ побывалъ и остановился во Львовѣ: какъ нарочно, Львову, въ признательность за средства образованія, посвящалъ Старовольскій труды свои о ратномъ строѣ и военныхъ задачахъ родины; съ этимъ же послѣднимъ словомъ его вышелъ изъ Львова въ Украйну и нашъ подвижникъ. Первообразъ Ста-

---

descriptio,» Кёльнъ 1632 и др.—«Lament utrapionej matki koruny polskiej» etc.—Wotum o naprawie rzeczypospolitey» Крак. 1625; «Poprawa niektorych obyczajow Polskich» etc. тамъ же 1625; «Reformacyja obyczajow polskich» etc.—Zguba ojczyzny, Stacyje t. j. Kwaterunki wojskowe.»—«Declamatio contra obtrectatores Poloniæ» 1631.—«Elogia militarium virorum.» Крак. 1614 посвящено Львову; «Sarmatiæ bellatores,» Кёльнъ 1631; «Eques Polonus.» Венец. 1628, посвящ Урбану VIII, награждено при посредствѣ Барберини; «Prawy rycerz,» 1632, «Institutionum rei militaris libri VIII, Крак. 1640, Амстерд., Флоренція.—«Dwor cesarza Tureckiego» etc. Крак. 1646, Вильна и дал., переведено у насъ Лызловымъ, «Dyskurs o wojnie Tureckiej» «Ad principes Christianos de pace inter se componenda belloque Turcis inferendo,» Данцигъ 1645.—«Pobudka albo rada na zniesenie Tatarow Perekopskich,» Крак. 1616.—И др.

[16]) Къ изданіямъ Старовольскаго относится значительная часть жалобъ нашего двора и пословъ на печать Польскую, предшествовавшая опустошительной войнѣ противу Яна-Казиміра.

ровольскаго, хотя бы такъ часто и не цитовалъ его имени Крижаничъ, носился предъ взоромъ нашего странника отъ Львова до Тобольска и духъ одного вѣетъ повсюду въ твореніяхъ другаго. Мы полагаемъ все достоинство великихъ дѣятелей мысли и слова не въ томъ, чтобы оторваться отъ одного берега на легкомъ кораблѣ и неожиданно открыть за моремъ новую землю: а въ томъ, чтобы на обычномъ сухомъ пути, подъ зноемъ дня и бременемъ тяжкой ноши, медленными шагами мозолистыхъ ногъ подвигаться къ цѣли; исходить изъ семьи родной, но соблюдать на пути всѣ кровныя связи съ ней; благодарно помнить завѣты предшественниковъ, слѣдовать имъ и—даже оставлять за собою, но заслугу свою не ставить чѣмъ-то единственнымъ и небывалымъ, ибо всякая дорога лица утоптана прежде стопами человѣчества и новый плодъ личнаго труда связанъ всегда съ сѣменемъ, съ корнемъ. Не безчестье Крижаничу, если во многомъ предупредилъ его или тотчасъ на первое время повторенъ былъ имъ человѣкъ и дѣятель такой, какимъ былъ Старовольскій: за этимъ многимъ Крижаничъ все-таки ступилъ неизмѣримо далѣе.—Такъ, не государственнымъ Ляшскимъ строемъ, а южными областями народонаселенія; не Вильною, Варшавой, Познанью и Краковомъ, а Львовомъ; не массою численною, а высшимъ общественнымъ сознаніемъ; не грубою силой и внѣшнимъ бытомъ, а наукой и словомъ; не искусственной національностью, а народомъ; не исключительностью католической и шляхетской, а тѣмъ, что̀ уцѣлѣло искони Славянскаго; не зачерствѣлымъ обрядомъ латинства, приманкою уніатства и своеволіемъ диссидентовъ, а свободою остававшейся вѣры; не расточеннымъ прошедшимъ, а часмой будущностью; не обычными крикунами литературы въ пользу всего худшаго, а лучшими выразителями всего лучшаго; не зломъ своимъ, а всѣмъ, что̀ было послѣдняго добраго,—такъ вошла Польша своею долей, такъ участвовала въ воспитаніи Крижанича, въ твореніяхъ его, а съ тѣмъ вмѣстѣ и въ созданіи его великаго дѣла для всѣхъ Славянъ. Ради этихъ послѣдствій, простятъ Крижанича, кому прискорбны его жосткіе приговоры о судьбахъ цѣлаго племени и государства, тогда еще обширнаго; а убѣдившись въ истинѣ нашихъ выводовъ, какъ будто неожиданныхъ, но тѣмъ не менѣе естественныхъ, Русскіе и всѣ Славяне, чего именно желаемъ мы, поблагодарятъ Юрія за то, что онъ внесъ въ Русское и обще-Сла-

вянское дѣло, имъ поднятое, лишь тѣ элементы и доли изъ прожитой Польской сферы, которые были несомнѣнно лучшими и которымъ не суждено сгибнуть въ благодарномъ потомствѣ.

Выборъ сочиненій Польскихъ, внесенныхъ Крижаничемъ въ Украйну, не былъ однакоже единственною ношей: она увеличивалась лучшими трудами Италіи и вообще Западной мысли, а также нѣсколькими Богослужебными книгами Рима, которыя видимъ послѣ въ рукахъ Юрія (естественно онъ не могъ съ ними разстаться какъ священникъ) и которыхъ также нельзя было достать въ Тобольскѣ, ни занять въ Москвѣ. Но драгоцѣнна была эта ноша еще болѣе собственными, ранними работами Юрія, который, какъ завѣтное благо, тащилъ съ собою путникъ на пользу, онъ думалъ, Россіи. Онъ началъ готовить ихъ, мы знаемъ, издавна и ближе всего для собственной родины: обстоятельства, столь же намъ знакомыя, сдѣлали то, что этой вождѣленною родиной, какъ отечествомъ для всего Славянства, представлялась теперь Россія. Отвѣчая на позднія обвиненія въ странничествѣ, а оно началось для Юрія въ Руси по Украйнѣ, Крижаничь говоритъ: «Меня прозвали Скитальцемъ, Бродягой, Великитой: несправедливо. Я пришелъ къ тому царю, который единственно въ мірѣ есть царь моего рода-племени и языка, я пришелъ къ націи своей, къ отечеству собственному. Я пришелъ туда, гдѣ единственно мои произведенія и труды могутъ найти употребленіе и принести плодъ, гдѣ единственно могутъ быть въ цѣнѣ и оборотѣ мои товары,—я разумѣю *Граматику*, *Словари* и другіе *переводы Книгъ* на языкъ Славянскій. Нигдѣ въ мірѣ, какъ развѣ здѣсь, не могъ я надѣяться, чтобы труды мои приняты были сколько ни будь милостиво.» Въ Предисловіи «Русскаго Государства» обращаясь къ царю и сравнивая себя, хотя и недостойнѣйшаго, съ положеніемъ Наѳана пророка предъ Давидомъ, Крижаничь повторяетъ причины прибытія и посланничества: «Я всегда имѣлъ къ тому охоту, чтобы языкъ (Славянскій) былъ обработанъ и доведенъ до возможнаго совершенства; чтобы имѣли мы хорошую *Граматику* и *Лексиконъ*, дабы съ этимъ пособіемъ могли правильно и писать, и говорить; чтобы имѣли мы обиліе реченій, сколько нужно къ выраженію человѣческихъ замысловъ, во всякой бесѣдѣ при общихъ дѣлахъ народныхъ.» Говоря еще о потребности общеславянской вѣрной исторіи и такой книги, какою явилось потомъ

«Русское Государство,» Юрій намекаетъ и о вставленныхъ сюда переводныхъ отдѣлахъ по разнымъ вопросамъ: «Читалъ я въ разныхъ книгахъ и въ обычныхъ разговорахъ слышалъ разсказы о дѣяніяхъ и устройствѣ сего преславнаго царства. Посланниковъ, отсюда отправленныхъ въ иныя земли, нѣкоторыхъ самъ видѣлъ, а объ нѣкоторыхъ внималъ разсказамъ. Изъ того, что постигъ я, соображалъ я и думалъ, что нѣкоторые предметы, весьма нужные для знаній, не обвѣщены еще и не поняты въ семъ царствѣ. Именно и наипаче о многообразныхъ хитростяхъ, коими другіе народы обычно обольщаютъ насъ Славянъ, а особливо, какъ дурачатъ и перехитряютъ преславное сіе царство. Для того и поднялъ я многій трудъ, чтобы хотя отчасти возможно было вывести наружу, таковыя хитрости и обольщенія [17]).» Въ завершенной Граматикѣ мы дѣйствительно встрѣчаемъ послѣ обширный, давно заготовленный и собранный на мѣстѣ матеріалъ языковѣдѣнія, здѣсь же данныя для лексикографіи, а въ другихъ трудахъ переводные эксцерпты изъ многихъ иностранныхъ сочиненій, отчасти уцѣлѣвшихъ—видимо—подъ руками.—На такую объемистую ношу конечно не достало бы путнику однихъ человѣческихъ силъ: нуженъ былъ цѣлый возъ и, соображая скорость передвиженій, не сомнѣваемся, что Крижаничъ ѣхалъ. Не одинъ: не знакомый съ краемъ, притомъ столь тревожнымъ, между спорныхъ тогда границъ Польскихъ и Русскихъ. Въ разсказѣ о переѣздахъ, противъ обычая употребляетъ онъ «мы:» очевидно со спутниками, провожатыми.

Путешествіе сего рода должно было совершаться съ разстановками на срокъ болѣе продолжительный, гдѣ бы сложить и на время оставить ношу, откуда предпринимать разъѣзды. Послѣ Львова такимъ мѣстомъ, судя по всему, былъ *Нѣжинъ*. По прямой дорогѣ отъ Львова, начинаетъ Юрій съ Волыни свое вступленіе въ тогдашнюю Украйну и описываетъ ее *съ Корца*: «Почавши отъ Корца.»—«Идучи симо ближе (сюда ближе),» а потомъ

---

[17]) «О Промыслѣ,» «Р. Г.» т. II; «Граматика» и др. — Почтенный нашъ другъ, г. Кукулевичъ, сообщая эти извлеченія изъ Крижанича, переводитъ ихъ болѣе или *менѣе* удачно: такъ, т. II, стр. 3, толкуетъ «не ищу» вмѣсто «не ищу,» считаю, полагаю; дополняетъ «приплe» вмѣсто подлиннаго «пашли» и т. п.

«Изъ сей страни,» по сю сторону (Днѣпра), — здѣсь разумѣетъ онъ Нѣжинъ съ округомъ. Какъ ото Львова до Корца, такъ отъ Корца до Нѣжина путь по линіи почти прямой: но странно было бы избѣжать загиба, торной дороги и перевоза *на Кіевъ*; увидимъ ниже, былъ ли онъ тамъ и долго ли. Сейчасъ помянутое, пройденное и описанное пространство, измѣряется путникомъ «въ долину и въ ширину на нѣсколько дней хода («въ долго и въ широко на никулико день хода»).» Дѣйствительно, въ ширину, съ сѣвера на югъ, простираются шаги странника до *Лисянки:* спустился ли онъ сюда по торной городѣ отъ Кіева, на правой же сторонѣ Днѣпра, или держалъ сюда поѣздку изъ Нѣжина (но едва ли при семъ миновалъ бы опять перевоза на Кіевъ),—трудно рѣшить при теперешнихъ данныхъ. Далѣе снова, по прежней ли дорогѣ на Кіевъ, или перевозомъ южнѣе, вступаемъ мы съ Юріемъ на лѣвую, восточную сторону Днѣпра, а идемъ черезъ *Басань* и опять упираемся въ Нѣжинъ. Къ сѣверу отсюда достигали взоры Крижанича до *Дубровны:* посѣтилъ ли ее самъ, неопредѣленно. Во всякомъ случаѣ промежутокъ между Лисянкой и округомъ Нѣжина беретъ у путника *слишкомъ дня недъли:* изъ нихъ конечно приходится всего болѣе на самый Нѣжинъ. Потомъ, продолженіемъ той же прямой линіи, какъ отъ Львова до Корца и отъ Корца до Нѣжина, отъ Нѣжина въ направленіи къ Москвѣ представляется намъ *Борзна.* Разстояніе времени таково. Пасха въ 1659 году была 3 Апрѣля; на Ѳедора Тирона, т. е. 17 Февраля, въ четвергъ на 1-й недѣлѣ поста, Юрій былъ въ Лисянкѣ; чрезъ три почти недѣли, на Средопостье, въ крестопоклонную недѣлю, 6 — 13 Марта, путникъ нашъ является въ Борзнѣ; изъ нея вернулся онъ обратно еще разъ въ Нѣжинъ. Отъ Борзны наконецъ, хотя нѣсколько сѣвернѣе прежней прямой линіи, но по торной же дорогѣ къ Москвѣ, нѣкоторые признаки ведутъ насъ съ Крижаничемъ до *Глухова:* и здѣсь теряемъ слѣды его прямой дороги, предположительно добавляя развѣ тѣмъ, что на Глуховъ шелъ онъ черезъ Батурынъ [18]). Начинало по времени половодье въ разливѣ рѣкъ; начинались предѣлы Московскаго государства, только что недавно раз-

[18]) «Путно описаніе.» «Обличеніе.» «о Промыслѣ.» «Р. Госуд.».

двинутые въ Украйну, но отъ старины еще не успѣвшіе стушеваться; на пограничной чертѣ стояли войска Московскихъ воеводъ: перерываются шаги нашего путника, тонетъ его дѣло въ безвѣстности.

То, что встрѣтилъ Крижаничъ на пространствѣ отъ Корца до Глухова и отъ Лисянки до Нѣжина, не представляло ему особенной новости: смѣнялись мѣстности и названія, но не сущность историческая, не вопросы мысли, вѣры и жизни, даже не образы, извѣстные тогда по областямъ Славянства. Мы говорили уже и желали бы вниманія со стороны историковъ, что наша Украйна съ Запорожьемъ была только самой сѣверной оконечностью и вмѣстѣ продолженіемъ относительно Краинъ и Границъ Юго-Славянскихъ, то есть Болгаро-Волошскихъ, Сербскихъ и наконецъ Хорватскихъ со Словенскими, вдававшихся уже въ Италію и Адріатическое поморье. Ни для Хмельницкаго, ни для Выговскаго не были чужды связи съ Ракоци, съ Венгріей и Седмиградами, съ краишниками и граничарами Славянскими. Кипѣли тѣ же вопросы: племени юнаго и жизненнаго, просившаго самобытной политической жизни; государства, возникшаго изъ основъ Славянскихъ, но затянувшагося въ систему Европы Западной, давившаго или заѣдавшаго свѣжіе элементы вмѣсто того, чтобы черпать изъ нихъ обновленіе; католичества, опиравшагося на свѣтскую власть по причинѣ внутренняго своею ослабленія, уніи, орудовавшей порабощеніемъ, православія порабощаемаго и въ страданіи своемъ выкупавшаго торжество на близкую будущность; тѣ же посредствующіе и разъѣдавшіе элементы, по преимуществу Нѣмецкіе, воплощавшіеся то въ диссидентахъ-реформаторахъ, то въ служиломъ войскѣ и въ ратномъ строѣ; тотъ же отпоръ Туркамъ, какъ скоро силы Славянскія гармонически бывали настроены союзомъ и любовью; та же необходимость вызывать за собою Татаръ и Турокъ противъ государства, лишь только оно начинало поступать не по братски съ народомъ и обнаруживало инстинкты государственности Нѣмецкой. Даже фигуры своихъ бановъ встрѣтилъ Юрій точь въ точь въ гетманахъ Коронныхъ, Литовскихъ, Русскихъ и козацкихъ; сближались богатырскіе ихъ образы, бытъ и самая одежда; при отъѣздѣ Крижанича Петръ Зринскій задумывалъ почти то же самое, что успѣлъ совершить Богданъ Хмельницкій, и если сего послѣдняго только два года не

засталъ въ живыхъ нашъ путникъ, то засталъ и встрѣтилъ еще во всей свѣжести совершенное имъ дѣло. Было однако же и различіе, выиграны впередъ успѣхи Славянской исторіи: тамъ Славянскіе шаги устремлялись на Западъ и замирали одинаково въ пропасти Нѣмецкой, Католической Уніатской; здѣсь изъ той же пропасти шли они на Востокъ и обновлявшіяся надежды свои читали въ лицѣ Россіи. Въ томъ же самомъ направленіи исторіи шелъ по краю Крижаничъ, шло собственное его развитіе, а съ нимъ вмѣстѣ поступало впередъ мыслію и словомъ принесенное имъ и въ немъ олицетворившееся Славянское дѣло

На первыхъ порахъ, какъ и слѣдовало ожидать, Крижаничъ оставался вѣренъ католичеству, чѣмъ выше и чище понималъ его; и между тѣмъ, столь же вѣрный постоянному правилу — выслушивать противную сторону (audiatur et altera pars), начиналъ онъ съ ближайшей, то есть съ Польско-католической и шляхетской, за которою довольно глухо отдавалась ему сторона Русская и православная.—Въ Корцѣ имѣлъ онъ случай почтить прахъ героя Славянина, павшаго въ битвѣ при Цецорѣ съ Жолкевскимъ противу Восточниковъ, князя Самуила Корецкаго: но прахъ сей покоился въ монастырѣ Францискановъ, и орденъ, близкій Юрію по Леваковичу и Главиничу, конечно болѣе его занялъ, чѣмъ память православнаго ревнителя, протопопа Корецкаго Лаврентія Зизанія.—За тѣмъ, по направленію пути, предстояло Юрію ознакомиться съ Кіевомъ. Вовсе ли обошелъ его нашъ путникъ, или былъ тамъ на самое краткое время: только онъ не остановилъ своего вниманія, сочувствія и благоговѣнія ни предъ Кіевскою святынею, ни предъ дѣломъ Кіевскихъ школъ, завоевавшихъ почетъ мѣстному православію. Настоящаго митрополита, послѣ Сильвестра, тамъ не было: Діонисій не могъ быть преставителемъ, не былъ признанъ таковымъ со стороны Москвы и находился вѣроятно въ Чигиринѣ при гетманѣ, только не въ Кіевѣ Если Крижаничъ не оставилъ намъ благодарнаго воспоминанія, ни даже слова, о Кіевѣ православномъ, то католическаго онъ не нашелъ бы вовсе: недавнее торжество Богдана страшнымъ опустошеніемъ вымело оттуда всю Латынь и Унію, — способъ дѣйствій, противъ котораго вскорѣ встрѣтимъ протесть Крижанича Не прошло еще двухъ лѣтъ по смерти великаго гетмана, а обстоятельства страшно измѣнились и Юрій засталъ край въ самую, можетъ статься,

смутную изъ эпохъ, когда недавній общій восторгъ соединенія съ Русью Великою смѣнился посѣщною измѣною Выговскаго. Далеко не безопасно было чужеземцу въ городѣ, гдѣ жители колебались между Москвою и Польшею, между присягой и соблазнами; гдѣ духовенство тревожилось новой возможностью Уніи подъ покровомъ Польскимъ, а съ другой стороны привлекательными привилегіями, добытыми для него новымъ гетманомъ; гдѣ воевода Московскій, бдительный Шереметевъ ревниво стерегъ столицу отъ покушенія вторгавшихся сообщниковъ Выговскаго. Между тѣмъ Гадячскія условія, возвращавшія Украйну съ войскомъ Запорожскимъ Польшѣ, на правахъ какого-то самостоятельнаго княжества, обѣщали полное уравненіе Вѣръ Греческой съ Римскою: мѣстное духовенство Русское находило удовлетвореніе своимъ шляхетскимъ наклонностямъ, столь отличавшимъ его отъ Москвы,—митрополитъ и православные епископы засѣдали бы въ сенатѣ, хотя конечно и ниже соотвѣтственныхъ влацыкъ католическихъ; полная свобода школъ, наукъ, преподаванія, типографій, печати, а вмѣстѣ проэктъ Академіи второй, конечно Католической; вытѣсненіе всѣхъ училищъ прежнихъ, то есть іезуитскихъ и уніатскихъ, за то очищеніе Коллегіи отъ всякихъ ересей Кальвинскихъ и Лютерскихъ. Однимъ словомъ, не пускаясь нисколько въ предположенія, не можемъ же не видѣть, что подобные планы приходились какъ разъ по мысли Крижаничу, и едвали бы даже отказался нашъ путникъ, еслибы пришлось ему сложить пошу книгъ своихъ и знаній на одной изъ каѳедръ предполагавшейся въ новомъ видѣ коллегіи Кіевской. Тѣмъ болѣе естественно было Крижаничу, минуя политическіе разсчеты, мало еще ему знакомые, остановиться первою своею надеждою на гетманѣ, несомнѣнно въ ту пору передовомъ человѣкѣ Украйны, въ добавокъ шляхетномъ и «письменномъ,» который самъ проложилъ себѣ дорогу перомъ въ званіи Войсковаго Писаря, тогдашняго статсъ-секретаря Украйны. Во всякомъ случаѣ, когда, минуя вниманіемъ Кіевъ, Крижаничъ очутился въ порядочномъ оттуда разстояніи на Югѣ, именно въ Лисянкѣ, и описалъ бывшую тамъ ярмарку Февраля 17-го, мы не имѣемъ повода предполагать, да онъ и самъ этого не утверждаетъ, чтобы среди тревожнаго военнаго времени пустился онъ въ сторону съ прямой дороги ради одной Украинской, весьма извѣстной по товарамъ, ярмарки,

притомъ въ мѣстечкѣ, которое не представляло ему ничего другаго занимательнаго, ни даже католическаго монастыря, кромѣ развѣ крѣпкаго военнаго замка: за то это мѣстечко, не можемъ мы забыть, въ томъ же году ухвалою сеймовой отдано было въ родъ Выговскихъ, а немного южнѣе лежала и сама резиденція гетмана.—Перешедши отсюда на лѣвую восточную сторону Днѣпра и подымаясь къ сѣверу, Крижаничъ останавливается на Басани: онъ знаетъ отчетливо былыя права на эту волость шляхтичей Крницкихъ, знаетъ и то, «что не давно Выговской отдалъ Басанскій замокъ и волость» въ возвратъ Крницкому, вопреки желаніямъ народа, отвоевавшаго землю своей кровью.—Отъ этого мѣстечка (Переяславскаго уѣзда), въ томъ же Февралѣ, Юрій оставляетъ въ право на востокъ Выговскаго съ товарищами, дѣйствовать подъ Миргородомъ, Лохвицей и Ромнами противъ Ромодановскаго съ Куракинымъ и Безпалаго, самъ же, въ тылу и подъ прикрытіемъ обозовъ гетмана, между Днѣпромъ и военной линіей тогдашнихъ битвъ, подвигается еще далѣе на сѣверъ къ Нѣжину.—Переждавъ здѣсь и удостовѣрившись въ возраставшемъ успѣхѣ Выговскаго, 6—13 Марта Крижаничъ пошелъ къ Борзнѣ: конечно опять не на ярмарку, столь обыкновенную тамъ, а по пути на Москву, ибо хотѣлось же ее видѣть, да и надежнѣе было пуститься туда, оставляя позади себя благопріятное расположеніе въ дѣлахъ Украйны на случай будущій. Но въ Мартѣ же отъ Сѣвска къ Путивлю шелъ кн. Алексѣй Никитичъ Трубецкой больше чѣмъ съ сотнею тысячъ, стягивая къ себѣ войско и отъ Роменъ, и отъ Лохвицы, то есть преграждая путь на востокъ по всей линіи. Онъ шелъ карать Выговскаго и подступалъ—увы—къ злосчастному Конотопу: еслибы путникъ нашъ шагнулъ изъ Борзны еще одинъ шагъ впередъ, онъ очутился бы передъ лицемъ Московской рати, вовсе не благодушно настроенной.—Юрію оставалось взять еще сѣвернѣе, на Глуховъ: но, если бы здѣсь и обошелъ онъ войско, то нельзя было впереди разсчитывать на подобные обходы при половодьѣ.—Итакъ еще разъ, говорили мы, вернулся Крижаничъ въ Нѣжинъ, самое сильное и безопасное въ ту пору мѣсто на лѣвой сторонѣ Украйны: вернулся, чтобы дождаться здѣсь и крайняго торжества, и бѣдственнаго переворота въ дѣлахъ предпріимчиваго гетмана. За то, въ перемежкѣ смутныхъ событій, здѣсь было тихое пристанище и довольно досуга

для «Описанія пути,» уже свершеннаго отъ Львова, хотя еще и не достигшаго до Москвы. Здѣсь-то прежде всего наткнулся онъ на своихъ старыхъ, столь же и нашихъ старыхъ знакомцевъ, *Грековъ*. Наткнулся и —по прежнему направленію своихъ взглядовъ— обрушился со всею силою.

Послѣ Львова, Нѣжинъ сдѣлался самымъ любимымъ мѣстомъ поселеній Греческихъ между племенемъ Малорусскимъ: но не задатки и не будущность цвѣтущей колоніи остановили вниманіе путника.

Греки предстали Крижаничу въ томъ же, прежнемъ, невыгодномъ образѣ, какъ въ Царьградѣ, Италіи и Хорватахъ. Православные жители Украйны, говоритъ онъ описывая ее на мѣстѣ, отличаются звѣрствомъ; причиною тому политическій раздоръ (ересь), отдѣляющій отъ Московскаго царства, а начинатели его были Ляхи; но способствуютъ сильно сему убѣжденію, къ прискорбію, представители мѣстнаго духовенства и Греческіе (приходящіе) митрополиты: такъ въ заключеніи вина сводится къ Грекамъ. «Черкасы хотя и православную вѣру исповѣдаютъ, но однакоже нравы и обычаи имѣютъ звѣрскіе.» Крижаничъ повторяетъ симъ давніе отзывы Нестора, съ тѣмъ развѣ отличіемъ, что лѣтописецъ по крайности исключалъ отсюда Полянъ; но онъ, не замѣчая самъ, еще ближе повторяетъ недавнія, шляхетско-польскія, полукатолическія рѣчи извѣстнаго Адама Киселя: въ письмѣ къ Конецпольскому, современникъ Богдана расписался, что въ неразумномъ войскѣ козацкомъ видитъ онъ привязанность къ религіи греческой, хотя въ семъ отношеніи козаки похожи скорѣе на Татаръ, чѣмъ на христіанъ; что они водятся болѣе страхомъ, чѣмъ любовью, преданы хищничеству, однимъ словомъ это звѣрь безъ головы (bellua sine capite).» «А причиною сему, продолжаетъ Крижаничъ, между другими наипаче одна ересь,— не духовная, но политическая (то-есть имѣющая отношеніе къ дѣламъ временнымъ). Начинателями сей ереси суть Ляхи, а отъ нихъ научившись, держатся ея крѣпко и Черкасы, и чуть не всѣ прочіе народы въ Европѣ. Вотъ въ чемъ эта ересь: взяли себѣ въ голову и считаютъ чистою истиной («сѣняютъ за истину щирую»), что жить подъ симъ преславнымъ Царствомъ Русскимъ значитъ жить въ напгоршей неволѣ, въ плѣну и въ рабствѣ горше Турецкаго тиранства, горше Фараоновой службы и Египетской работы. Сему дьяволь-

скому убѣжденію сильно имъ помогаютъ и собственные (мѣстные) ихніе духовные люди, и Греческіе митрополиты, какъ это мы не отъ одного (къ великому нашему сожалѣнію) слышали.» Какъ видите, въ семъ политическомъ направленіи и раздорѣ сошлось съ Греками и мѣстное Малорусское духовенство. Это было бы не диво: въ ту пору высшіе представители его отличались иногда въ дѣйствительности шляхетскимъ (польско-дворянскимъ) происхожденіемъ, и общими, господствовавшими притязаніями ополяченныхъ шляхтичей; въ силу самого школьнаго образованія, гордо поднимались они надъ простымъ народомъ козацкимъ, а вмѣстѣ, и по тѣмъ же причинамъ, отчасти не понимали истиннаго характера Москвичей, еще же искреннѣе и проще не могли на первый разъ ужиться съ извѣстною грубоватой рѣзкостью пріемовъ, не покидавшихъ Москву ни въ какомъ, даже въ политическомъ дѣлѣ. Одинакая причина образовала, мы знаемъ, и тогда уже два лагеря въ самой Москвѣ, изъ пришельцевъ и мѣстныхъ; она же доселѣ затрудняетъ много успѣхи на Сѣверо-западѣ и Юго западѣ Россіи. Намъ страннѣе эта внезапная страсть къ политической свободѣ и этотъ неожиданный аристократизмъ въ пришельцахъ Греческихъ: хорошо познали они на собственной родинѣ цѣну Турецкой державы; далеко не равнялись школьнымъ притязаніемъ съ Малороссами; а тѣмъ болѣе, въ тѣ же самые годы, услужливо и преданно подвизались на глазахъ Московскаго престола. Но еще удивительнѣе намъ показаніе Крижанича, когда вспомнимъ, что слишкомъ цѣлое полстолѣтіе, на всемъ протяженіи отъ Львова до Кіева, Чернигова и Нѣжина, отчасти поднимаясь въ Бѣлую Русь до Могилева, Минска и даже Вильны, въ этомъ ряду посѣщеній, то греческихъ патріарховъ, Іоакима, Іереміи, Ѳеофана и т. д., то прочихъ многочисленнѣйшихъ греческихъ іерарховъ, изъ коихъ иные, какъ Никифоръ (въ Брестѣ) и самъ Іоакимъ (во Львовѣ), пострадали за свою ревность, именно, говоримъ, Греки всегда и вездѣ стояли по преимуществу за народъ простой и за общество, послѣдовательно за братства—во всемъ ихъ учрежденіи и подвигѣ, отчасти за монастыри—пріюты боровшихся, наконецъ за сельскіе и городскіе приходы. Они-то своимъ крупнымъ авторитетомъ представили единственно равносильный противувѣсъ папскимъ посольствамъ и перепискамъ того времени, столь дѣйственнымъ противу православія и въ поддержку

уніи: стоитъ вспомнить письмо знакомаго намъ Урбана VIII къ Владиславу [19]). Они насадили въ школахъ языкъ Греческій и дали всей пресловутой образованности Западнаго Русскаго духовенства надежную опору въ изученіи Греціи, Византіи, для усѣшнаго равновѣсія съ языкомъ и характеромъ Латино-Польскимъ; отъ нихъ-то пошли эти Арсеніи Львовскіе, Зизаніи Корецкіе и Виленскіе, Епифаніи Московскіе. Можно прямо сказать, что безъ такого воздѣйствія оказался бы ничтожнымъ весь плодъ Западно-Русской школы: мы получили бы одну Полоно-Латинскую, кристаллизованную, форму; вся эпоха борьбы не заслужила бы того изученія, какого въ подробности ждетъ нынѣ нетерпѣливая наука. Да и борьба безъ нихъ кончилась бы на первыхъ же порахъ торжествомъ уніи, передоваго бойца католическаго. Не одна школа: здѣсь важенъ притокъ братскихъ одушевляющихъ силъ; онѣ дѣйствовали прямо отъ лица праматери - Церкви на Церковь юную, застигнутую небывалой борьбою, и дѣйствовали въ истой области церковной, не въ одной іерархіи,—въ общественныхъ и народныхъ слояхъ Церкви. Ни на что такъ не нападали католики Поляки и не жаловались Русскіе уніаты, какъ на эти пріѣзды и на это вліяніе Грековъ по Бѣлоруссіи, всей Украйнѣ, Волыни и Галиціи. Говоря противъ Грековъ, Крижаничъ становился на точку зрѣнія мѣстныхъ Латинцевъ и Уніатовъ; преслѣдуя ересь политическую, незамѣтно себѣ спускался до основъ раздора церковнаго, гдѣ Греки были на всемъ правѣ; коснувшись вопросовъ Церкви, не имѣлъ права простирать отсюда выводы къ политикѣ. Въ политическихъ событіяхъ края Греки, какъ нарочно, запечатлѣли ревность свою дѣломъ: они благословили на рать Хмельницкаго, они шли въ войскѣ его (Іоасафъ Кориѳскій). Мало того: обличитель совращался на политику иную, въ сущности враждебную его симпатіямъ къ Россіи; ибо Поляки, безъ различія въ ихъ пестромъ государственномъ строѣ, негодовали на Грековъ именно потому, что они служили связію съ Москвою, что они посѣщали Русь въ областяхъ Польскихъ на пути къ Москвѣ и

---

[19]) 1624 г. февр. 10; обстоятельства памятной намъ поѣздки Левакловича на Львовъ досель мало извѣстны: чуть ли они не связаны именно съ этимъ дѣломъ.

на возвратѣ оттуда, служили посредниками сего союза, а порою участвовали въ мятежныхъ на Польскій взглядъ посольствахъ. Не догадывался Крижаничъ, что онъ склонялся даже на сторону Нѣмцовъ и особенно протестантовъ: враги католической Австріи, Шведы, парализуя Польшу и столь же опасное для нихъ соединеніе Украйны съ Москвою при посредствѣ Греческой Вѣры и ея служителей, не разъ вызывали Турокъ на союзъ противъ общаго врага и пугали ее возможнымъ освобожденіемъ Турецкихъ подданныхъ, Славянъ и Грековъ. Не за долго до прибытія Крижанича, въ самую эпоху успѣховъ Хмельницкаго, Карлъ Густавъ, коего гетманъ считалъ такимъ присным своимъ другомъ, писалъ Султану, возбуждая его въ семъ смыслѣ и указывая необходимость двинуть на Южную Русь Татарскаго, Крымскаго хана: «Идолослужители, какъ папежники, такъ и Грчане, соединились искоренить всѣхъ тѣхъ, которые не поклоняются образомъ и болваномъ. А умершій цесарь Римской не для чего иного такіе вымыслы и хитрости чинилъ, и съ папежскими союзники, и съ Москвитиномъ (царемъ Московскимъ): онъ ничего иного не думаетъ и дружбы его ищетъ только для того, чтобъ онъ (царь) *освободилъ*, какъ говоритъ, *утѣсненныхъ Грчинъ, и Болгаровъ, и тѣхъ, которые есть Греческіе жъ вѣры* Вашего Величества подданные. И Ваше Величество гораздо разсуди, какъ велми вамъ о томъ належитъ, чтобъ помѣшать тѣ опасные вымыслы своихъ непріятельскихъ сосѣдъ... И можно то будетъ сдѣлать Татарскому хану и Семигродцкому князю своими силами [20]).» — Угрозы передаться хану и султану были не новымъ дѣломъ для козаковъ: не Москвы симъ избѣгали они, а пугали не разъ притѣснителей Поляковъ и потомъ самую Москву, если она не приметъ ихъ подъ свою высокую руку. А еще раньше того, не за Московскіе страхи и не по наущенію Грековъ, а ради уніатскихъ насилій, народъ вопилъ—«лучше желаемъ въ неволю Турецкую,» крикъ, испугавшій канцлера Льва Сапѣгу и внушившій ему необходимость сдерживать неистовство Куцевича: «Развѣ не извѣстны вамъ ропоты неразсудительнаго народа, и голоса ихъ, что лучше желаютъ они быть въ Турецкомъ подданствѣ, нежели терпѣть такое притѣсне-

---

[20]) Въ Русск. переводѣ см. «Пам. Диплом. сношен.» т. III.

ніе вѣрѣ ихъ и благочестію?» Еще больше. Противъ пріѣзжихъ Грековъ въ Галичинѣ, Волыни и Украйнѣ стояли не народъ, не братства, не приходы, не монастыри и не школы, а именно высшіе мѣстные іерархи изъ монашествующихъ: частію за взиманіе установленныхъ доходовъ на Константинополь (какъ въ дѣлѣ Іереміи и Рагозы), особенно же за то, что Греки безпрестанно становились на сторонѣ паствы, въ отпоръ властолюбивымъ притязаніямъ, руководившимся близкими примѣрами абсолютизма въ католичествѣ и уніатствѣ. Сотни примѣровъ тому въ исторіи: самъ великій Петръ Могила не чуждъ былъ подобныхъ притязаній и неудовольствій, а скоро повторились они и въ Москвѣ при Никонѣ. То былъ вопросъ отнюдь не политики, не вѣры и даже не церкви, а мѣстной администраціи, въ которой однакожъ сдержанность, мягкость и свобода взгляда оставалась на сторонѣ Грековъ, а на долю противниковъ приходился остатокъ не свойственной Православію, шляхетской и латинствующей притязательности; и на сей-то послѣдней сторонѣ неосторожно очутился Юрій. Но очутился числомъ заднимъ: и намъ лишь странно, какъ себѣ не разъяснилъ сего Крижаничъ, имѣя возможность оглянуться назадъ и вспомнить совершенно сходныя явленія между своими родичами на Югѣ. Между тѣмъ на Украйнѣ онъ не засталъ уже такого сочетанія явленій и къ вящему удивленію передаетъ намъ факты, совсѣмъ противуположные. Выходитъ у него, что мѣстная іерархія стала за одно съ Греческими митрополитами, что онъ самъ слышалъ это отъ многихъ, что послѣдствіемъ такого заговора явился раздоръ, направленный съ ненавистью на Москву, что грубое заблужденіе послужило на руку Полякамъ, а отсюда въ концѣ концовъ обрушилось на народѣ, который, не смотря на православную вѣру, грубѣетъ отъ того въ звѣрствѣ. Къ чести Крижанича, онъ остерегся проповѣдывать здѣсь о какой либо «ереси духовной» и свелъ на «политическую.» Хотя бы заблуждался онъ, пріятно видѣть намъ, какъ съ первыхъ же шаговъ своихъ по Россіи, въ спорѣ, гдѣ противъ себя предполагалъ онъ совокупность силъ Украинскаго и Греческаго духовенства, рѣшительно онъ принялъ сторону Москвы. Онъ сейчасъ же выступилъ готовымъ политическимъ ея защитникомъ и—замѣчательныя, дорогія строки,—предначерталъ планъ написать свою будущую «Политику.» «Судили мы полезнымъ, даже болѣе - потребнымъ *на-*

писать книгу, противу такого ложнаго дьявольскаго заявленія («противъ сицевому ложному чертовскому удаванію»), дабы люди отнынѣ не завлекались въ такую страшную прелесть и хулу, причинившую въ настоящее время кровопролитіе, какого никогда достаточно не оплачемъ,» онъ разумѣетъ междуусобія козацкія при Выговскомъ и разгромленіе Московскаго войска помощію Татаръ. Дѣйствительно, мы знаемъ, онъ сдержалъ слово, написалъ книгу и — что же? Въ ней доказалъ весьма добросовѣстно, что помимо Грековъ «политическіе» поводы къ неудовольствіямъ противъ Москвы были слишкомъ достаточны для тогдашней Днѣпровской Украйны. «Въ семъ нашемъ времени что̀ приключилось въ семъ же преславномъ Русскомъ царствѣ? Вотъ всѣ поколѣнія или всѣ державы Русскаго народа (Малая и Бѣлая Русь) возвратились было въ домъ Давидовъ, къ своему Русскому царству, отъ коего съ нѣсколькихъ вѣковъ были отторгнуты. Сначала однажды было выбили отъ себя Ляховъ, а за тѣмъ опять будучи завлечены во власть ихъ происками и обманами, опять было выбились *въ 1659 году*, какъ бы свидѣтельствуя, что во вѣки не воротятся уже подъ область Ляшскую. Тогда собравшися въ сеймъ (раду), опять съизнова царю государю крестъ цѣловали. Но что̀ же учинилось? То же, что древле при Ровоамѣ въ Израильтянахъ. Были тогда люди, которые вѣрно совѣтовали и говорили, дабы новымъ симъ подданнымъ не налагалось никакой тяготы, но дабы великою казною и приходомъ считалось то уже, что царь государь имѣлъ это превеликое войско, всегда на его заповѣдь готовое, которымъ бы одна сторона царства сего ограждена была какъ стѣною и коимъ до конца могли бы быть уничтожены Крымскіе разбойники. Но ради старыхъ царя Ивана и царя Бориса законовъ, иначе полюбилося думѣ (Московской): и проклятые кабаки тутъ же были установлены. Однако Украинцы мои и новые подданные, какъ скоро отвѣдали законъ такого правленія, тотчасъ скаялись и опять къ Ляхамъ возвратилися.» «И нынѣшнимъ погромамъ (коими разорена Русская, Ляшская и Литовская земли) одна была причина,—тиранство, которое чинили на Днѣпровской Украйнѣ Ляхи и Жиды; а другому злу, измѣнѣ по Днѣпру, та же причина, установленіе проклятыхъ кабаковъ.» «Ради того всѣ народы гнушаются симъ царствомъ и народомъ Русскимъ. Какъ намедни учинили это козаки Днѣпровскіе, кои будучи едины по

языку и вѣрѣ съ нами, предпочитаютъ однакоже быть подъ Лихами, чѣмъ подъ симъ господствомъ, ради крутости здѣшняго правленія [21]).» Спрашивается: гдѣ же тутъ Греки, какъ виновники политическаго раздора? Очевидно они скрылись, по мѣрѣ того, какъ Юрій ближе знакомился съ Россіей, хотя и въ глубинѣ Сибири.

Какимъ же образомъ однако эти самые Греки передъ глазами Крижанича вошли нѣкогда въ союзъ съ Малорусскою іерархіей и враждовали на Москву? Правдивость *показаній* Юрія мы никогда не имѣемъ права заподозривать и отвергаемъ лишь его *объясненія*: точно, Греки были именно въ томъ положеніи, какъ описываетъ ихъ Юрій, — и за одно съ духовною властью Украйны, и въ неудовольствіи на Царя Московскаго, и съ отзывомъ объ относительной свободѣ духовенства подъ правленіемъ Турціи. Это было не прежде, ни послѣ: это случилось именно въ года пріѣзда Крижанича, то есть въ послѣднихъ 30 хъ годахъ. Церковь Западно-Русская, на сѣверѣ до Вильны, на югѣ до Львова и Кіева, въ смыслѣ учрежденія іерархическаго и управленія административнаго, давно и долго зависѣла, какъ извѣстно, отъ престола Константинопольскаго: то былъ разсчетъ сперва Литовскаго, потомъ общаго Польскаго государства, подъ видомъ возстановленія древней зависимости отъ Греціи, держать православныхъ вдали отъ воздвигшагося престола Московскаго, и дѣйствительно, при основахъ церковныхъ, достигать симъ цѣлей политическаго раздора между Русью Бѣлой и Малой противу Великой и Общей. Это совпадало съ интересами мѣстнаго высшаго духовенства: зависимость отъ далекаго Царяграда гораздо больше развязывала руки дома, въ воспитаніи духовенства, въ распредѣленіи мѣсть, во внѣшнемъ управленіи и во всемъ томъ, въ чемъ отъ пріѣзжихъ Владыкъ или ихъ посланцевъ легко было отдѣлываться нѣсколькими уступками доходовъ и аккуратностію платы, а порою, какъ было съ Рагозой, и оспаривать притязанія; это уравнивало также положеніе православныхъ съ уніатами и католиками, въ ихъ зависимости отъ далекаго папы. По сему поводу вопросъ разгорѣлся тотчасъ же при первыхъ успѣхахъ Украйны и войска

---

[21]) Р. Госуд. т. I, стр. 284, 285, 287, 296; т. II, стр. 102.

Запорожскаго съ Хмельницкимъ, когда Москва, въ слѣдъ за политическимъ союзомъ, заговорила о подчиненіи патріархату Московскому. Современникъ Богдана, Кіевскій митрополитъ Сильвестръ первый заявилъ нерасположеніе къ новому порядку и отказы его преемниковъ, коихъ поддерживали сами гетманы, были довольно долго потомъ виною замѣшательства: зависимость, измѣнявшая привычный и освященный древностію порядокъ, представлялась тяжелою еще потому, что слишкомъ была близка, могла орудовать въ дѣлахъ церкви орудіями политическими и военными, на престолѣ же Московскомъ, не забудемъ, сидѣлъ Никонъ, съ его извѣстнымъ личнымъ характеромъ, не совсѣмъ мягкимъ, съ его пріемами, не совсѣмъ симпатичными для духовенства, къ тому не привыкшаго. И вотъ дѣйствительно, въ годы Крижанича, первый разъ сошлись такъ тѣсно интересы мѣстной іерархіи съ пріѣзжею или отдаленною Греческой, въ инстинктѣ самосохраненія противу ожидаемыхъ и предъявляемыхъ притязаній Московскихъ. Хотя бы точно въ основной связи съ выгодами Литвы и Польши, теперь, при освобожденіи Украйны, вопросъ сей былъ отнюдь не политическимъ и еще менѣе вопросомъ церковнаго раздора: то былъ вопросъ случайный, временный, какъ говорили мы — административный и даже частію финансовый. Только позднѣе уже, въ Сибири, Крижаничъ успѣлъ спохватиться въ пониманіи и, обѣщавши въ «Политикѣ» выставить Грековъ виновниками бѣдъ политическихъ, не исполнилъ сего справившись съ фактами, а только разъ отозвался, и въ томъ именно смыслѣ, какой сейчасъ мы разъяснили, — что «Греки жаждутъ удержать духовный авторитетъ и духовную власть надъ Русью, если не надъ всею, то по крайности надъ Кіевскою эпархіей [22]).» Что и требовалось доказать, что имѣло мѣсто и въ дѣйствительности. Но это не было тяжкою виною, а тѣмъ менѣе политическою: Крижаничъ долженъ былъ сообразить и конечно сообразилъ уже впослѣдствіи, что нигдѣ въ мірѣ престолы древнѣйшихъ метрополій не отказывались легко, безъ оговорокъ, отъ областей подчиненныхъ, и духовнаго вліянія, и естественныхъ сопряженныхъ доходовъ, какъ средствъ жизни; что при подобныхъ вопросахъ, даже по ничтожному поводу, въ

---

[22]) «Р. Госуд.», т. II, стр. 193.

уніатствѣ и католичествѣ, на собственной его родинѣ и въ его время, поднимались цѣлыя бури, доходило до соборовъ, до ожесточенныхъ преній, и Левакович посѣщено скакалъ ихъ улаживать; что напротивъ Греки, безъ особыхъ затрудненій, согласились на воздвиженіе патріархата Московскаго и сами помогли тому; что на всемъ югѣ Россіи, когда отходила изъ вѣдомства область громадная, въ нѣсколько епархій, и тутъ они не подняли голосовъ громкихъ, ограничились немногими отзывами на примѣры другихъ странъ, а въ концѣ концовъ уступили, какъ уступила и сама мѣстная власть, подчинясь престолу патріаршескому въ Москвѣ. Однимъ словомъ, скоро установился почти тотъ самый порядокъ, какой долженъ былъ знать Крижаничъ между Сербами-краинниками: сперва зависимость отъ Царяграда, потомъ отъ родной Печи и наконецъ еще ближе, въ средѣ края, подъ кровомъ единаго государства Австрійскаго. Но тамъ еще Греки до конца не забывали своихъ правъ и при каждомъ случаѣ старались, гдѣ можно, ставить на мѣста своихъ Грековъ. Этого никогда не было на Руси Великой при патріархахъ, ни тамъ, гдѣ это было легче,— на Червонной, Бѣлой и Малой Руси. Скоро остались за Греками только мѣста по школамъ, открытыя для всѣхъ въ состязаніи и удобныя для Грековъ по сильному требованію на языкъ Эллинскій: вотъ главная причина, почему Арсеній Львовскій повторился въ Лихудахъ Московскихъ. Если на Украйнѣ такъ боялись назначеній съ Москвы и такъ старательно отстаивали мѣстный выборъ: то Греки могли подтвердить съ достоинствомъ, что они сего правила никогда не нарушали. Когда же и послѣдніе оттѣнки сепаратизма сгладились, когда водворился тѣсный союзъ и взаимный обмѣнъ іерархіи мѣстной съ Московскою, безъ потрясеній и нарочныхъ соборовъ, Греки могли гордиться своей уступчивостью, переходившею въ содѣйствіе. Греки вышли побѣдоносно изъ щекотливыхъ затрудненій, къ собственной ихъ чести: Крижаничу предстоялъ первый сильный толчокъ, чтобы высвободиться изъ стараго предубѣжденія. До сихъ поръ, основываясь на фактахъ собственной исторіи, Русскіе всѣхъ вѣтвей не совсѣмъ довѣрчиво и съ крайней осторожностію вслушиваются въ вѣсти о раздорахъ между южными Славянами и Греками: Крижаничъ въ Россіи Московской долженъ былъ услышать много оговоровъ и разувѣреній въ семъ смыслѣ. На Украйнѣ же, по обстоятельствамъ времени,

встрѣтилъ онъ еще раньше сердечное единеніе мѣстной духовной власти съ Греческою. И великій *Петръ Могила*, котораго уже не засталъ Крижаничъ, и современникъ путнику, архимандритъ и ректоръ Академіи, *Иннокентій Гизель*, водившій посольства изъ Кіева въ Москву, и *Лазарь Барановичъ* Черниговскій, съ коимъ сейчасъ долженъ былъ ознакомиться Крижаничъ изъ Нѣжина, Барановичъ, весьма щекотливый къ интересамъ мѣстнымъ и уклончивый передъ Московскими,—обстоятельство, лишавшее его довѣрія Москвы въ политикѣ и напротивъ склонившее его на сторону Никона,—все это были дѣятели близкіе между собою, и недостатками мѣстными, и высокимъ достоинствомъ образованія, и тонкимъ пониманіемъ союза съ Греціей. Такъ впослѣдствіи и долженъ былъ понять ихъ Крижаничъ, такъ и соединялъ въ своихъ отзывахъ. Въ книгѣ «о Крещеніи,» цитуя не разъ Петра Могилу, Юрій отличаетъ его самымъ высокимъ почетомъ, а разъ, думая обличить, лучше всего характеризуетъ. Въ своемъ Потребникѣ, говоря о приходящихъ изъ Латинъ, кои не помазаны при крещеніи и ожидали совершенія отъ епископа въ лѣтахъ взрослыхъ, митрополитъ естественно указываетъ испытывать ихъ, и въ случаѣ, если они еще не дождались таинства, помазывать при обращеніи къ Православію. Крижаничъ не находитъ выраженій своему удивленію: «Не чудю же се ни блаженопаметним Московским архиереем, иже Греком неопасно (безъ осторожности) увероваша. Но чудю се я тому *мудрому и вѣчное хвалы достойному архиерею* Петру Могиле... Ото тебѣ (вотъ тебѣ) Могила *философъ*, и *богослов, и Латинского езика научен*, и въ Латинцы въ едном граду живущь, и кто бы помислил, дабы Могила Латинских обичаев не знал? Могила бо, *от дѣтинства своего Фотиевим коварством опосн и омрачен, со всим своим мудролюбіем и крипостним* (твердымъ) *хвалним житіем*, нит со могел тя до смерти от него изтризнити ни очистити (не могъ до самой смерти отъ него отрезвиться и очиститься; предѣлъ 16).» Мы, сказать мимоходомъ, еще больше дивимся, что Юрій, самъ живши въ областяхъ Польскихъ, не зналъ явленій, повторяемыхъ тамъ доселѣ въ позднемъ «бѣжмованьѣ (муропомазаніи)» отъ епископа.—Гизеля, «архимарита Киевского,» цѣнитъ Юрій въ книгахъ «Об Миру» и вспоминаетъ, что «сие книгы об Миру есут принесены великому Государю въ поклон (подносены Гизелемъ), и приняты зъ милостю и въ чест (пред. 13).»

«Преосвященного господина епископа Барановича,» какъ стараго знакомаго, съ радостію въ свое подкрѣпленіе выводитъ Юрій, когда тотъ «вписанъ былъ в сем послѣднем освященом Московском полуповсудном (полувселенскомъ) собору,» гдѣ отмѣнено было перекрещиванье, столь тяжкое Юрію (тамъ же).—Такъ подъ конецъ своего изгнанія Юрію пришлось вспомнить и оцѣнить давнихъ знакомцевъ, показавшихся ему въ опасномъ политическомъ союзѣ съ Греками.

Весь XVII-й вѣкъ, особенно съ половины его, можемъ мы привѣтствовать какъ новую эру для Церкви Православной въ Славянствѣ и для Славянства въ сей Церкви: рѣшительное высвобожденіе изъ подъ прежней тѣсной зависимости отъ Грековъ; при участіи ихъ побѣдоносный отпоръ уніи и латинству; въ союзѣ съ ними возродившееся самоуправленіе; пробужденіе началъ народныхъ въ воспитаніи и образованности, въ печати, письменности и языкѣ, въ самой внѣшности обрядовъ и обычаевъ. Отъ Венеціи и Рима до Краинъ Юго-Славянскихъ, отсюда по Русской Украйнѣ до Львова и отъ Вильны до Москвы,—одно и то же движеніе, съ одинакими признаками и явленіями. Самъ подвижникъ и выразитель сего направленія, Крижаничъ въ трудѣ борьбы могъ не замѣтить его торжества и продолжалъ считать признаками гибели остатки зла или случайностей, остававшихся послѣдкомъ передовыхъ шаговъ. Не пугаться, какъ дѣлалъ онъ, страшилища, а разсѣявать послѣднія мрачныя его тѣни,—вотъ что было прямѣе для его дѣятельности. Всегда и вездѣ обличенію было мѣсто: какъ повсюду, и между Греками были свои злоупотребленія, самозванство притязаній, алчность пользованія, темныя личности и видныя выскочки. Крижаничъ оцѣнивалъ недостоинство протестантскаго пріема, — «множить грѣхи» лицъ и служителей церкви, обильно ихъ росписывая: не правѣе былъ бы и католикъ, хотя бы правдивый и искренній Славянинъ, предпринявшій ту же задачу относительно Греческаго духовенства. Нигдѣ, какъ между Южною Русью и на тогдашней Украйнѣ, не было болѣе открытаго мѣста для обличенія: нигдѣ больше естественныхъ объясненій, хотя бы и не извиненій злу. Подъ бокомъ некрасивый примѣръ Уніатовъ и Латинъ, водоворотъ всевозможныхъ, подъ Польскимъ кровомъ скрестившихся, вѣроисповѣдныхъ толковъ, смѣсь обрядовъ и обычаевъ, племенъ и языковъ «Новой Вавилоніи,» узкость школьныхъ

направленій исключительныхъ и расплывчивость науки еще не окрѣпшей, политическая деморализація, а все это на дѣвственной Славянской почвѣ и въ рядахъ «простоты» козацкой, гдѣ всякое пятно было видиѣе,—вотъ то поприще, на коемъ, разумѣется, кидались въ глаза недостатки и пороки пришельцевъ. Лячность появлявшихся Грековъ—дѣйствительно чуть не ящихъ у себя дома; рабскія ихъ наклонности, воспитанныя подъ пятою Турецкой; пестрота уроженцевъ Фанарскаго квартала, загрубѣвшее ихъ невѣжество передъ поднявшимся уровнемъ цивилизаціи Западной и аристократизмъ неотступныхъ воспоминаній о прошедшемъ; наслѣдство притязаній по праву и легкость пользованія доброхотными дарами,—вотъ все это жалкое и грустное, иногда почти смѣшное, но никакъ не страшное, не грозное и не враждебное, не подорвавшее и не заслонившее существеннаго дѣла, только обставлявшее его мелкими соблазнами. Крижаничъ рипулся на это поле со свойственной ему страстностью слова. «Подъ сѣнію богочестія, кои добры, добрую науку приносятъ и къ добру увѣщеваютъ, а денегъ нашихъ не ищутъ. А кои алчны, влачатся по нашимъ державамъ безъ нужды и совершаютъ многіе поступки, коими разоряется церковное благоустройство, вопреки святымъ правиламъ. Всякія святыни обращаютъ въ торговые товары и тщатся намъ тысячекратно продать Христа, коего Іуда однажды лишь предалъ. За деньги посвящаютъ свинопасовъ и мясниковъ, коихъ домашніе епископы *на Бѣлой Руси* не посвятили бы. За деньги разлучаютъ всякіе браки и попускаютъ одному мужу перемѣнить пять и шесть женъ, отсылая ихъ въ монастырь (явленіе Московское). За деньги разрѣшаютъ людей отъ грѣховъ, безъ исповѣди и безъ покаянія: даютъ прощенье на письмѣ лишь тѣмъ, кто дастъ денегъ, а такимъ образомъ отсылаютъ души прямо въ адъ (Хмельницкій, извѣстно, хвалился передъ королевскими комисарами, что «патріархъ благословилъ его въ Кіевѣ на войну и разрѣшилъ отъ грѣховъ, хотя бы онъ и не исповѣдывался»). За деньги отпускаютъ святое муро (знакомое всѣмъ обвиненіе Смотрицкаго). За деньги скитаются, выдумываютъ причины къ нищенству и прошенію милостыни. Объявляютъ себя епископами, не будучи таковыми и посвящаютъ поповъ.» «Греческіе митрополиты, настоящіе и самозванцы, блуждаютъ вдоль и поперегъ по Руси (особенно *Малой и Бѣлой*): они возводятъ въ священническія степени лица, имъ

неизвѣстныя, не заслуженныя, не искушенныя, не засвидѣтельствованныя, даже отвергнутыя въ другихъ мѣстахъ, и безъ всякого другаго испытанія, кромѣ того, что аккуратно поторгуются, сколько хотите дать мнѣ, и я вамъ предамъ его. Я самъ видѣлъ не одинъ примѣръ подобнаго рода. Видѣлъ также, какъ одну и ту же супружескую чету, разные митрополиты, даже одинъ и тотъ же, нѣсколько разъ то разводили, то снова соединяли, всегда однако заранѣе поторговавшись и взявши добрую кучу денегъ. Я видѣлъ напечатанныя въ Кіевѣ на Русскомъ языкѣ Отпустительныя Грамоты, которыя по Руси продавалъ Византійскій патріархъ Аѳанасій [25]). Какимъ образомъ или по чемъ онъ продавалъ ихъ, не знаю. То лишь знаю, и собственными глазами видѣлъ, что подобныя Отпустительныя Грамоты въ рукописи (со вставкою имени того человѣка, коему вручается грамота) нѣкоторые продавали знатнымъ людямъ за деньги: здѣсь разрѣшаютъ ото всѣхъ грѣховъ, не поминая ни слова объ исповѣди или покаяніи. А несчастные люди берутъ эти грамоты какъ великое сокровище и завѣщаютъ класть съ собою во гробъ. Наконецъ видѣлъ я одного митрополита, который бывало повсюду, куда ни придетъ къ знатному человѣку, прежде спроситъ у него, не хочетъ ли онъ имѣть разрѣшеніе отъ грѣховъ. Тотъ выражаетъ желаніе: является митрополитъ, и, освятивши воду въ дому этого человѣка, кропитъ его самого и цѣлый домъ съ семействомъ. Потомъ передъ всѣмъ семействомъ,—а господинъ по серединѣ,—митрополитъ кладетъ ему на голову руки и книгу, читаетъ надъ нимъ длинное и полнѣйшее отпущеніе всѣхъ грѣховъ, безъ всякой передъ тѣмъ исповѣди или рѣчи, не упомянувъ ни слова о покаяніи или вознагражденіи за тѣ вещи, кои, можетъ статься, похищены тѣми людьми у другихъ.» Крижаничъ повторяетъ это нѣсколько разъ: «Раздаютъ индульгенціи (пропци) и разрѣшаютъ отъ грѣховъ безъ всякой исповѣди, безъ молитвенной рѣчи, безъ покаянія, безъ епитеміи, безъ удовлетворенія за грѣхъ и безъ возвращенія отнятаго.»

---

[25]) Здѣсь, кажется, слѣдуетъ разумѣть не Аѳанасія Хартуларія, бывшаго на Москвѣ въ 50-хъ годахъ и на обратномъ пути черезъ Украйну скончавшагося въ Лубнахъ: а его предшественника и не того ли Аѳанасія II-го, коего современники заподозривали въ склонности къ Латинству?

Вопреки своему крайне невыгодному понятію о Ляхахъ, Юрій пользуется случаемъ, чтобы вину тогдашнихъ нашихъ споровъ и войнъ съ ними возложить также на Грековъ, а отсюда вывести послѣдствія бѣдъ, постигавшихъ Украйну: «Они отчасти причиною, что нынѣ, и въ другихъ случаяхъ, безъ мѣры пролилась кровь между нами и нашими братьями Ляхами, ибо они (Греки) сѣютъ между нами эти заразительные раздоры. Они причиною, что до сихъ поръ у Ляховъ не царствуетъ кто нибудь изъ рода нашихъ (Русскихъ) свѣтлѣйшихъ повелителей (тогдашній вопросъ о Польскомъ престолѣ, въ виду смерти Яна Казиміра, куда устремлялъ желанія Алексѣй Михайловичъ или прочили сына его Алексѣя). На нихъ лежитъ одна изъ причинъ, почему Русь остается (на Югѣ) не заселенною, ибо еслибы не было перекрещиванья, то безчисленные Ляхи перешли бы сюда жить. Они отчасти виною, что сіе царство терпитъ вѣчныя и нестерпимыя обиды отъ Крымцевъ, ибо еслибы мы имѣли союзъ съ Ляхами, то Крымцы не могли бы намъ вредить и не были бы намъ такъ тяжки (а между тѣмъ Грековъ-то и обвиняли за возбужденіе Руси на Татаръ).» Любопытно, что, спустя нѣсколько лѣтъ по отъѣздѣ изъ Украйны, Крижаничъ сдѣлалъ уже уступку въ своихъ выводахъ, допустивши въ нихъ «отчасти.» А причиною раздора, посѣяннаго будто бы Греками, полагаетъ онъ то, что они боялись, какъ бы не разоблачились черезъ союзъ ихъ собственныя «продѣлки:» «Возражаютъ, будто бы намъ не дозволительно имѣть союзъ съ Ляхами, поелику есть опасность, чтобы намъ не совратиться въ ихъ ересь.... Латиновъ, де, гораздо болѣе должны мы ненавидѣть и избѣгать, чѣмъ какихъ либо другихъ еретиковъ и язычниковъ, поелику, чѣмъ, по видимому, они ближе къ намъ, тѣмъ легче могутъ насъ совратить. Такъ умозаключаютъ Греки: но вдвойнѣ насъ обманываютъ и лгутъ. Во первыхъ въ томъ, что, по словамъ ихъ, съ еретиками недозволительно намъ заключать союзъ: и однако они это допускаютъ со Шведами; да еще болѣе, нѣкогда допустили даже бракъ съ еретикомъ Лютеранином Радзивиломъ (извѣстный политическій разсчетъ, вручившій Литвѣ достояніе Софьи Олельковны Слуцкой [24]).» «Знаютъ Греки: будь

[24]) Знаменитый родъ Русскихъ и Православныхъ князей Олельковичей, столь извѣстныхъ Кіеву и владѣвшихъ нѣкоторое время даже кандидату-

мы согласны, разомъ узнали бы мы ихъ продѣлки и уже нельзя было бы имъ пользоваться отъ Россіи тѣми выгодами, которыя имѣли доселѣ.» Итакъ не довольно, что вѣками слышала и видѣла сама Украйна со всей Русью: нужно было объ Ляхахъ послушать самихъ Ляховъ и повѣрить ихъ словами собственное понятіе о Грекахъ. Дѣйствительно, на эту удочку попался нашъ Крижаничъ, тѣмъ скорѣе, чѣмъ самъ былъ правдивѣе и чѣмъ больше любилъ всѣхъ Славянъ. Малороссы въ тѣ года стали за одно съ Греками, даже безъ исключенія высшаго духовенства: оставалось собирать дурные отзывы отъ Поляковъ. И чѣмъ же, какъ не отзывами сей стороны, объяснить такое, напримѣръ, заявленіе Крижанича, что Греки «запрещаютъ намъ учиться какимъ либо благимъ философскимъ наукамъ, а пусть мы остаемся въ мрачномъ и гибельномъ невѣжествѣ,» — это послѣ Львова, Вильны, Кіева и Чернигова! Изъ всего этого, очевидно, остается намъ достовѣрнымъ только то, что *самъ*, по словамъ его, *видѣлъ* Крижаничъ. Но, одинъ разъ добровольно спустившись въ грязь и дрязги, Юрій оправдалъ правило, что въ подобномъ случаѣ легко и самому замараться. «Праздношатающіеся ихъ монахи и митрополиты, повторяетъ онъ, скитаются по нашимъ областямъ *съ поддѣльными грамотами*» онъ подтверждаетъ это слѣдующимъ примѣромъ. «Нѣкто Софроній, называвшій себя митрополитомъ Филипп ъ и Драмы, а въ народѣ извѣстный подъ именемъ Македонскаго [25]), понуждалъ меня, чтобы я сочинилъ ему

рою на престолъ Литовскій, вымеръ «по мечу,» то есть мужскому колѣну, въ 1591 году и владѣнія Слуцкія перешли на Софію. Она сдѣлалась жертвою политическихъ разсчетовъ потдана за Януша Радзивила, чтобы снять на всегда обширныя области съ сосѣдними имѣньями Несвижскихъ Радзивиловъ, горячихъ поборниковъ Кальвинизма, какимъ былъ и оппонентъ Сигизмунда III-го Янушъ. Съ тѣхъ поръ край, усѣянный безчисленными древностями Православія и Русскаго быта, сдѣлался гнѣздомъ и оплотомъ Нѣмецкимъ, отчасти до нашихъ дней. Къ сожалѣнію, мы узнаемъ это лишь на мѣстѣ или изъ Польскихъ историковъ, доселѣ не имѣя дѣльной Русской монографіи.

[25]) Македонская эпархія дѣлилась на двѣ части: надъ обѣими былъ Солунь (Θεσσαλονικα). 1-я состояла изъ *Филиппъ* (Philippi, а не Филиппополь—Болгарскій,—какъ ошибочно въ «Русск. Госуд.») и сосѣдней *Драмы*, откуда митрополитъ Philippensis et Drami. ὁ Φιλίππων καὶ Δράμας. На мѣ-

подложныя грамоты отъ имени Іоанникія патріарха, будто бы онъ высланъ отъ сего послѣдняго ради общихъ церковныхъ нуждъ Когда я не хотѣлъ этого исполнить, онъ вмѣстѣ съ однимъ другимъ митрополитомъ хотѣлъ меня отстегать, и конечно сдѣлалъ бы это, еслибы вырвавшись я не убѣжалъ къ городскому писарю. Впрочемъ, признаюсь въ своей винѣ: впослѣдствіи я сочинилъ ему помянутыя грамоты (съ тѣмъ, чтобы другой переписалъ), боясь за свою жизнь [26].» Только искренностью признанія стирается это пятно, единственное во всей дѣятельности Крижанича. Сравните же съ симъ, когда, отрясая дрязги, заговорилъ онъ собственно о Россіи, а послѣ въ Сибири—о высотѣ Церкви Восточной! Но, какъ бы то ни было, каковъ ни былъ источникъ и выводъ подобныхъ показаній, свидѣтельства очевидца, столь высокаго, важны для исторіи: онъ самъ могъ бы сослаться, еслибы зналъ о томъ, на весьма сходные отзывы о Греческихъ странникахъ, за которыми зорко, хотя издали, изъ Ливоніи, слѣдилъ тогда и писалъ къ царю лучшій передовой человѣкъ времени—Ординъ-Нащокинъ [27].

Еще шагъ, и тѣмъ же Грекамъ Крижаничъ задумалъ поставить въ вину явленія, сопровождавшія тревожную эпоху: оскорбленіе святыни со стороны Запорожскаго или Московскаго войска. «Греки въ настоящее время вовлекли насъ въ Иконоборскую ересь, поелику распространили у насъ ученіе, что образа и кресты Ляховъ прокляты. Вслѣдствіе того наши люди нанесли безчисленныя оскорбленія священнымъ образамъ Іисуса Христа, Пресвятой Богородицы и Святыхъ Божіихъ, чѣмъ, безъ сомнѣнія, мы сильно оскорбили Бога [28].» Не станемъ напоминать неистовства

стѣ Софроній неизвѣстенъ митрополитомъ.—Іоанникій II-й правилъ Константинопольскимъ престоломъ послѣ Паисія до 1656 года, въ коемъ смѣненъ. Новонареченный Софроній чуть ли не одно лицо съ тѣмъ «Македонскимъ» или «Македонянином», который по нашимъ памятникамъ давно уже дѣйствовалъ на Украйнѣ и въ Запорожьѣ, поддерживая ложнаго греческаго царька Ахію и справляя отъ него посольства даже въ Москву. Крижаничъ попалъ было въ орудія интриги: если не во Львовѣ, то скорѣе въ Чигиринѣ, гдѣ могъ видѣть и другаго митрополита Кіевскаго.

[26]) «Р. Госуд.» въ печатныхъ отдѣлахъ: т. I, стр. 206—7, т. II, стр. 193, 216, 217; 199, 200; 194; 215; 190.

[27]) Въ Архивѣ М. Ин. Д.

[28]) «Р. Гос.» т. II, стр. 216.

Ляховъ и Уніатовъ, направленныя тогда же или не за долго, при ихъ господствѣ, на святыни православныя: зло одной стороны не оправданіе для другой. Не извиняютъ также нашихъ дѣйствій условія какой либо войны, особенно тогдашней, вызывавшей фанатизмъ или опиравшейся на вѣру. Но мы имѣемъ подобныя свидѣтельства не отъ одного Крижанича, а во многихъ нашихъ собственныхъ историческихъ актахъ, въ негодованіи того же Ордина-Нащокина и въ смущеніи самого царя Алексія, когда онъ лично побывалъ въ полкахъ противъ Польши, видѣлъ и слышалъ поступки нашихъ ратныхъ людей и даже крупныхъ воеводъ, а тѣмъ чаще войскъ Запорожскихъ, въ Литвѣ, на Бѣлой Руси и въ Украйнѣ. Всякое чистое и честное, тѣмъ болѣе богобоязненное сердце смущалось: мы не привели бы изліяніихъ показаній Крижанича, еслибы они (конечно развѣ въ шутку возлагая вину сего на Грековъ) не разсказывали намъ о любопытныхъ обстоятельствахъ и тогдашней жизни самого Юрія, гдѣ онъ былъ, при чемъ присутствовалъ. Грѣшно, говоритъ онъ, «по политическимъ разсчетамъ изобрѣтать себѣ ревность по благочестію и—благочестіе разрушать. Къ сожалѣнію, это слишкомъ обнаружилось въ настоящую войну (освобождавшейся Украйны, похода Москвы на Поляковъ въ Бѣлоруссіи, Литвѣ, потомъ въ Украйнѣ). Старое идолоборство возобновлено: много священныхъ образовъ, жертвенниковъ, священныхъ сосудовъ, разрушено, поломано, осквернено. И безъ сомнѣнія Богу нанесено симъ тяжкое оскорбленіе [29]).» Всего болѣе твердитъ объ этомъ Крижаничъ въ сочиненіи «о Промыслѣ» и «Крещеніи.» «Нѣтъ ничего удивительнаго, если дѣла у насъ будутъ итти плохо, когда въ самомъ нашемъ намѣреніи присуще явное преступленіе. На примѣръ, какъ было съ Ляхами, когда Скиѳамъ (Татарамъ) за услуги, оказанныя помощію на войнѣ, вмѣсто жалованья уступили они въ Малороссіи нѣсколько областей на разореніе, а людей на отведеніе въ плѣнъ. Въ томъ же было бы родѣ, если бы какой ни будь властитель опредѣлилъ извѣстный городъ или народъ на истребленіе въ конецъ, какъ было, говорятъ нѣкоторые, сдѣлано въ эту настоящую войну и какъ сдѣлалъ Саулъ въ Нобе (намекъ на дѣйствія Богдана въ Кіевѣ). Или

---

[29]) «Р. Гос.» т. II. 247.

когда храмы наслуются ратниками, священные образа разбиваются и оскверняется священная утварь, а начальники это видятъ и не запрещаютъ.» Когда въ 1654 году, внявъ голосу присоединившейся Малороссіи, царь рѣшился помочь ей дѣятельною войною противъ Поляковъ, въ Бѣлоруссію (тогда еще Польскую) съ козаками, для поддержки Московскаго войска, отправился Нѣжинскій полковникъ, теперь въ качествѣ Наказнаго Гетмана, *Иванъ Никифоровичъ Золотаренко.* Съ той же осени, и далѣе, извѣстны дѣйствія его подъ Быховомъ и Дубровною. Своими неблаговидными поступками, заносчивымъ характеромъ и допущеніемъ козацкаго своеволія, онъ усугубилъ и вины, и затрудненія Московскихъ воеводъ, а мѣстныхъ жителей, равно православныхъ и католиковъ, выводилъ изъ терпѣнія. «Въ Дубровнѣ, говоритъ Юрій, всѣмъ священнымъ образамъ были выколоны глаза. Мнѣ пальцемъ указывали одного повара, который рубилъ топоромъ святой образъ Распятаго Спасителя, стоявшій въ полѣ (обычай, столь принятый по всей Западной Руси, особенно у католиковъ, ставить въ полѣ, на извѣстныхъ мѣстахъ, огромные кресты, свято чтимые; въ послѣднее усмиреніе мятежа повторялись случаи, обузданные созрѣвшею дисциплиною).» «Святыя иконы и Господни кресты деревянные посѣкаютъ, ломаютъ, жгутъ, а серебряные на чаши да на узды расковываютъ. Видѣлъ я серебряника, который у воина одного купилъ болѣе 40 малыхъ серебряныхъ иконъ и все перековалъ на перстни да на чаши. Видѣлъ я также человѣка, который хвалился, что онъ, де, въ Литвѣ подсѣкъ на пути Крестъ Господень (Крыжъ Ляцкій).» По смерти храбраго, но неразборчиваго въ средствахъ, Ивана, котораго Крижаничъ (вмѣсто отчества) называетъ *Никифоромъ*, дотолѣ временно заступавшій его должность, полковникомъ Нѣжина утвердился братъ его *Василій*, или, какъ звали его по просту, *Васюта Золотаренко:* съ 1656 года онъ былъ распорядителемъ Запорожскаго отряда въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, а на Восточной сторонѣ Днѣпра однимъ изъ главныхъ лицъ тогдашней сцены, до несчастной кончины въ престарѣлыхъ лѣтахъ. При немъ-то въ Нѣжинѣ жилъ Крижаничъ, и здѣсь-то поразилъ его разсказъ о событіи, повѣренный и собственными глазами гостя. Дважды онъ передастъ намъ свое впечатлѣніе и выводы съ подробностію. Въ книгѣ о Промыслѣ: «Что скажутъ предъ Христомъ на судищѣ нѣкоторые кре-

щеные вожди, которымъ не совѣстно священные образа самого Господа, Пресвятой Его Матери, святыхъ Апостоловъ и Мучениковъ, сокрушать, разсѣкать, жечь и возобновлять нечестіе древнихъ иконоборцевъ? Мало того, они вводятъ нечестіе еще важнѣйшее. Ибо иконоборцы сокрушали только одни священные образа: а эти расхищаютъ изъ церквей всѣ священные сосуды и одежды, обращая ихъ въ свои чаши, конскія попоны, женскія платья и прочія несвященныя потребы. Многочисленные примѣры Божескаго мщенья оказались на подобныхъ сокрушителяхъ священныхъ образовъ и сосудовъ, на осквернителяхъ церквей, на пр. на царѣ Валтазарѣ, Еліодорѣ, Антіохѣ и прочихъ. Но нельзя умолчать здѣсь объ одномъ примѣрѣ, имѣвшемъ мѣсто не давно и не далеко. Никифоръ Золотаренко, зять Богдана Хмельницкаго, былъ не давно воеводою у Днѣпрянъ. Куда ни приходилъ онъ, грабилъ церкви и забиралъ себѣ добычу. Наконецъ, подъ Быховомъ сраженный ударомъ, свалился. Трупъ его привезенъ въ Чигиринъ и съ пышными обрядами внесенъ въ церковь, въ сопровожденіи большаго множества священнослужителей и народа. Но, пока его отпѣваютъ, внезапно охвачена огнемъ церковь, и сгорѣла вмѣстѣ съ трупомъ, и со всѣми, внутри бывшими, такъ что ни одинъ не ускользнулъ, хотя двери и были отворены. Такъ мнѣ разсказывали весьма многіе, а въ особенности Яковъ Влысковъ (Улысковъ), Чигиринецъ, который былъ при семъ и не за долго передъ пожаромъ вышелъ, чтобъ устроить похоронный столъ священнослужителямъ и нищимъ. Кто будетъ отрицать здѣсь чудо и явное мщеніе Божескаго правосудія? Призналъ это младшій братъ, Василій Золотаренко, къ коему по наслѣдству перешло имѣніе покойнаго: для замоленья братнихъ грѣховъ, построилъ онъ въ Нѣжинѣ огромную церковь во имя Святителя Николая (нѣсколько разъ указываетъ Крижаничъ на неприличіе строить церкви изъ награбленнаго). Но не дошелъ до покаянія истиннаго: поелику награбленныя церковныя имущества не отправилъ туда, откуда были они взяты, но удерживалъ у себя. На площади Нѣжинской стоялъ торговый амбаръ съ крѣпкими запорами и цѣпями: онъ, говорили, былъ полонъ помянутыхъ награбленныхъ святынь. Я самъ видѣлъ два священныхъ образа, вынесенныхъ изъ Литовскихъ церквей (гдѣ, прибавимъ, и въ рукахъ католиковъ столько доселѣ образовъ православныхъ, даже

древней Византійской живописи): одинъ былъ прикрѣпленъ Василіемъ снаружи надъ дверью построенной имъ церкви, о которой сказали мы выше; другой оставался у него прибитымъ во внутреннемъ покоѣ, къ стѣнѣ дома. Однако не долго владѣлъ онъ священной утварью (и не знаю, восемь ли, девять ли лѣтъ пережилъ брата). Гетманъ Брюховецкій обвинилъ его въ измѣнѣ и подвергъ смертной казни.» Послѣднія строки Юрій приписалъ въ Сибири, когда послѣ уже узналъ тамъ объ участи Василія, соперника Брюховецкому, но вѣрнаго царскаго слуги, казненнаго, послѣ знаменитой Черной Рады, въ знакомой намъ Борзнѣ 18 Сентября 1663 года. Еще обстоятельнѣе въ книгѣ о Крещеніи. «Об пречудном знаменію и грозном Божіего гнѣва извершенію, над едним освещених вещей сквернителем. Никифор бо Златаренко, Богдана Хмельницкого («зет и Запражского войска властелин» —Юріемъ зачеркнуто по справкѣ болѣе вѣрной), под Биховом из пушкы ест убиен. Тѣло привезоша въ Чегрин: и на покои (погребеніе) сошла се ест велика множина презвитеров и всакого стана (сословія) людей. Церков велика бяше их полна нагнетена. И при кончанію Светие Литургии из ненадѣяна (нежданно, серб. «изненада»), въ едном ока мегненію, излетил ест (вылетѣлъ) огонь от олтара и повалил (попалилъ?) все оно людство: тако да чрез отперта не една врата никтоже возможе убѣжати: но вси въкупно зъ мертвецем и съ церковію згориша. Един токмо презвитер служещы и діакон и един нищщы слѣпец: и мати да жена ового проклетого, зъ дворскими женами (со служительницами): и десет сужньев (плѣнныхъ) Поляков: тии Божіим Судом и милосердіем (:из нутерньих и далньих церкви мист:) чрез лежащие и горещие люды, яко чрез мост скачущи, неувредни из оное смерти избѣжаша (здѣсь уже отличіе: спаслось довольно; и Юрій позднѣе приписалъ тому причину: *«ти бо бѣша не по своей охоте, но по нудьи*—нуждѣ— *на почтеніе оніе проклетие мерхы*— трупа — *пришли*). А прочии пак люди, иже стояша близу вратъ: вси обальени (повалены) на землю, и от огня опальени, рукы ко вратом протезоша (протянули) и помощи просиша. Али градяни (но граждане) стекшисе глядяху их горещих и вопещих: а не могоша приступити, ни помочьи ни единому. —Вси Краински (Украинскіе) люди, иже то чудо видиша или чуша (слышали), не могоша инако мислити и судити: неже да Божіи гнѣв не за что ино

(не за что другое) ест показан: неже за грубо оно нечестіе и сквернительство, еже то речены воівода Никифор въ Литовских церквах чиняше. Имяше бо въ Чегрину (Нѣжину?) еден амбар полон навезен светих крестов, потиров, дискосов, ампулок (simpulum, ковшичекъ для вина и воды), подсвѣщников, кадилниц, іерейских риз, и светих икон сребрних, платнених, и всакових. И брат его Васута покаявшисе, всю ту освещену казну ест къ себи въ Нижен (Нѣжинъ) привезел: и въ амбару заперту въ цѣлости хранил, мисленци по помиренію (по замиренію съ Поляками) оддати. Али и сам ест от палаческие рукы зло згинул. Не бише бо му треби чекати (не нужно было дожидаться) миру, но должен бише без отвлаки (безъ проволочки, свету казну съ честію въ Литву отослати.—Тако я зразумих (услыхалъ) то Божіе чудо на Краине (Украйнѣ), во 168 (то есть въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1659) году: и очима видих въ Нижену речены амбар. И овде (здѣсь, пишущему въ Сибири) въ Тоболску все тако же ми повидаша два очита свидока (два очевидца свидѣтеля), иже очима своима того всего гледиша: именом Іаков Улисков асаул (есаулъ) иже овде бише суж нь (здѣсь былъ въ ссылкѣ): и овдешньи (здѣшній) жив свидок сии боярски Іаков Шабльински (ихъ мы встрѣтимъ еще послѣ) [20].»

Таковы были первыя рѣзкія впечатлѣнія, встрѣтившія Крижанича на Украйнѣ: на какую же сторону оставалося стать ему и чѣмъ порѣшить свое безпристрастіе?

Мы до сихъ поръ слѣдили за тѣмъ направленіемъ воззрѣній, гдѣ Юрій болѣе или менѣе, хотя бы съ безпристрастіемъ, становился на сторону взглядовъ, истекавшихъ изъ его прошедшаго и, если не враждебныхъ, то весьма обличительныхъ касательно Россіи. Уступалъ онъ новымъ воззрѣніямъ, разумѣется, не вдругъ. Но уже изъ краткаго очерка успѣли мы замѣтить, какъ онъ мѣнялся или, вѣрнѣе, преобразовывался, съ каждымъ дальнѣйшимъ шагомъ, нерѣдко переправляя подробности или исправляя свои прежнія показанія. Такъ, между прочимъ, во многомъ слѣдуя Старовольскому, онъ послѣ, сообразивши, даже иногда подсмѣивался надъ нимъ, именно надъ совѣтомъ покрыть Украйну противъ Крымцевъ крѣпостцами — съ Нѣмцами.

---

[20]) О Пром. 81—84; о Крещеніи предѣль 3 и 4.

Зная хорошо, что такова была политика Австріи на Югославянской Границѣ и къ чему приводила она, Крижаничъ замѣчалъ изъ Сибири: «А что достойнѣе удивленія и порицанія,—даже и болѣе мудрые наши учители увлечены тѣмъ же заблужденіемъ (чужебѣсіемъ): ибо Старовольскій, нашъ мудрецъ, написалъ въ книгахъ своихъ и Ляховъ увѣщавалъ, призвать Нѣмцовъ, чтобы они строили и населяли крѣпостцы (остроги) на нашей землѣ противъ Крымцевъ. Совѣтъ сей такъ дуренъ, что горше быть не можетъ: это извѣстно всѣмъ, кто знаетъ, что̀ дѣется въ подобныхъ порубежныхъ крѣпостцахъ противъ Турокъ, гдѣ живутъ Нѣмцы смѣшанно съ Венгерцами и съ Хорватами.» Подобнымъ образомъ, устройству Академій, которымъ можетъ статься временно плѣнился въ планахъ Выговскаго, отвѣчалъ Юрій впослѣдствіи насмѣшкою надъ титулами учености, какихъ дѣйствительно не носилъ на себѣ никогда и какіе во всякомъ смыслѣ считалъ для Славянъ излишними: «Иные прельщаютъ и обманываютъ насъ суетными именами Академій или высокихъ училищъ, и привилегіями, данными ученикамъ, и твореніемъ Докторовъ и Магистровъ или Учителей (какъ мѣтко это примѣнялось къ притязаніямъ ученой Малороссіи!): всѣми этими суетами не поспѣшается, но паче затрудняется мудрость и наполняется земля множествомъ бездѣльныхъ дьяковъ или книжниковъ. Завлеченные сими суетами, многіе не радятъ въ молодости учиться ремесламъ благодѣтельнымъ, народу полезнымъ и потребнымъ: желая всѣ быть книжниками, остаются многіе безъ способа добывать хлѣбъ. А что горше, тѣ магистры мудрости одной только граматикѣ насъ учатъ, другія же полезныя знанія отъ насъ таятъ. Не знаю, что̀ сказать о другихъ прочихъ знаніяхъ: ибо врача, математика, музыканта, архитектора еще ни единаго не зналъ я, чтобы вышелъ изъ нашего народа.» «Ввели глупость Докторатства въ свободныхъ наукахъ а въ свѣдѣніяхъ промышленныхъ Мастерство. Размножили число наукъ праздныхъ, въ особенности Свободныхъ,» куда, къ «пустикамъ,» относитъ Юрій «Стихотворныя представленія,» игравшія такую роль въ Польшѣ и Руси Малой, Бѣлой. Отсюда же выводитъ онъ бездѣльничанье распущенной молодежи, ея дерзость и безпорядочность. Самыя странствія подъ предлогомъ образованія, чѣмъ, между прочимъ, гордились Польскіе учни и наши Западнорусскіе бурсаки, Крижаничъ осмѣялъ: «Ввели Путешествія молодежи по чужимъ землямъ. Утверждаютъ, что путешествіемъ по

разнымъ странамъ пріобрѣтаются добрые нравы, тогда какъ скорѣе пріобрѣтаются пороки и дурныя свойства,» — доказанныя у Юрія примѣрами Ляховъ всего болѣе. Свое собственное, трудовое странствіе съ высшими цѣлями не могъ Юрій сюда приравнивать. Онъ не могъ не сознавать своего достоинства, и столь же искренно способенъ былъ сознаваться въ своихъ ошибкахъ. Такъ, всего видиѣе, одинъ разъ Крижаничъ громко и торжественно признался въ Сибири, что въ прежнихъ сужденіяхъ о Россіи часто введенъ былъ въ заблужденіе отзывами иностранцевъ, особенно Нѣмецкими книгами: «Если я, будучи родичемъ (Славянином, туземцемъ) и ревнителемъ народной славы, Нѣмецкими книгами до того былъ обманутъ, что отвратительно заблуждался и далеко иначе судилъ о семъ государствѣ (Русскомъ), нежели есть въ истинѣ, то подлинно иноземцы еще негоднѣе судятъ объ этомъ царствѣ и обо всемъ народѣ [31]).»

Обстоятельства, встрѣченныя имъ въ Украйнѣ, по ихъ запутанности, по самой привлекательности нѣкоторыхъ минутныхъ надеждъ, а вмѣстѣ по недостаточному знакомству путника съ прочными мѣстными интересами, могли легко совлекать его съ пути прямаго: естественно было первое время блуждать и заблуждаться. Если отъ Кіева онъ круто повернулъ къ Югу въ помѣстье Выговскихъ; если направлялся къ Чигирину, гдѣ могъ видѣть, а можетъ статься и видѣлъ новаго гетмана съ митрополитомъ; если даже не восхищался уравненіемъ правъ католичества съ православіемъ и не имѣлъ мысли объ Академіи на новыхъ началахъ заманчивой свободы: во всякомъ случаѣ, сила, слава и успѣхъ были тогда на сторонѣ Выговскаго. Еще болѣе: ни ходить такъ далеко и безопасно среди облежавшихъ тревогъ, ни возвращаться съ Юга въ Нѣжинъ позади полковъ Выговскаго, между обозами ихъ и Днѣпромъ, никакъ не могъ Юрій безъ извѣстности и даже сильной поддержки всесильнаго гетмана. Правда, провожатыми и по-

---

[31]) «Р. Госуд.» т. I, стр. 219, то же о Старовольскомъ въ т. II, стр. 105: «Когда былъ у Ляховъ совѣтъ, какъ бы заселить Днѣпровскую Украйну, началъ нѣкто увѣрять.... Не знаю, что можно выдумать хуже этой рѣчи. Извѣстно, какъ Нѣмцы, куда только придутъ въ гости, изъ гостей и подданныхъ дѣлаются хозяевами. Давно извѣдали то Венгерцы отъ Саксонцевъ въ Седмиградахъ, Прусы и Ливляндцы отъ Крыжаковъ, и всякій день болѣе извѣдываютъ Ляхи.»—Т. I, 217.—Т. II, 279, 280; 274; 187.

собниками могли быть ему земляки Сербы и въ частности Хорваты; въ подтвержденіе нашихъ словъ о тѣсной связи Украйны съ Югославянскими границами, какъ нарочно въ тѣ годы куча Южныхъ Славянъ окружала гетмана, составляя даже отборную его гвардію. Ихъ обыкновенно называли *Сербами:* но мы знаемъ уже, что такъ звался и Крижаничъ, что Хорватовъ вообще не умѣли отличать особымъ прозвищемъ, а между тѣмъ скорѣе здѣсь было много пришлецовъ съ границы Хорватской, въ томъ числѣ и католиковъ. Стоялъ въ ту пору, въ числѣ ихъ, знаменитый Иванъ Сербинъ, достигшій достоинства Брацлавскаго полковника, бывавшій въ Москвѣ и чуть было не засѣвшій тамъ въ плѣну, но крайности рѣшившійся вступить на московскую службу при посредствѣ Ртищева; приходилъ съ козаками на Москву «Атаманъ Милошъ Сербинъ,» и многіе другіе [33]). Тѣ же Славяне являются, спустя немного, и при сынѣ Хмельницкаго Юрьѣ, въ его свитѣ, въ его посольствахъ и подъ его защитой: но первый разъ всего видпѣе выступаютъ они именно при Выговскомъ, такъ что Иванъ Сербинъ впереди его гвардіи и людей преданнѣйшихъ. Все это ставитъ Крижанича въ нѣкоторыя естественныя связи съ Выговскимъ.

Но скоро, и внезапно, измѣнившіяся обстоятельства измѣнили самое положеніе Крижанича, толкнувши его на другую дорогу и заставивши взглянуть на дѣла инымъ глазами. Событія шли быстро, упреждая всякій разсчетъ. Сѣверовосточная граница, отдѣлявшая отъ Московскаго государства, закипѣла тревогой; наступавшее оттуда царское войско разгромлено Выговскимъ и отодвинулось середи лѣта 1659 года: но и Выговской, не взявши Гадяча, принужденъ былъ вернуться за Днѣпръ въ Чигиринъ. Онъ дѣйствовалъ на лѣвой сторонѣ подъ предлогомъ борьбы противъ временнаго гетмана Ивана Безпалаго: теперь съ Юга и Запада пронеслось имя Богданова сына Юрія, облеченное правами, преданіями и довѣріемъ къ памяти отца. Шереметевъ крѣпился еще въ Кіевѣ; Западная сторона пыталась уже пути возврата отъ Польской короны и Выговскаго, Восточная явно перетягивала; съ постепенными успѣхами молодаго Хмельницкаго, восточные полковники, а между ними Черниговскій и еще важнѣе Нѣжин-

---

[33]) Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

скій Золотаренко, въ концѣ Августа снова присягнули царю. Рать Трубецкаго съ товарищами вторично придвинулась и наполнила собою восточную половину: къ нимъ въ Переяславль перебрался Юрій Октября 9-го, а 17-го, на радѣ, выбранъ гетманомъ обѣихъ Днѣпровскихъ сторонъ. Передъ лицомъ грозной тучи отъ Москвы, таившей громы на измѣну Выговскаго, принужденный въ Мартѣ вернуться изъ Борзны снова въ Нѣжинъ, нашъ Юрій — старшій — долженъ былъ основаться здѣсь со своею ношей на продолжительный срокъ. Какъ и прежде Нѣжинъ съ Черниговомъ всегда представлялъ болѣе надежную опору для Москвы, такъ и теперь здѣсь все было за нее, за царя, за воеводъ прибывающихъ, за Хмельницкаго, за подчиненіе патріаршему престолу Московскому. Въ ту минуту это было передовое бойкое мѣсто, а Нѣжинъ несравненно сильнѣе ближняго Чернигова. Самый видный изъ полковниковъ, Васюта не питалъ еще мыслей о гетманствѣ, къ чему послѣ склонили его обстоятельства, поддерживалъ Безпалаго въ борьбѣ на Выговскаго и обращалъ взоръ надежды на выдвигавшагося свойственника, Богданова сына: Крижаничъ, мы видѣли, бывалъ въ домѣ Золотаренка, зналъ наклонности его, житейскія дѣла и богоугодныя постройки; жадность къ собиранію казны, въ чемъ упрекали Василія современники, не скрылась и отъ проницательнаго взора странника Между тѣмъ представители духовной власти, коихъ сначала засталъ Юрій въ единеніи съ Греками и въ отпорѣ противъ Москвы, осторожные и уклончивые, съ Черниговскимъ Барановичемъ и Кіевскимъ Гизелемъ во главѣ, сходили со сцены своего школьнаго, притязательнаго и шляхетскаго вліянія: выступала формація совсѣмъ иного рода, которая стóила бы у насъ особой любопытной монографіи. Это были *Протопопы*, то есть старшіе въ бѣломъ духовенствѣ, обыкновенно соборные или при главной церкви въ городѣ: въ особенности гдѣ былъ козацкій «полкъ» и «полковникъ,» тамъ помѣщался обыкновенно рядомъ видный протопопъ. Представители духовенства бѣлаго, а слѣдовательно приходовъ и за тѣмъ мірскихъ членовъ церкви, братствъ, мѣстныхъ братскихъ школъ и учрежденій, они были теперь конкретнымъ воплощеніемъ извѣстныхъ намъ интересовъ православнаго народонаселенія, давно пробивавшихся на сцену, но не всегда совпадавшихъ съ намѣреніями высшей монастырской и епископской власти: можно сказать, что и значеніемъ своимъ, развернувшимся къ половинѣ XVII

вѣка, они обязаны были необходимости, которую сознала одна сторона для охраны своей отъ случайной притязательности со стороны другой. Тѣсно связанные съ войсковыми единицами мѣстныхъ полковъ и полковниковъ, они участвовали своимъ вліяніемъ въ движеніяхъ эпохи, съ каждымъ знаменемъ извѣстнаго козацкаго округа, склоняясь иногда и въ Западную, Польскую сторону, а чаще, и особенно когда теперь потянуло на Востокъ,— въ сторону Московскую; за то, привязанные къ городу и горожанамъ, они были устойчивѣе сравнительно съ козачествомъ подвижнымъ, потому способны были регулировать его направленіе, были надежнѣе для порядка и на нихъ скорѣе можно было положиться. Московскіе воеводы, по своему такту, естественно всего болѣе на нихъ разсчитывали; сама Москва чаще видѣла ихъ въ стѣнахъ своихъ, получала отъ нихъ болѣе свѣдѣній, порою даже накоплявшихся, къ сожалѣнію, доносовъ. Если высшая іерархія удерживалась отъ союза съ Москвою нѣкоторыми притязаніями, то у протопоповъ такихъ притязаній было гораздо меньше или вовсе не грозила имъ Московская опасность. Если первую замѣтилъ Крижаничъ въ единеніи съ пріѣзжими владыками, то вторая власть, по ступени низшая, а въ жизни ежедневной болѣе сильная, какъ ни обязана была прежде содѣйствію Грековъ, видѣла теперь, что пора ихъ проходила, что зависимость отъ далекаго Царяграда была менѣе практична въ виду сильнаго сосѣда, къ себѣ тянувшаго, что сборы пришельцевъ падали всею тяжестію на приходъ, что привозимыя святыни и службы имъ весьма ослабляли дѣятельность и средства мѣстныхъ священниковъ. Кромѣ того у нихъ на сценѣ дѣйствовали семейства, выдававшіяся дочери, проводники связей сыновья и племянники, вступавшіе на службу полковъ или питавшіе разсчетъ на возможную дѣятельность въ царской столицѣ. Духовенство Московскаго престола, по обстоятельствамъ своимъ, совсѣмъ не видало у себя подобныхъ явленій; пришельцы изъ Руси соединившейся, попадая туда, естественно, какъ во всѣхъ колоніяхъ, искали себѣ или мѣста высшей іерархіи, или поста ученаго въ школахъ, а менѣе способные — приказной службы, такъ что не могли вообще подѣйствовать на преобразованіе или составить въ Москвѣ новую форму подобнаго бѣлаго духовенства, во главѣ съ протопопомъ. За то въ Руси Западной, особенно на Сѣверѣ, остатки очерченнаго нами типа замѣтны доселѣ. Какъ бы то ни было, только въ

ту пору на Украйнѣ, говоримъ, встрѣчаются безпрестанно протопопы въ челѣ народныхъ движеній и политическихъ событій: то въ посольствахъ, то впереди ополченія съ крестомъ, то для пріема присягъ — мѣнявшихся и повторявшихся, то на встрѣчу разныхъ высокихъ лицъ съ торжественною рѣчью, то съ вѣстями, протестами или даже доносами, то въ дѣятельной перепискѣ, частной, и однако вліятельной. Послѣ Лаврентія Зизанія, протопопа Корецкаго, и Андрея Мужиловскаго Слуцкаго, попеременно теперь въ Украйнѣ выставляютъ намъ на сцену своихъ протопоповъ то Переяславль, то Нѣжинъ, то Глуховъ, и т. д., смотря по движенію дѣлъ. Дошелъ ли по дорогѣ своей или въ ровень съ событіями до Глухова, только Крижаничъ послѣ, изъ Сибири, вспоминалъ съ уваженіемъ, какъ своего знакомца, жившаго въ Москвѣ (когда Юрій былъ въ Сибири) «велепочтованого господина протопопа Глуховского (о Крещеніи пред. 13).» А всего больше и ближе долженъ былъ онъ узнать знаменитаго Нѣжинскаго протопопа *Максима Филимонова*, душу и орудіе тогдашнихъ явленій. До какой степени передъ нимъ въ дѣлахъ текущихъ блѣднѣлъ его собственный Черниговскій архипастырь Барановичъ, склонившійся было (съ 1657 г.) къ Москвѣ, но потомъ снова задумавшійся, видно уже по тому, что изъ Нѣжина въ Москву посылались отъ протопопа обличенія на Выговскаго; что протопопъ, а не владыка, могъ разсчитывать на управленіе митрополіей, чего точно и достигъ вскорѣ Максимъ, поставленный Московскимъ митрополитомъ подъ именемъ Меѳодія Метиславскаго, блюстителя Кіевскаго; что протопопа выдвигала Москва, какъ своего вѣрнаго человѣка; что онъ, а не Лазарь, явился послѣ въ Москвѣ противникомъ Никона; что не Лазарь, а Максимъ и Меѳодій былъ духовнымъ сотоварищемъ политическаго Василія Золотаренка, и оба вмѣстѣ управляли событіями изъ Нѣжина. Оба не пользовались большой симпатіей мѣстною, оба испытали позднѣе бѣдственный конецъ; Максимъ нѣкоторое время сначала даже доносилъ на своего друга и также точно, по ходу дѣлъ, послѣ прочилъ его въ гетманы: но въ тѣ мѣсяцы, о коихъ говоримъ, оба соединились въ одномъ рѣшеніи—поддерживать Безпалаго и возвести Юрія Хмельницкаго. Крижаничъ, видѣли мы, успѣлъ послѣ обличить Васюту, не сказалъ и не могъ сказать слова сочувствія протопопу: но, разъ предначертавши въ головѣ планъ «Политики» и послѣ треволненія окружавшихъ вопросовъ ставши на полити-

ческую точку воззрѣній, нашъ путникъ, въ связи съ обоими представителями Нѣжина, хотя конечно и независимо по убѣжденію, отдался политической минутѣ. А эта минута была за отступленіе отъ Выговскаго, за успѣхъ Безпалаго и Хмельницкаго, за рѣшительный оборотъ къ Москвѣ, за выраженіе ей безграничнаго довѣрія, за мысль, какъ бы уладить ея власть съ мѣстными правами.

Таково происхожденіе и такова сущность перваго сочиненія, по преимуществу политическаго, написаннаго Юріемъ въ Россіи: «Putno opisanie ot Lewowa do Moskwi. Ljta 1659,» Описаніе пути отъ Львова до Москвы, 1659 года, а при этомъ въ связи «Besida ko Czerkasom, wo osobi Czirkasa upisana,» Бесѣда къ Черкасамъ, писанная въ лицѣ (отъ лица) Черкаса [33]). Указаніе на поѣздку въ Борзну *за первую половину Марта* (6—13 числа), а потомъ желанія касательно Хмельницкаго и Безпалаго, возможныя только лѣтомъ 1659 года и напрасныя послѣ рады *17-го Октября*, даютъ такіе предѣлы для общаго сочиненія (хотя «Бесѣда» по письму и смыслу нѣсколько позднѣе «Описанія»): *между Мартомъ и Октябремъ 1659 года.* Принимая во вниманіе изображенную здѣсь роковую силу успѣховъ Московскихъ, вынуждавшую покориться во что бы то ни стало, а съ другой стороны кандидатуру Хмельницкаго уже опредѣлившуюся и новую присягу полковъ уже совершившуюся, необходимо утвердить, что писано это *съ Августа*

---

[33]) Оба въ Моск. Арх. Мин. И. Д., въ дѣлахъ 1659 г. № 18. Первое описано, хотя не опредѣлено именемъ и лицомъ Крижанича, въ Исторіи *С. М. Соловьева* (см. выше), оба приведены въ извѣстность и приготовляются къ изданію начальникомъ Архива *Кн. М. О. Оболенскимъ*, просвѣщенному содѣйствію коего обязаны мы пользованіемъ. 1-е на двухъ листахъ съ полями, писано рукою Крижанича, почеркомъ нѣсколько крупнѣе и гораздо яснѣе послѣдующихъ Сибирскихъ произведеній. «Бесѣда» также на двухъ листахъ такой же грубой сѣрой бумаги, но нѣсколько позднѣе писана, ибо способъ правописанія, напр. въ соотвѣтствіе нашему *ж*, отличается отъ 1-го и ближе къ позднѣйшимъ установившимся правиламъ Юрія. Вообще въ правописаніи переходъ отъ тогдашняго Хорватскаго къ постепенному сближенію съ требованіями Русскаго языка. Языкъ, плодъ прежняго изученія и новаго знакомства на Украйнѣ, во многомъ сроднѣе съ Русью, чѣмъ послѣ въ Сибири, гдѣ это назначалось для немедленнаго прочтенія, а можетъ статься и произношенія (Юрій надѣялся быть понятнымъ): по той же причинѣ замѣчательно участіе словъ и формъ чистомалорусскихъ. Цѣлыя тирады можемъ не переводить, а только переписывать другими буквами (чего нельзя сказать напр. о «Русскомъ государствѣ»),

и въ началѣ осенних мѣсяцевъ. Въ книгѣ о Крещеніи, видѣли мы, подтверждаетъ Юрій, что во 168-мъ году, то есть въ осенніе мѣсяцы 1659-го, съ Сентября (вычитая 5509), онъ точно находился въ Нѣжинѣ при Золотаренкѣ.

Но прежде, чѣмъ разсмотримъ въ связи двойное произведеніе Юрія, замѣтимъ, что первыхъ же двухъ-трехъ мѣсяцевъ пребыванія на Украйнѣ совершенно достаточно было Крижаничу, дабы ознакомиться съ людьми и дѣлами, политическими и религіозными вопросами, а тѣмъ больше, чтобъ побывать, по его интересамъ къ народной жизни, на ярмаркахъ, замѣтить дешевизну товаровъ и звѣрскіе нравы, прислушаться къ особенностямъ нарѣчія и наслушаться всякихъ мнѣній, вѣстей. Впослѣдствіи, среди Сибири, очутившись въ одиночествѣ съ самимъ собою и собирая воспоминанія о томъ, что̀ видѣлъ или слышалъ на пути какъ будто перелетѣвши его, любилъ Крижаничъ останавливаться на рубежѣ, гдѣ началось и скоро кончилось первое знакомство его съ Русью на мѣстѣ. Невольно онъ останавливается на именахъ, годахъ и событіяхъ одного порядка, послѣ которыхъ къ нему въ Сибирь доходили уже только слухи, безъ его личнаго участія и безъ сообщества съ дѣятелями. Мы встрѣчаемъ здѣсь часто имя *Яна Казиміра* и побѣдителя его *Карла Густава; Вишневецкаго, Радивила, Сапту;* увлеченныхъ Нѣмцами «отличнѣйшихъ героевъ» *Замойскаго, Ходкевича*, «а въ нашь вѣкъ» *Осолинскаго, Любомірскаго;* при разборѣ адресовъ—*Іоанникія*, патріарха Константинопольскаго, коего полный титулъ онъ нѣсколько разъ приводитъ, ибо зналъ его очень хорошо сочиняя грамоты, и т. п. Также точно находимъ отзывы Юрія о разныхъ предметахъ и лицахъ, совпадающіе чуть не слово въ слово съ живыми рѣчами его современниковъ, съ тѣмъ, что̀ онъ долженъ былъ слышать лично и что̀ раздавалось всюду по пути его: мы замѣтили уже это совпаденіе, именно съ выраженіями канцлера Сапѣги, заученными въ Литвѣ и Украйнѣ, Адама Кисели о козакахъ, пословъ нашихъ объ Аллегретѣ, Малороссовъ о жадности Золотаренка. Подобнымъ образомъ еще, говоритъ онъ на примѣръ, что «въ Русскомъ титулѣ вставляются неизвѣстные края, которыхъ никто не съ умѣлъ бы ни указать, ни именовать; говорится—инымъ многимъ государствамъ и землямъ, Восточнымъ, Западнымъ и Сѣвернымъ отчичь—и т. д. Люди, слыша, когда это произносятъ, или читая въ книгахъ, тотчасъ ищутъ и допытываются,

что это за иныя многія княжества и гдѣ они сверхъ тѣхъ, кои уже тщательно перечислены въ титулѣ. И узнавая, что таковыхъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ, начинаютъ свѣтлѣйшимъ нашимъ государямъ не придавать новую, но отнимать древнюю честь. А усматривая въ титулѣ вещь явно ложную, заподозриваютъ и не принимаютъ на вѣру даже то, что истинно.» Такъ и слышатся здѣсь слова хана Крымскаго въ эпоху Выговскаго, конечно разглашенныя по Украйнѣ до слуха Крижанича: «Пишете по прежнему—Восточной, и Западной, и Сѣверной страны отчичь и дѣдичь, наслѣдникъ и обладатель. Такихъ непристойныхъ титуловъ предки ваши не писывали. Гдѣ Москва, гдѣ Востокъ, гдѣ Западъ? Между Востокомъ и Западомъ мало ли великихъ государей и государствъ? Можно бы это знать и не писаться всей вселенной отчичемъ, дѣдичемъ и обладателемъ: такъ лживо и непристойно писать не годится.» Далѣе встрѣчаемъ точную передачу словъ изъ нашихъ посольскихъ переговоровъ подъ Смоленскомъ, именно съ епископомъ *Задикомъ* (1634 года). Нѣсколько выразительныхъ мелочей: о Московскихъ *знаменахъ*, съ весьма странными и не совсѣмъ Русскими надписями, которыя видѣлъ самъ Крижаничъ и которыя въ рукахъ Ляховъ давали поводъ къ торжеству враговъ; о смерти *Горайскаго* въ Краковѣ; исторія *Свирина* со *Скиповичемъ*; о знатной вдовѣ, извѣстной ему по имени, засѣкшей до смерти своего деревенскаго служителя и на Литвѣ о знатномъ панѣ, повѣсившемъ 12 человѣкъ крестьянъ безъ суда за побѣгъ, и т. д. [24]) Наконецъ въ томъ же путешествіи Крижаничъ могъ встрѣтить впервые и знатныхъ Москвичей или ознакомиться съ именами, кои, увидимъ мы послѣ, тѣсно связались съ его судьбою.—Но все это, повторяемъ, достаточное на 2 на 3 мѣсяца, никакъ не могло поглотить любознательности Юрія на цѣлые полгода съ Марта по Октябрь. Прибылъ онъ не сидѣть же въ Нѣжинѣ сложа руки. Есть нѣсколько основаній думать, что въ этотъ срокъ посѣтилъ онъ *Бѣлую Русь* и, входя въ Литовское Княжество, проникъ по мѣрѣ возможности въ собственную *«Литву.»* Недавнія побѣды Алексѣя Михайловича надъ Поляками

[24]) «Р. Госуд.» т. II, стр. 351, 359, 383; 380, 354, 361—62; 343, 327—28; 309—91.—о Пром. 99.—«Р. Госуд.» т. II, 303; 319 и др.

очистили нашему страннику путь изъ Черниговскаго округа на Сѣверъ: и хотя въ бытность Юрія Польша снова возвращала себѣ царскія завоеванія въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, то тамъ, то самъ, но военный споръ еще продолжался и значительная полоса оставалась еще въ нашихъ рукахъ. Не трудно было пройти областью Могилевскою, между Борисовомъ и Смоленскомъ, особенно на Мстиславль и Оршу, города, соединявшіеся въ одной епископіи и между прочимъ извѣстные имѣньями Выговскаго (за женою); на дорогѣ станціями могли служить монастыри, православные, уніатскіе и даже католическіе, какъ напр. Бернардиновъ въ *Дубровнѣ*, куда, мы видѣли, простираются показанія Юрія; съ нѣкоторой осторожностью возможно было протѣснуться даже до Вильны, которую царь считалъ тогда совсѣмъ уже своею. Опасность военнаго положенія устранялась для путника вліяніемъ и рекомендаціей Нѣжинскаго протопопа, содѣйствіемъ и даже сотовариществомъ Золотаренка, который самъ долженъ былъ не разъ по дѣламъ отправляться въ тѣ стороны. Первымъ убѣжденіемъ для насъ служитъ то, что Крижаничъ зналъ и послѣ часто ссылался на *Бѣлорусскій языкъ*. Правда, народный языкъ сего нарѣчія могъ извѣдать Юрій въ самой Черниговской области, куда оно вдается съ Сѣвера; съ другой стороны, въ письменности языкомъ *Бѣлорусскимъ* назывался тогда не оттѣнокъ нарѣчія, а языкъ всѣхъ *печатныхъ книгъ Западной Руси*, не только, напримѣръ, Могилевскихъ, но и Черниговскихъ, и Кіевскихъ, языкъ тогдашней *литературы* и людей литературно образованныхъ. Такъ и разумѣетъ дѣло Крижаничъ въ своей «Граматикѣ,» приводя извлеченія нетолько изъ *Смотрицкаго*, но также изъ *Катихизиса* Зизанія (въ коемъ авторъ именуетъ свой языкъ «Литовскимъ») и даже изъ прочихъ книгъ литературы Южнорусской. Отзывъ его по поводу этихъ ссылокъ крайне любопытенъ: «Равно и въ прочихъ Кіевскихъ книгахъ все полно такихъ порчь и мерзостей, какихъ невозможно читать безъ глушенія и безъ тошноты на желудкѣ. Ибо Бѣлорусяне въ почтительномъ удивленіи держатъ всякіе Ляшскіе нравы, законы, языкъ и стараются подражать имъ. Поелику же Ляшская отмѣна (говора) слишкомъ испорчена примѣсью различныхъ языковъ, то не чудо, что Бѣлорусяне, черная изъ грязнаго источника, не могутъ дать намъ питья чистаго.» «Въ чемъ Бѣлорусская отмѣна разнится отъ иныхъ отмѣнъ, того нельзя назвать и Отмѣною, но скорѣе это есть выраженіе отмѣны Ляшской или

по просту Порча» «Есть у Лиховъ и другіе различные, свойственные имъ, способы говора, коихъ не можемъ всѣхъ собрать и кои отъ Бѣлорусяновъ вводятся въ нашу письменность («Граматика.)» «Вотъ почему и на Москвѣ тогда разумѣли точно также «Бѣлорусское письмо,» «Бѣлорусскія книги,» а пришельцевъ, ученыхъ и писателей, хотя бы изъ Украйны, именовали часто «Бѣлорусцами;» самъ Крижаничъ, въ книгѣ о Крещеніи (пред. 13), упоминая Барановича, Епифанія Славинецкаго и Симеона Полоцкаго, прибавляетъ безразлично: «и ини *Бѣлорусски* Андреевского монастиря отци.» Тѣмъ не менѣе, по отчетливости своихъ свѣдѣній въ языкознаніи и этнографіи, Юрій не могъ не сознавать здѣсь различія: такъ въ «Русскомъ Государствѣ,» даже въ приведенныхъ у насъ выше извлеченіяхъ, онъ отдѣляетъ *Малую* Русь отъ *Бѣлой* («Меньшая» или «Малая» и «Бѣлая Русь»). По тому самому намъ важны завѣренія Крижанича о томъ, что онъ видѣлъ или узналъ, по собственнымъ словамъ, *на Бѣлой Руси и Литвѣ*, а свѣдѣнія эти, разсѣянныя тамъ и сямъ, особенно въ «Русскомъ Государствѣ,» простирались до такихъ иногда мелочей, доступныхъ лишь очевидцу, что онъ замѣтилъ, на примѣръ, классическій хлѣбъ нашихъ Бѣлоруссовъ, изъ вѣка въ вѣкъ непзмѣнно переходящій. Приведемъ здѣсь между прочимъ нѣсколько строкъ [35]). «Способъ управленія на Великой Руси, говоритъ онъ, съ одной стороны имѣетъ свое достоинство и полезенъ народу, ибо при этомъ въ народѣ меньше видится пьянства, а хлѣбъ лучше и обильнѣе. *Въ Литвѣ* при вольныхъ корчмахъ вездѣ все полно пьянства, а на Руси не столько; *въ Литвѣ* люди ѣдятъ хлѣбъ черный, дурной и съ плевами, а на Руси, по Божіей милости, вездѣ хлѣбъ виднѣе, лучше и дешевле.» «Чрезъ корчмы потребляется не на добро значительное количество урожаевъ, такъ что люди поставляются въ необходимость ѣсть дурной хлѣбъ и дорого покупать его. Подумай и разсуди, какой добрый хлѣбъ ѣдятъ, по милости Божіей, во всей Руси, а въ вашей *Литвѣ* какой плохой, до того, что говорится пословица, «*Литва*—соломенный хлѣбъ («Литва сламенъ хлѣбъ»).» «Audiui in *Lituania* quemdam hominem etc.» «Греческіе митрополиты, настоящіе и самозванцы,

---

[35]) «Р. Госуд.» т. II, стр. 101, 102; 320, 319; 191 и др.—Ср. выше.

блуждаютъ вдоль и поперетъ по Руси (особенно Малой и *Бѣлой*, praesertim Minorem et *Albam*)... *Я самъ видѣлъ* не одинъ примѣръ подобнаго рода» и проч., см. выше.

Не оставивши намъ особаго сочиненія о сихъ частныхъ поѣздкахъ, Крижаничъ задумалъ описать путь главный, которымъ направлялся *отъ Львова до Москвы*. «Начиная отъ Корца и *идучи сюда ближе* (на восточную сторону Днѣпра), гдѣ бывали битвы Черкасскія съ королемъ Польскимъ, видится великія пущи, гдѣ земля лежитъ опустошенною *въ долину и ширину на нѣсколько дней хода* (столько именно исходилъ онъ Малую Русь по вычисленіямъ помянутымъ). *А по сю сторону* (восточную) въ нынѣшней ратѣ запустѣло весьма много городовъ. И размысливши это Черкасы, убоялись всѣ до конца сгинуть: вотъ поводъ передовой и главный, ради котораго склонились учинить Царскому Величеству должный поклонъ (согласуется съ документами историческими).— *Въ Лисенкѣ на Ѳедора* и *въ Борознѣ на Средопостье* были мы на ярмаркахъ и увидали, какъ всякой товаръ зѣло дешево продавался: повѣдали намъ люди, будто нынче одинъ рубль стоитъ то, что передъ ратьми пять и шесть рублевъ стоило. Судили мы причиною сей перемѣны не то, чтобы товары или торговля умножились, но что Черкасовъ много въ сихъ ратяхъ сгинуло и такъ людей покупающихъ убыло (приводимъ почти тѣми же словами и оборотами).» Вернувшись отъ Борзны и не достигши еще до Москвы, сочинитель возвращается на Нѣжинскую стоянку и начинаетъ изображать край. Отъ нравственнаго паденія Черкасъ переходъ къ первымъ виновникамъ Ляхамъ, духовнымъ властямъ, Грекамъ, политической ереси и плану Политики (см. выше). «Но о книгахъ и о письмахъ (сочиненіяхъ) будетъ часъ болѣе пригодный разговаривать шире. Теперь же вкратцѣ предложимъ наше ничтожное разсужденіе о томъ, *какъ требуется съ Черкасами обходиться и вести дѣла*.» Описаніе пути прервано: идетъ политическое разсужденіе по обстоятельствамъ времени, въ поученіе прибывающимъ Московскимъ воеводамъ, а пожалуй и самому Царю. «Который князь отъ имени Царскаго Величества посланъ будетъ докончать съ Черкасами твердый миръ, и начало ихняго подданства, и царскаго управленія надъ ними (послѣ отступленія при Выговскомъ и по возвращеніи къ новой присягѣ), онъ можетъ къ нимъ прежде всего высказать и обширно изложить на словахъ великое

обрадованіе Ц. Величества, поставшее изъ ихняго возврата на правую дорогу и обязанность. Можетъ, на примѣръ, такъ говорить...» Любя драматизмъ и олицетвореніе, въ коемъ обычно повсюду представляетъ двѣ стороны, Крижаничъ влагаетъ посланнику въ уста рѣчь. По изображеніи радости Царской, картина и печали о происшедшей гибели христіанства «вслѣдствіе вашего несчастнаго отступленія.» Перечень опустошенныхъ и сожженныхъ городовъ и селъ по обѣимъ сторонамъ, убитыхъ и плѣненныхъ, *«столько-то;»* но это былъ лишь планъ, чиселъ сочинитель пока самъ не знаетъ и указываетъ послѣ вставить: «нужно прежде извѣдать сіи числа и объявить передъ всѣми, на большій ужасъ и покаяніе.» «Виною ваше преступленіе,» грѣхъ, коему мало было бы покаянія, какъ и падшіе во слѣдъ Люцифера (Выговскаго) не безвинны остались. Но милосердіе Божьяго намѣстника далеко выше совершеннаго прегрѣшенія. «Простило вамъ Ц. Величество, и прощаетъ, и забываетъ на вѣки... Только отселѣ впредь стойте вѣрны при Богѣ и при Ц. Величествѣ, не давая себя увлекать врагу, не братаясь съ проклятыми басурманами.» «Послѣ сего предисловія перешедши уже *къ дѣлу*, къ выбору гетмана и установленію законовъ, пригоже будетъ говорить и такъ (излагаемъ сущность):» вы отступили всего больше по боязни, какъ бы Царь не лишилъ васъ старыхъ слободъ или вольностей; напротивъ онъ все подтверждаетъ въ цѣлости; во вторыхъ, чего потребуете пристойнаго, прибавитъ и новыя льготы, а въ третьихъ сверхъ даже вашей просьбы даруетъ. Здѣсь сочинитель отступаетъ отъ формы посланнической рѣчи и вычисляетъ отъ себя, чего бы слѣдовало Черкасамъ прибавить. «Дарованіе же, которое можно бы имъ учинить сверхъ просьбы, таково. (1) Чтобы имъ Царское Величество особый Приказъ на Москвѣ установило (такъ и было сдѣлано—Приказъ Малороссійскій), и чтобы въ ономъ Приказѣ передовые приказные люди не отъ инуда, а изъ самихъ Черкасъ были бы поставляемы (выборное представительство депутатовъ: промоція дѣтямъ Бѣлаго духовенства, горожанамъ и прежнимъ войсковымъ писарямъ). Это дѣло и сами бы Черкасы себѣ въ честь почитали, и тѣ, кои бы въ Приказѣ жили, были бы порукою или за мѣсто поруки въ вѣрности прочихъ, дома живущихъ, а ради ижденія и расхода приказнаго склоннѣе будутъ города Черкасскіе къ пристойной дани Ц. Величеству (послѣ, мы видѣли, упре-

калъ Юрій, что были люди—онъ самъ,—кои такъ совѣтовали, но Дума сопзволила иначе). (2) Гетманъ или Воевода Пожизненный въ Черкасахъ достойно могъ бы зваться *Царемъ*,» для обузданія Черкасовъ по освобожденіи ихъ отъ Ляшскаго военнаго постоя; но нынче, если нѣтъ уже больше чуждаго войска, не нужно и никакого со стороны (Московской; на что, разумѣется, не согласилась бы Москва, именно на это напирая). «Ибо не безъ трудности и не безъ мятежа стояло бы таковое между ними, поелику они навыкли жить *самособно* и *самовольно*.» Для устраненія царюющаго гетмана, а воеводъ Московскихъ изъ края, «дабы предупредить путь ихней (Черкасской) злости и мятяжливости (ловкій оборотъ изъ обвиненія на выгоду желаній мѣстныхъ),» не нужно гетмана Пожизненнаго,—только *на три или на два года*, и въ семъ дѣлѣ, продолжаетъ авторъ, можно такъ говорить къ нимъ: «Когда бы Гетманство не было Пожизненнымъ, никогда бы *Выговской* не началъ съ Ц. В—мъ бороться за Царство. Ради того, чтобы и отселѣ впредь не нашелся бы кто ни будь съ желаніемъ царствовать, а для того не почалъ бы народъ громить, и землю пустошить, и христіанство искоренять, какъ чинилъ *Выговской*, - Гетманы уже не будутъ Пожизненные, но *Трехлѣтные*. Спи способомъ и вамъ, служивымъ людямъ (которые кричите только Вольность да Вольность), умножится Вольность,» ибо множайшимъ будетъ надежда на выборъ, а волостнымъ да городскимъ людямъ прибудетъ безопасности, и опустѣлое скорѣе населится. (3) «Царское В—ство не стыдится и само назваться *Пожизненнымъ Гетманомъ Днѣпровскимъ, Волынскимъ и Подольскимъ*, ибо таковое гетманство все равно что какое ни будь Великое Княжество, если еще не Царство (авторъ поспѣшилъ изобличить свое невѣдѣніе въ политическихъ условіяхъ, особенно Московскихъ).» (4) Между вами всегда была неурядица, «и нынѣ вы не согласны, одни хотите Гетманомъ *Хмельницкаго*, другіе *Безпалаго* (западные и восточные), и за это опять готовы бы побиться. Ради того Ц. В—ство Хмельницкому обѣщаетъ Гетманство *по времени*, когда окрѣпнетъ въ жизни и въ разумѣ (Юрій замѣтилъ эту слабую сторону: по втораго дожидаться было бы долго). А нынѣ, поелику онъ столь молодъ, лучше и пригодпѣе ему будетъ пойти передъ ясныя Царскія очи, и поклониться, да *послужитъ нѣкоторое время Е. Ц. В—ству* (не согласился бы на то Хмельницкій, сочли бы безчестіемъ зем-

ляки)... (5) *Ивана* же *Безпалаго* Ц. В. именуетъ и поставляетъ *Гетманомъ на сіи три года* (Нѣжинъ и восточные желали на оборотъ—возвышенія Юрію и временнаго опекунства ему въ Безпаломъ), ради тѣхъ причинъ, что всегда и вѣренъ состоялъ Ц. В—ству, и самимъ дѣломъ показалъ себя достойнымъ этой чести. А вы, Западные, обращается онъ, наиболѣе прегрѣшившіе, не погнѣвитесь, что выбирается не съ вашей стороны (явно, что въ проэктѣ перетягивала восточная), имѣйте терпѣніе, придетъ и вашъ часъ, не годится дать вамъ преимущества передъ тѣми, кои не проступились. (6) «Не зло бы еще было, когда бы Гетманство и *на двое раздѣлилось*, чтобы одинъ за Днѣпромъ, другой передъ Днѣпромъ владѣлъ (это вскорѣ потомъ къ несчастію и сбылось). И нынѣ къ сему дѣлу пригожъ часъ (*же* здѣсь пробовалъ Юрій писать по Русски, начертавши *х*): ибо на одномъ краю можетъ быть Безпалый, а на другомъ одинъ изъ вновь обратившихся полковниковъ,» только съ равными правами. (7) «А что касается городовъ, *Кіевъ* и *Черниговъ имѣютъ быть просто подъ Царскимъ приказомъ и воеводами*, ибо входятъ въ царскіе и княжескіе титулы (это мѣтко).» (8) *Пустые* нынѣ города и села, по заселеніи, уже не остаются на положеніи Черкасскихъ слободъ, но *поступаютъ подъ прямое Царское управленіе* (это опять противу мѣстныхъ желаній, но съ мѣткимъ поясненіемъ причины). «Ибо, во первыхъ, Черкасы съ Татарами много Царскихъ людей поморили и царскихъ земель опустошили: негодится же, чтобы за такое «преступленіе (sic)» совсѣмъ безъ кары остались. Во вторыхъ, ибо пустыя сіи мѣста всѣ Царскимъ мечемъ (а безъ взякой Царской вины) спустошены и ради того земля эта, разумѣется, добыта во власть прямо Царскимъ мечемъ. Ц. В—ство таковымъ городамъ можетъ налагать право, какое хочетъ, помѣстья же сіи не однимъ Черкасамъ, но и вѣрнымъ своимъ Русскимъ Боярамъ раздавать можетъ.» Вотъ конецъ «Описанія пути.»

Кончивши такъ съ одною стороною, рѣчью Воеводъ Царскихъ, по времени Крижаничъ восчувствовалъ потребность, по своему обычаю, драматически олицетворить съ рѣчью въ устахъ и другую сторону: такъ сложилась его «Бесѣда къ Черкасамъ,» писанная отъ лица Черкаса же, «wo osobi» его, такъ сказать вошедши въ его кожу. Дѣлится это на двѣ половины: 1) о *Неволяхъ* козаковъ, кои должны они терпѣть со стороны Ляховъ, 2) о

Вольностяхъ, ожидаемыхъ отъ Ц. В—ства. «Описаніе» предыдущее отвѣчало скорѣе вопросу минуты, выбору гетмана, условіямъ новаго порядка вещей; «Бесѣда» свободнѣе, шире содержаніемъ жизни, дальше взглядомъ, обильнѣе всесторонним обсужденіемъ, глубже размышленіемъ, безотносительнѣе, такъ сказать философичнѣе. — *Первая* часть — «Усмотрѣніе о Неволяхъ, которыя мы козаки имѣемъ терпѣть отъ Ляховъ. Неволя 1) Ляхи наведутъ на насъ свои военные постои да Нѣмцовъ,» по условію недавнихъ нашихъ пословъ 20.000, а послѣ и больше. 2) Отъ жолнеровъ обиды и грабежи. 3) «Польская шляхта будетъ отыскивать своихъ маетностей(въ возврать), какъ наши послы условились и какъ недавно Выговской Кринцкому шляхтичу отдалъ Басанскій замокъ и волость, что передъ тѣмъ Кринцкихъ бывало (приводимъ слова почти безъ перевода).» 4) Шляхта будетъ мстить намъ за лихо, «а отъ Московскихъ Бояръ ничего намъ не треба бояться, ибо они ничего свыше Царскаго указа не сотворятъ.» 5) За Ц. В—ствомъ нечего бояться малосильныхъ Ляховъ, а за Королемъ «не избыть Московской докуки.» 6) «Ляхи насъ будутъ выписывать изъ козацства въ холопство,» ужь не 60.000, какъ условились послы, а «ихъ мысль насъ всѣхъ *въ мужики* обернути.» 7) Будемъ ли промышлять на Татаръ да на Турковъ, Ляхи будутъ ловить да мучить нашихъ, а мы имъ помагать: ловкій разсчетъ сочинителя на любимыя страсти козаковъ, и здѣсь-то онъ приводитъ помянутое свидѣтельство Пясецкаго. 8) «Война вѣчная будетъ въ средѣ народа нашего Русскаго. Ибо одно то (какъ теперь сказано), что сами мы козаки должны будемъ воевать на нашу козацкую братью, а это ради того, чтобы панове Турки да Ляхи въ покою сидѣли да пировали (точь въ точь), а другое то, что потребно намъ будетъ во вѣки на Москву, *на царство наше Русское Православное, съ нами однородное и одновѣрное*, воевати да кровь невинную проливати... А тому Турки, Татары и Ляхи будутъ веселиться. Таковымъ дѣломъ нашъ народъ Русскій весь сгинетъ и тѣмъ помянутымъ своимъ врагамъ въ неволю впадетъ.» Какой видѣнъ народный человѣкъ, любитель народа, религіозный и знающій подѣйствовать на религіозное чувство! За симъ трогаетъ онъ щекотливое чувство совѣсти народной въ дѣлѣ присяги. 9) «Стоячи мы за Королемъ, будемъ весь нашъ вѣкъ жить и умирать въ нарушеніи присяги, а клятвопреступниками буду-

чи и такъ умираючи, невозможно спастись.» Присяга Москвѣ, говоритъ онъ, старше (при Хмельницкомъ), общѣе всѣмъ, народнѣе, свѣдомѣе, добровольнѣе, Королю лишь посольская, позднѣе, противъ воли однихъ, съ потаеннымъ сожалѣніемъ другихъ, по насильству или несмѣлости, а то и вовсе по незнанію. «Вотъ же присяга или клятва первѣйшая, всѣмъ общая, свѣдомая и добровольная,—та насъ вяжетъ!» 10). «Мы стоя за Ляхами будемъ жить въ вѣчномъ беззаконіи и въ преступленіи Божьяго приказанія (такъ, сими самыми словами). Ибо нужно намъ будетъ жить подъ Королемъ—чужаго народа человѣкомъ, подъ Нѣмцемъ, Шведомъ, Литвиномъ, Французомъ, Венгерцемъ, и т. д. А никакъ того не возможно, чтобы кралевалъ тамъ Ляхъ или иной Славянскаго нашего народа человѣкъ.» Точно, всѣхъ этимъ чувствомъ томило тогда ожиданіе роковыхъ выборовъ послѣ Яна Казиміра: но такъ рѣшительно пророчить о далекомъ будущемъ могъ только нашъ Юрій, разомъ на всегда изрекшій судьбу Польшѣ. «Стоять же безъ нужды и безъ принужденія подъ королемъ чужаго народа—есть дѣло, прямо противное Божьему приказанію:» онъ приводитъ Второзаконіе. «Вотъ вамъ десять Неволь!»—*Вторая* часть—«Усмотрѣніе о Царскомъ Величествѣ.» Это возраженія со стороны козацкаго недовѣрія къ Москвѣ, и *отпыты* разсѣивающіе. 1) Опасеніе за вольности. «Отвѣтъ. Того нечего намъ бояться. Ибо одно то, что Ц. В—ство есть государь *вельми Богобоязненный* и *Богочестивый*. Онъ твердый *Постникъ*, *Богомолецъ* (въ страпствіяхъ, Pohodnik), *Молебникъ* и *Милостинникъ*. Не годно, стало, мыслить, чтобы такой Богочестивый Государь имѣлъ присягу свою нарушить.» Мы видимъ, какъ хорошо уже успѣлъ Крижаничъ издалека распознать и оцѣнить выдающіяся качества Алексѣя Михайловича. Онъ не разъ повторяетъ ихъ въ своихъ сочиненіяхъ; мало того: что выводили послѣ или выводимъ мы изъ современной Алексію эпохи и скользившихъ ея отзывовъ, то Крижаничъ съ разу заговорилъ о царѣ, въ «Рускомъ Государствѣ,» разбирая его прозвище «*Тишайшій*.» «Твоя *Тихость* [36]).» Съ этой высоты спускается однако Крижаничъ весьма ловко къ простѣйшему разсчету, не совсѣмъ выгодному для Тишайшаго: 2) «А дру-

[36]) Т. II, стр. 366.

гое то, мы можемъ такъ съ нимъ договориться, чтобы сюда ни однихъ воеводъ или приказныхъ людей съ Москвы не присылалось. При такомъ договорѣ, наши вольности и маетности (имущества) останутся всегда въ нашихъ рукахъ, и Ц. В—ство отнимать ихъ никакъ не будетъ, *развѣ опять новую войну* (съ нами) *начавши*. А того Ц. В—ство николи не учинитъ изъ за нашихъ маетностей: ибо наше войско Его В—ству пригоднѣе и полезнѣе, чѣмъ наши маетности.»—3-й Пунктъ есть подлинно вѣнецъ всему: тутъ и дальновидный политикъ, и историкъ руководимый сознаніемъ руководящаго всѣмъ Промысла, и выразитель тѣхъ крайнихъ рубежей или цѣлей, къ которымъ тогда подходило невольно въ сознаніи и въ положеніи своемъ Славянство, а идущій къ Москвѣ Крижаничъ былъ мыслью и словомъ сего сознанія, шагомъ впередъ изъ положенія. Онъ говоритъ сначала очень просто и рѣзко: съ Москвою дѣлать больше нечего, развѣ не видите, оглянитесь, все ведетъ къ ней, спѣшите покориться добровольно—и пока о чемъ либо условиться—прежде, чѣмъ заставятъ подчиниться. Но это для него не грубый случай и не одинъ только «фактъ совершившійся:» это сила исторіи. И сила не слѣпая: это упованіе всего Славянства, то упованіе, съ коимъ, мы знаемъ, не разъ послѣ обращался онъ къ Алексію, принося ему на поклонъ надежды, разъясняя ему счастливую и высокую минуту, звавшую «единственнаго Славянскаго царя на землѣ» къ совершенію его призванія. Вотъ его любопытная и поучительная рѣчь, то холодно-прозаическая подъ голосъ неумолимаго разсудка, то восторженная идеалами, то немного странная и даже почти смѣшная, когда вспомнимъ, что слушатели Черкасы, эти «звѣри нравомъ,» едва ли способны были вмѣщать такія рѣчи «во особѣ Черкаса,» не совсѣмъ на нихъ похожаго (3). «Всякой народъ или всякое царство имѣетъ свою звѣзду или планету счастливую. То есть, имѣетъ извѣстный, отъ Бога ему назначенный часъ, въ которомъ царство это и быстрѣй созрѣетъ, и къ самой высшей силѣ и славѣ подвигнется. Въ этотъ же часъ оно получаетъ и царя, одареннаго отъ Бога наибольшимъ счастіемъ и силою: противиться ему—нельзя. Примѣровъ сказанному найдется много, и въ Христіанскихъ, и въ иныхъ царствахъ. Такіе счастливые и неодолимые цари были Кир» и Александръ, о которыхъ свидѣтельствуетъ Священное Писаніе, что избраны они были къ верховной силѣ

отъ Бога. Таковъ былъ и Саломонъ, таковъ Константинъ, таковъ у Римлянъ Юлій, у Нѣмцовъ Карлъ Первый, у Испанцовъ Карлъ V и т. д. Нѣкоторые изъ нихъ сами сознавали свое счастье и потому ничего не боялись (примѣры—Юлій и Карлъ V). Теперь явное дѣло, что Его Ц. В—ство есть Наисчастливѣйшій и Наиславнѣйшій государь изъ всѣхъ, которые до сихъ поръ царствовали въ Русскомъ народѣ. По Божьей милости такъ онъ расширилъ и прославилъ свое государство, какъ никогда не бывало въ вѣкахъ прошлыхъ. А если такъ особливо Богочестивъ, притомъ сильнѣе и счастливѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, да къ тому и молодъ, такъ что еще долго можетъ воевать и враговъ своихъ поражать: стало быть, подумайте же теперь взошла счастливая планета царству Русскому. Отсюда, кто ему противится, тотъ будетъ противиться Богу: а въ концѣ концовъ, повредивши себѣ, все таки признáетъ правду. Замѣтьте еще, что этому прославленію Русскаго Царства мы сами всего ревностнѣй помогали. Теперь, коли захотимъ разорять то дѣло, которое сами созидали, подобны будемъ малымъ дѣтямъ, что строятъ хатки, да опять разваливаютъ: еще подобны будемъ и свиньямъ, что вылѣзши изъ грязи да осушившись, снова въ грязь лѣзутъ. Такъ и мы, выбившись изъ Ляцкой неволи съ великимъ кровопролитіемъ, опять въ ту же неволю лѣземъ. — Слышали вы о Неволяхъ и Вольностяхъ, съ той и другой стороны: что̀ требуется дѣлать, взвѣшивайте!»—Мы очень рады, что въ первый разъ сообщаемъ литературѣ Русской и Славянской подробное содержаніе такого важнаго и любопытнаго памятника.

Во всемъ этомъ конечно довольно политики кабинетной, вывода философскаго, оборота литературнаго: за то и всѣ обычныя достоинства Юрія, со стороны политической, религіозной, научной, народной, нравственной. Интересы мѣстные, по возможности, сколько умѣлъ авторъ, уравновѣшиваются съ Московскими: но тѣ и другіе не узкіе, они руководятся высшими цѣлями Славянства и Церкви. Кто поуже, не согласился бы съ Юріемъ ни на той, ни на другой сторонѣ—вполнѣ: онъ независимъ достаточно и въ началахъ, и въ выводахъ. Выразумѣть здѣсь правду и правила рады были бы всѣ мѣстные: лучшій Русскій того времени не могъ бы сказать иначе. Будущимъ оправдалось здѣсь многое. Сочинитель совершенно уже созрѣлъ въ человѣка Русскаго —

по его высшему, лучшему пониманію: достаточно твердъ въ основахъ, чтобы не оторваться отъ правомѣрныхъ воззрѣній мѣстныхъ. Онъ могъ держать эту рѣчь на радѣ, могъ явиться съ нею въ станъ воеводъ царскихъ, могъ представить свое сужденіе Московскому престолу. Можетъ статься, думалъ и напечатать въ одной изъ южныхъ типографій: съ интересомъ не меньшимъ, чѣмъ всякое лучшее заявленіе тогдашней письменности, прочли бы это и Ляхи съ Литовцами, и Малороссы съ Бѣлоруссами, и Нащокинъ со Ртищевымъ, Морозовъ съ Матвѣевымъ, Никонъ съ Никифоромъ, Епифаній съ Полоцкимъ. Какъ-то примутъ это на Москвѣ, во Дворцѣ и Посольскомъ Приказѣ? А туда не миновать было попасть.

Путешествовать въ тѣхъ предѣлахъ, кои мы очертили, очень еще было возможно; еще легче было при остановкѣ сочинять и писать: но—пробраться со всѣмъ этимъ, съ полнотою мысли и слова, къ завѣтной Москвѣ, сквозь громадную линію военныхъ дѣйствій и сторожевыхъ полковъ, тянувшихся отъ Ливоніи по краю Бѣлой Руси, вдоль Украйны и рѣшительно на всемъ этомъ Востокѣ до глубскаго Юга, Крыма и Азова,—это было трудненько. Кто знаетъ то время, читалъ о немъ памятники и дѣловые акты, встрѣчалъ безпрестанно эти имена перенятыхъ людей, отъ гетмана и полковника до рейтара, жолнера и козака, отъ іезуита и ксендза до шляхтича, мѣщанина и хлѣбопашца, тотъ хорошо помнитъ, что птицѣ нельзя было перелетѣть, звуку перебѣжать безъ отзвука и переполоха.

Въ числѣ «перенятыхъ писемъ» явилось въ Москву сочиненіе Крижанича [37]). Какъ всѣ бумаги подобнаго рода, поступавшія въ Посольскій Приказъ, сопровождалось оно, разумѣется, послѣдствіемъ, которое постоянно и технически выражалось помѣтою: «Великому государю чтено и бояромъ,» или «Великому государю извѣстно и бояромъ чтено.» А за симъ?

—

[37]) Моск. Архивъ М. И Д., наслѣдникъ Посольскаго Приказа, въ числѣ Малороссійскихъ дѣлъ 1659 г. подъ № 18-мъ хранитъ произведеніе Крижанича въ пачкѣ. «Перенятыя Полскихъ вельможей писма во время бывшей между Россійскимъ и Полскимъ государствомъ войны.» Приложены въ подлинникѣ и Русскій тогдашній переводъ «с Полского писма.»

Странникъ, и весьма странный; безъ нарочнаго серьезнаго дѣла, понятнаго тогдашней дѣловой Москвѣ, безъ оффиціальнаго порученія и поручительства предъ лицомъ господствовавшей тогда крайней оффиціальности; подданный государева друга Леопольда и рѣзкій обличитель царствовавшихъ любезныхъ посольскихъ сношеній; изъ Нѣмецкаго государства Славянинъ, отъявленный врагъ заполонявшихъ Москву безчисленныхъ Нѣмцовъ; Сербъ, какъ онъ самъ именовалъ себя, но Сербъ не православный, чуждый среди враждебно къ нему настроенныхъ, многочисленныхъ Сербовъ и православныхъ іерарховъ, нашихъ южныхъ собратій, встрѣчавшихъ тогда радушный пріемъ во всей Москвѣ до внутреннихъ покоевъ царскихъ; цѣнитель Восточной Церкви, неспособный безъ гнѣва произнести самаго имени Грековъ, только что водворившихся у насъ, только что оказавшихъ всю силу свою, ибо отъ нихъ ожидало наше патріаршество суда и рѣшенія; чтитель Никоновскаго дѣла и защитникъ его исправленій, не заставшій въ Москвѣ самого патріарха и лишенный его защиты, даже добраго слова, когда противъ Никона возопилось всюду одно лишь слово злое, а за доброе тяжело приходилось отвѣтчикамъ; Латынецъ и ревнитель Православія, не хотѣвшій однако принять его, когда принимали даже самыя крупныя, даже Польскія лица, согласныя на перекрещиванье; упорный противникъ сей уступки, требуемой Московскимъ духовенствомъ, ласкаемой правительствомъ; именовавшійся «попомъ,» но по платью ксёндзъ Ляшскій, съ притязаніемъ развѣ той службы церковной, которую столь ревниво воспрещали даже рекомендованнымъ особо, посольскимъ ксендзамъ и іезуитамъ; съ интересами Славянскими, но съ «письмомъ Польскимъ,» и однако же неумолимый ратоборецъ противу Поляковъ; иноземецъ, бывалый почти во всѣхъ главныхъ странахъ чуждыхъ, но величавшій Россію, когда она столько привыкла къ хуламъ изъ устъ иноземныхъ; проникнутый величіемъ Руси, и готовый ежеминутно, самый рѣзкій, самый неумолимый каратель всего ея—хоть дурнаго, да роднаго, привычнаго, либо дорогаго; не мастеръ сдерживать потокъ своей рѣчи, а рѣчь пестрая, отзывавшаяся Латынью, большинству непонятная, непривлекательная; духовный и ученый, а политикъ, мѣшавшійся не въ «свои дѣла,» какихъ избѣгала собратія его Московская; съ полною однихъ книгъ и знаній, доступныхъ и привѣтныхъ только Андреев-

скому братству нашихъ пришельцевъ, которыхъ послѣ помнилъ Юрій какъ главныхъ своихъ знакомцевъ, но между коими не было еще Полоцкаго, не возвышался Никифоръ, не рисовался сотоварищемъ Медвѣдевъ, управлялъ мягкій и уступчивый Ртищевъ, руководилъ скромный и кабинетный Епифаній; краснорѣчивый увѣщатель колебавшейся Украйны и вѣрный блюститель Московскаго тамъ дѣла: но родъ Выговскихъ уже достигалъ Сибири, но свершилось уже Чудновское дѣло и извѣстна стала измѣна Хмельницкаго Юрія, а всѣ къ нему чѣмъ либо прикосновенные, всѣ Черкасы шли толпами туда же въ ссылку. Эпоха самыхъ громкихъ неудачъ во внѣ, самыхъ горькихъ неудовольствій внутри, эпоха царскаго гнѣва въ самомъ кроткомъ лицѣ Алексія, чѣмъ болѣе кроткомъ, тѣмъ болѣе оскорбленномъ и замкнувшемся въ тѣсномъ кружкѣ любимцевъ... Подлинно, еслибы въ ту пору знали Крижанича такъ, какъ мы узнали его теперь изъ собственныхъ его трудовъ и разъяснившейся исторіи, или еслибы теперь мы сами вошли въ то положеніе дѣлъ и умовъ, въ какомъ тогда была Москва: наши предки и мы сами сказали бы, что для Москвы Юрій былъ просто не выносимъ, не естественъ, не возможенъ и даже невообразимъ. Нельзя было нарочно выдумать человѣка болѣе въ разладъ со всѣмъ окружавшимъ. Къ счастью его, еслибы не знали его: а если не знали, то по меньшей мѣрѣ онъ былъ безпокоенъ и подозрителенъ всѣмъ и каждому.

Не зналъ многаго и самъ Крижаничъ. Не зналъ онъ ни Москвы и Московской Россіи, ни людей ея и исторіи: только брошенный въ средину Сибири, онъ опомнился послѣ долгаго и длиннаго странствія, сталъ припоминать видѣнное и слышанное, собралъ въ головѣ впечатлѣнія и образы до яснаго понятія, обратился къ источникамъ исторіи и, постепенно, начиная съ самыхъ общихъ воззрѣній, шагъ за шагомъ опознаваясь, съ перомъ въ рукѣ, заговорилъ въ своихъ произведеніяхъ о Москвѣ, о Руси, Славянствѣ, народѣ, церкви. Ничего не говоритъ онъ намъ ни о винѣ своей, которой не было въ дѣйствительности, ни о причинахъ изгнанія, на которыя нельзя было съ точностью указать ни самимъ, вѣроятно, изгнавшимъ, ни самому, тѣмъ меньше, изгнанному. О самыхъ слезахъ Тобольской жизни заговорилъ онъ долго спустя и прожившій, когда онѣ накопились и—уже высохли, когда, послѣ долгихъ исканій, онъ «не смогъ добыть человѣка, кто

бы слёзы его и челобитье къ царскому величеству послалъ или принесъ бы [38]).» Таковъ всегда онъ былъ съ дѣтства: самъ великое звѣно исторіи, носитель ея и двигатель, никогда онъ не писалъ и не разсказывалъ нарочной своей исторіи; ударъ за ударомъ принимая на плоть и на душу свою, на все существо, послѣдовательные удары судьбы, не роптalъ онъ, не жаловался, не чернилъ чернилами этой длинной стези страданій, улитой кровью, и потомъ, и слезами. Шаги его изгнанія и отлученія не перерывались, отъ дома родительскаго до Болоніи, отъ Стараго Рима до Новаго, отъ Венеціи до Вѣны, отъ Львова до Нѣжина и отъ Москвы до Тобольска: въ этомъ ряду Москва была столь же краткимъ и не меньше тревожнымъ, временнымъ ночлегомъ, какъ и всѣ прежнія остановки. Съ однимъ только яснымъ сознаніемъ своего личнаго подвига—жертвы, шла эта тихая, безпрекословная, молчаливая — о себѣ, обреченная свыше жертва до послѣдняго предѣла, гдѣ ожидался одинъ конецъ—закланіе и гдѣ разомкнулись уста потокомъ поучительныхъ завѣтовъ Славянамъ потомкамъ. Соблюли меня, произнесъ онъ, «будто какое-то животное на запорѣ: и къ чему иному, если не къ закланію? И вотъ я, окаянный, передумываю, и боюся, и трепещу, когда придетъ сего закланія моего время, а оно не можетъ быть далеко, да не вопроситъ меня Владыка о напрасно потраченномъ времени и о зарытомъ талантѣ, да не речетъ, Рабъ худой и лѣнивый, ты вѣдалъ, что Я жну, гдѣ не сѣялъ [39])!..» Еслибы гдѣ на прежнихъ стоянкахъ, а тѣмъ больше въ столицѣ Русской привелось бы встрѣчать конецъ сей, труженикъ весь изнылъ бы и измельчалъ бы въ борьбѣ напрасной, безплодной; Промыслъ соблюлъ его въ пустыни, чтобы оттуда разнеслась по всему Славянскому міру громкая проповѣдь, чтобы не порѣшить ему тѣмъ, чѣмъ кончали великіе люди распадавшагося классическаго міра: «въ молчаніи—безъ слова—прешли мы,» ad ipsos exactae aetatis terminos per silentium venimus. Въ Москвѣ онъ смолкъ бы на вѣки: громко и долго говорить могъ онъ, изъ всѣхъ странъ Славянскихъ и земель чуждыхъ, въ одной лишь — въ Сибири.

---

[38]) «Обличеніе.»

[39]) Тамъ же.

Былъ впрочемъ на Москвѣ одинъ человѣкъ, и только одинъ, съ кѣмъ Юрій ознакомился близко, говорилъ откровенно, а послѣ въ Сибири, изъ всѣхъ лицъ Московскихъ и дѣяній, воспоминалъ нѣсколько разъ только его одного: умный какъ никто, своимъ природнымъ Русскимъ умомъ, знатный, сильный и богатый, первый покровитель всего иностраннаго, бѣльмо въ глазу боярамъ, оклеветанное и ненавистное имя предъ взоромъ и слухомъ народа, тяжелое бремя массамъ, щедрый благотворитель и всемощный ходатай — кому хотѣлъ, первое лицо по царѣ, воспитатель его, отецъ посажоный и свояк.. Это былъ знаменитый *Борисъ Ивановичь Морозовъ*. Но, въ пору прибытія нашего странника, онъ удалился уже отъ всѣхъ дѣлъ государственныхъ: чуждый политическому водовороту, тревогамъ и шуму, въ домашнемъ уединеніи, съ однимъ лишь нравственнымъ вліяніемъ, какъ громадная — погасавшая — сила, съ доброю своей Анной Ильинишной, покровительницей пришельцевъ и странниковъ, да съ тяжкою болѣзнію, доживалъ онъ послѣдніе дни свои. Слушая Крижанича и плѣнялсь высокимъ его образованіемъ, восклицалъ онъ въ присутствіи гостя: «О, зачѣмъ только я не моложе, чтобъ поучиться чему ни будь доброму [40])!» Сожалѣніе, поучительное и самому путнику: учиться такъ, какъ учился Юрій, и учиться у него самого въ Москвѣ было некому; могъ бы одинъ Морозовъ, да и тотъ устарѣлъ. Разъ еще дальше зашли ихъ разговоры. Убѣдившись въ обширныхъ познаніяхъ Юрія и считая его именно свѣдущимъ въ сочиненіяхъ Европейскихъ историковъ, Морозовъ, съ практическимъ умомъ своимъ, началъ распрашивать о народахъ, ближайшихъ къ интересу Россіи, особливо о Сибири и сильныхъ Калмыкахъ: не слыхалъ ли прежде того Крижаничь и не читалъ ли о царѣ Алтынѣ, Конъ-тайшѣ, Аблаѣ-тайшѣ, Везуртѣ-тайшѣ, вообще о тайшахъ или князьяхъ ихъ, древнѣйшихъ, или находящихся въ живѣ. Гость отвѣчалъ, что онъ не слыхивалъ даже именъ ихъ, и Мо-

---

[40]) «Тако мужь вѣчные славы достоенъ Борисъ Ивановичь Мразовъ (уже старъ будучь) нѣкогда (мною—нами слышещими) веляше: О, за что я нѣсмь млажій, да бѣхъ се могель чесо научить!» Р. Гос., т. I, стр. 106 — «Тако мужь вѣчные памети достоенъ Борисъ Ивановичь Мразовъ, нѣкогда вельше: О прочто язъ нѣсмь млажій, да бѣхъ се могелъ что добра научить!» Т. II, стр. 142.

розовъ выразилъ удивленіе, какимъ образомъ Европейскіе ученые могли молчать о столь многочисленномъ и воинственномъ народѣ [41]). Новое поученіе слушателю: ему оставалось дополнить то, чего не совершили еще Европейскіе ученые, самому доучиться и изучать Россію на отдаленномъ Востокѣ. Такъ и сбылось.

Имя Сибири произнесено: и скоро, въ Сибири же, пришлось изгнаннику, вспоминая великій умъ и «величайшій авторитетъ» перваго Русскаго вельможи, извлекать новое поученіе изъ его смерти (1 Ноября 1662 г.), сопровождавшейся вскрытіемъ громаднаго имущества, добытаго любостяжаніемъ [42]).

Естественный и ничѣмъ не отвратимый разсчетъ Москвы состоялъ въ томъ, чтобы *сбыть* такого рода дѣятеля: сбыть, какъ физически сильный сбываетъ слабѣйшаго, хотя бы и сильнѣйшаго нравственно, и именно за эту нравственную силу; какъ сбываетъ всякое государство безпокойнаго и подозрительнаго человѣка, хотя бы безъ другой и даже безъ всякой вины его; — сбыть безъ шума и тревоги, безъ разбора, но и безъ гнѣва, безъ ожесточенія, даже безъ преслѣдованія, даже съ извѣстнаго рода милостями, даже со льготою—развивать дѣятельность, гдѣ угодно, только вдалекѣ, не здѣсь, не въ Москвѣ.

«169 (1661 года). Генваря въ .8. день, по памяти (письменному распоряженію) изъ Приказу Лифлянскихъ дѣлъ,» состоявшаго въ зависимости отъ героя Ливоніи Ордина-Нащокина, «за припискою дьяка Дениса Савлукова, посланъ в Сибирь въ Тоболескъ *иноземецъ Юрьи Ивановъ сынъ Сербинъ* [43]). А по Государеву указу ве-

---

[41]) Объ этомъ разсказываетъ самъ Крижаничъ. Auctoritatis summæ vir, Morozius Boris, procerum Moscicorum primas, ex me quærebat: num auditu aut lectu percepissem famam, de Altin Tzar, Kon Taisa, Ablaj Taisa, Vezurta Taisa, et de aliis Calmacorum, tum antiquioribus, tum diuentibus Taisis siue Ducibus. Dicebam, mihi nomina illa eatenus inaudita fuisse. Ille vero mirabatur, si ab historicis Europæis (quorum me putabat esse peritum) tam numerosa ac bellicosa natio silentio fuisset praeterita. Ср. въ I-мъ нашемъ Очеркѣ стр. 88 и во II-мъ стр. 43.

[42]) «Р. Гос.,» о Пром. и др.

[43]) Это первый случай, предвѣстникъ многихъ роковыхъ для Юрья впослѣдствіи, когда имя его стали смѣшивать и сбивать: здѣсь поводомъ послужилъ знакомый намъ соотчичъ и современникъ Крижанича, *Иванъ Юрьевъ Сербинъ*, глава гетманской гвардіи и полковникъ козацкій, не задолго передъ тѣмъ задержанный было въ Москвѣ. Отъ него, черезъ обратную перестановку, взяли отчество Крижаничу—Ивановъ.

лено ему *быть в Тоболску у Государевых дьл, у каких пристойно.* А кормовых ему денег велено давать (во время житья въ Сибири) по семи рублев с полтиною на мѣсецъ,»—содержаніе по тому времени не только достаточное, но и значительное [44]. Въ слѣдъ за симъ, въ Сибирскій Приказъ, коимъ завѣдывалъ тогда знаменитый Боярин князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой съ дьяками Григорьемъ Протопоповымъ и Никитою Одинымъ, переданно распоряженіе о препровожденіи Крижанича по мѣсту назначенія, съ платою кормовыхъ въ дорогу: «Генваря въ 20. день по указу великого Государя посланы въ Сибирь въ Тобольскъ *Сербянинъ Юрья* да патриаршъ подьякъ Ѳедоръ Трофимовъ. И Государева жалованья имъ, поденного корму отъ Москвы въ дорогу, рубль тритцать два алтына. А именно. Юрью по пяти (шести) денегъ, а подьяку з женою по осми денегъ на день, обоимъ *на четыре недѣли*,»—обычная, узаконенная тогда плата суточныхъ сверхъ казенныхъ даровыхъ прогоновъ [45]. Четыре недѣли постоянно назначались на проѣздъ изъ Москвы въ Тобольскъ или обратно: путь лежалъ на Переяславль, Ярославль, Вологду, Тотьму, Устюгъ Великій, Соль Вычегодскую, Кай-городокъ, Соль Камскую, послѣ чего слѣдовали уже Сибирскіе города Верхотурье, Туринскій Острогъ, Тюмень, Тобольскъ.

Марта 8-го 1661 года Крижанич прибылъ въ Тобольскъ: начальство, встрѣтившее его,—воевода Тобольскій боярин князь Иванъ Андреевичъ Хилковъ да дьяки Тарасъ Головинъ и Семенъ

---

[44] Такъ говоритъ столбецъ Сибирскаго Приказа въ коемъ содержится отвѣтъ 1661 года отъ Сибирскихъ Воевода, на запросъ Москвы прислать Ведомость, кто и когда прибылъ въ Тобольскъ, куда разосланъ, при какомъ дѣлѣ и на какомъ содержаніи состоялъ со 162-го по 169-й годъ и въ самомъ 169 1661 году.—Назначенные Юрью 90 рублей въ годъ превышали жалованье многихъ значительныхъ должностей въ Москвѣ и по нынѣшнему курсу составляли бы рублей девятьсотъ.

[45] «Книга Розходная Сибирского Приказу 169 году,» статья, идущая съ 480 листа, о томъ, во 169 году сколько «ссыльнымъ людемъ поденного корму и в дорогу.» о Крижаничѣ листъ 482.—6 денегъ, или 3 копейки, или алтынъ, давалось всѣмъ одинокимъ, по нынѣшнему это копеекъ 30 въ день на кормъ; прибавлялось до 8-ми только семейнымъ.—Т. е. Юрью на 4 недѣли 84 копейки, по нашему вышло бы 8 р. 40 к., Ѳедору 1 рубль 12 к., по нашему 11 р. 20 к.

Румянцевъ. Крижанича, отдѣльно отъ Ѳедора, сопровождалъ до Тобольска Березовскій козакъ Лабутинъ. Съ этого времени началось его Сибирское житье, о которомъ въ вѣдомостяхъ съ 1661 года доносилъ воевода Москвѣ: «Марта въ 8 день по Государеве грамоте прислан съ Москвы в Тоболескъ, з Березовскимъ козаком с Миткою Лабутинымъ с товарыщи, иноземецъ *Юрьи Сербинъ*. А в Тоболску ему Юрью велено давать корму на мѣсяц по семи рублевъ съ полтиною [46]).»

Чтобы понять нѣсколько обстановку и сообщество Крижанича въ новой жизни, нужно припомнить, изъ числа попесшихъ подобную участь въ ту пору, кромѣ иноземцевъ и великихъ людей Нѣмецкихъ, Польскихъ, Литовскихъ, Бѣлорусскихъ, Черкасскихъ, Русскихъ и Московскихъ, въ количествѣ не одной тысячи, выдающіяся политическія и духовныя лица за тѣ года, каковы: Юрій, Василій и Илья Выговскіе (168 и 169); Иванъ и Юрій Нечаи (169); Бѣлорусскій попъ Власъ (167); изъ Литвы «Ксеноза Шишкевъ (167);» «Полскіе земли сзувитъ Ондрей Ковачиского Ковачиссій 167);» войска Запорожскаго разные полковники, есаулы и рядовые, въ томъ числѣ Черкашенинъ *Шаблинскій*, за измѣну (168, по дѣлу Выговскаго и Юрья Хмельницкаго), оставленный въ Тобольскѣ на службу въ разрядѣ боярскихъ дѣтей, гдѣ послѣ и упоминалъ его Крижаничъ (см. выше); по дѣлу Никоновскому разные патріаршіи дьяки и нѣвчіе; Успенскаго собора ключарь Іевъ и Знаменскій Герасимъ, съ семействами (174); по дѣламъ Никоновскимъ и раскольничьимъ, знаменитый протопопъ *Аввакумъ*, коего въ Тобольскѣ встрѣтилъ Крижанич уже на возвратѣ, *Ѳедоръ* патріаршій подьякъ съ женою, сотоварищъ пути и Тобольской жизни Крижанича, у него послѣ описанный, да наконецъ, не менѣе знаменитый въ исторіи раскола и области церковной, Романовскій попъ *Лазарь*, также сожитель Крижанича въ Тобольскѣ и также подробно у него изображенный. Онъ догонялъ Юрія въ 1661 году: «Іюля въ. 14. день по указу великого Государя посланъ с Москвы въ Сибирь въ ссылку Романовской попъ Лазарь. І Государева жалованья, поденного ему корму, и з женою

[46]) Также столбецъ Сибирскаго Приказа съ вѣдомостью отъ главнаго в Сибири Тобольскаго воеводы.

и з дѣтми, на четыре недѣли от Москвы въ дорогу, рубль тригцать алтынъ (1 р. 90 к.). А имянно. По два алтына по две денги на день всѣмъ [47]).»

Сверхъ явныхъ и уличенныхъ преступниковъ, какъ на примѣръ за воровство, грабежь, убійство, измѣну и т. п., которые вовсе не идутъ сюда въ разсчетъ, вообще всякіе люди, провинившіеся чѣмъ либо или опасные и вредные, по обстоятельствамъ требовавшіе удаленія, смотря по разрядамъ ихъ, отправлялись тогда въ Сибирь: или прямо съ указаніемъ *вины* ихъ; или *колодниками*, въ цѣпяхъ, узахъ; въ *ссылку; на житье* или *на вѣчное житье; къ работамъ; на устрой*, по нашему на водвореніе; *подъ крѣпкую стражу, крѣпкій надзоръ*, прямо *въ тюрьму*, и, смотря по этой строгости, обыкновенно въ болѣе дальніе города и крѣпкіе остроги Сибири; иные, слабѣе, *въ которые городы доведется;* наконецъ *на службу* по усмотрѣнію воеводы и бояръ, всего лучше, если въ Тобольскъ, и т. д. Крижаничъ не введенъ ни въ какой подобный разрядъ, не обозначенъ такого рода именемъ, качествомъ или указаніемъ. Онъ отправленъ какъ *иноземецъ*, иностранный подданный, съ извѣстными правами сего; писанъ съ *отчествомъ*, почетно; назначенъ *къ житью въ Тобольскъ на неопредѣленное время;* съ постояннымъ государевымъ, и значительнымъ, *жалованьемъ;* съ указаніемъ быть ему тамъ *у государевыхъ дѣлъ, у какихъ пристойно;* то есть, по нашему, удаленъ административнымъ порядкомъ на временное жительство и съ полнымъ содержаніемъ, а независимо отъ сего, съ полною свободою службы, къ какой только былъ способенъ, еслибы того захотѣлъ и нашли пристойнымъ мѣстные начальники.

Мы отчасти знаемъ уже изъ предыдущаго, что Юрій очутился и прожилъ 15 лѣтъ въ тогдашней столицѣ Сибири, многолюдномъ городѣ, предъ взорами главнаго начальника всей Сибири и главнаго духовнаго Владыки, въ обстановкѣ столичной церковной каѳедры, съ достаточными средствами содержанія, среди быта не

---

[47]) Указанія и черты, сообщаемыя здѣсь кратко на первый разъ для Русской литературы и науки, содержатся въ архивѣ старыхъ дѣлъ Сибирскаго Приказа, а это въ нынѣшнемъ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Мы обязаны своими разысканіями просвѣщенному начальнику его *П. В. Калачову.*

только безбѣднаго, но даже богатаго, въ свободномъ общеніи съ пріѣзжими и всѣми жителями, въ дѣлахъ съ ними, бесѣдахъ и спорахъ, со множествомъ книгъ, имъ цитуемыхъ, даже съ иностранными газетами, какія получались тамъ въ его время, въ непрерванныхъ связяхъ съ Москвою, хотя челобитья къ престолу и долго не успѣвали, наконецъ съ поддержкою отъ представительнаго духовенства, даже денежною. Разумѣется, недоставало только двухъ важныхъ преимуществъ: дѣйствительной *службы*, ибо какая же Крижаничу оказалась бы тамъ *пристойна?* Да свободы *возвратиться* и располагать собою *гдѣ угодно*. Собственное высокое развитіе, пріобрѣтенное съ годами на мѣстѣ, и величайшія творенія, завершенныя тамъ для всего Славянскаго міра, не могли удовлетворить скромности Юрія и возгордить его успѣхомъ. Неотступная мысль о томъ, что онъ даромъ ѣстъ хлѣбъ и пользуется незаслуженной царской милостью, безъ дѣла и безъ работы, никому въ мірѣ не нужный, заѣдала душу изгнанника и вопль его раздался громко въ томъ «Обличеніи,» которое дошло до престола и рѣшило его свободу: «Я долженъ исповѣдать и исповѣдую прелютую свою нужду, ту, которая меня къ сему дѣлу (заключительному творенію писателя) убѣждаетъ, притѣсняетъ и приневоливаетъ. Четырнадцать лѣтъ уже прожилъ я и еще до воли Божіей живу въ сей Сибирской узѣ: Богу Всемогущему много грѣшенъ, а всему міру бездѣленъ, некорыстенъ и непотребенъ. Ибо никто отъ меня не спрашиваетъ никакого рукодѣлья, ни услуги, ни совѣта, ни помощи, ни работы, а Божія и царская милость питаетъ меня, столь бездѣльнаго, будто какое-то животное [48]).»

Много можно, много еще будутъ говорить и писать о Крижаничѣ: но вотъ пока предъ читателями главная руководящая

---

[48]) «Обличеніе» стр. 48, 49: «А я пак и сам несем должен изповидати, и изповидаю свою прелюту нудю: яже ме къ сему делу опоминаіет, притискаіет и силит. Четирнадесте бо лѣт юже прежних, и іеще до воліи Божіе живу въ сей Сибирской вузе: Богу всемогущ ему много грѣшен: а всему миру безделен, некористен и не потребен. Никтоже бо отъ мене не изпрашаіет, никакова же рукоделя, ни послуги, ни совета, ни помощы, ни работы, а Божія и царска милост питаіет ме тако безделна: будто нику скотину въ котцу.»

нить всей его жизнедѣятельности, трудовъ его и заслугъ. Она даетъ полную возможность отвѣтить на вопросъ, предложенный нами въ началѣ.

Такова ли была отплата отъ Руси за тѣ пламенныя надежды и рѣчи, которыя обращалъ къ ней Крижаничъ? Трудно себѣ представить другую и едва ли это не была самая лучшая изъ всѣхъ возможныхъ по времени. Если на комъ либо и въ чемъ либо была здѣсь вина, то это въ одномъ главномъ: Крижаничъ родился, жилъ и дѣйствовалъ, мыслилъ, говорилъ и писалъ раньше срока, срока не малаго, лѣтъ за двѣсти впередъ. А спустя двѣсти лѣтъ въ той же Москвѣ явился остроумнѣйшій языковѣдъ, глубокомысленный историкъ, прозорливый политикъ, полемическій богословъ, защитникъ Церкви и ея православія, обильный писатель, общественный и народный дѣятель, передовой человѣкъ Руси и Славянства, *А. Ст. Хомяковъ*. Какъ Крижаничъ, для собственной собратіи, обществу, наукѣ и литературѣ онъ всегда былъ и остался до смерти безпокоенъ и подозрителенъ. Мудрено ли, что до сихъ поръ не понимаемъ или не цѣнимъ Крижанича, и только что начинаемъ цѣнить, только что понимать его!

1870 Сентябрь.

---

21 ИЮЯ 1944

2007050543